

# Карл Маркс

Различие между  
натурфилософией Демокрита  
и натурфилософией Эпикура

# Карл Маркс

Различие между  
натурфилософией Демокрита  
и натурфилософией Эпикура

Предисловие  
к итальянскому изданию  
Лучано Канфора  
«Доктор Маркс»

Предисловие  
к русскому изданию  
Александр Петрович Сегал  
«Диссертация Карла Маркса как  
исследовательский текст  
и как объект исследования»

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ  
МОСКВА

ББК 87.3  
УДК 14  
М 27

*Издание осуществлено при участии Ассоциации  
«Познаём Евразию».*

### **Маркс Карл**

Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. – М.: Прогресс-Традиция, 2023. – 296 с.

К прочтению и изучению любого текста можно подойти как минимум двояко. Можно рассматривать текст с точки зрения его предмета: того, что в нем описывается. В нашем случае речь идет о сравнении двух философских систем древности. Сразу скажем, что с этой стороны работа К. Маркса достаточно изучена, весьма интересна – и она вовсе не школярская, как ее иногда пытаются представить. С точки зрения немецкой университетской («гумбольдтовской») традиции, к которой принадлежал и К. Маркс, работа абсолютно логична, полна и последовательна, а ее объем достаточен и соответствует бытовавшим в то время требованиям к квалификационным работам.

«Диссертация Маркса – содержательное и тщательное исследование, написанное одаренным молодым философом, находившимся под явным влиянием Гегеля, прекрасно знавшим предмет и читавшим источники на языке оригинала. Это работа многообещающего молодого человека, – пишет Том Рокмор. – В других обстоятельствах она была бы опубликована в виде книги соответственно обычной практике в немецких академических кругах – что Маркс и планировал сделать в качестве твердого шага к будущей научной карьере».

© Editori Laterza, 2023  
© Luciano Canfora «Il dottor Marx».  
Предисловие к итальянскому изданию, 2023  
© Анжело Лорети. Перевод предисловия  
к итальянскому изданию, 2023  
© Сегал А.П. «Диссертация Карла Маркса  
как исследовательский текст и как объект  
исследования». Предисловие к русскому  
изданию, 2023  
© Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40.  
М.: ИПЛ, 1975  
© Прогресс-Традиция, 2023

ISBN 978-5-89826-68-68

## **СОДЕРЖАНИЕ**

- 7 **Лучано Канфора**  
ДОКТОР МАРКС
- 149 **А.П. Сегал**  
ДИССЕРТАЦИЯ КАРЛА МАРКСА  
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ  
И КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
- 189 **Карл Маркс**  
РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ  
ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ  
ЭПИКУРА
- 282 **НАБРОСОК НОВОГО ПРЕДИСЛОВИЯ  
К РАБОТЕ**
- 283 **МАРКС – КАРЛУ ФРИДРИХУ БАХМАНУ**
- 284 **Список имен**

**Лучано Канфора**

**ДОКТОР МАРКС**

(Перевод с итальянского  
Анжело Лорети)

Издательство благодарно Васиной Людмиле Леонидовне за квалифицированные консультации и разъяснения при подготовке книги к изданию. Васина Л.Л. – главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), руководитель группы по подготовке международного Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА/MEGA – Marx-Engels Gesamtausgabe), член Редакционной комиссии МЭГА, специалист в области публикации научного и эпистолярного наследия К. Маркса и Энгельса, соподготовитель и научный рецензент 14 томов МЭГА, автор более 120 научных работ по изданию МЭГА, истории «Капитала» Маркса, марксоведению.

## 0. «Забытая» книга

### 1

Не обладая непосредственным и обширным знанием греческой и латинской литературы<sup>1</sup>, Бенедетто Кроче в работе, опубликованной в 1945 году в новом выпуске своего журнала, более или менее добродушно иронизировал над докторской диссертацией Карла Маркса, используя ее в качестве доказательства общей теории о том, что вожди пролетариата, как правило, либо являются буржуа, либо занимают еще более высокое место на социальной лестнице. «В рамках социализма, – пишет Кроче, – гордостью которого являлась его научность, Маркс оказался доктором философии, спорившим об Эпикуре»<sup>2</sup>.

Данная диссертация, посвященная античной философии, должно быть, произвела на Кроче своеобразное впечатление, учитывая, что незадолго до этого, упоминая ее, он отзывался о ней столь же неодобрительно, но в совершенно другом контексте и по совершенно другим причинам. Это было в 1943 году в небольшом произведении «Либеральная идея». В этой книжке, развивая концепцию, согласно которой «коммунисты сами по себе не обязательно нелиберальны», Кроче утверждал, что и марксизм не был бы нелиберальным, если бы «в нем [в Марксе] не преобладали прусский политический подход и педантичная систематичность немецкого университетского доктора наук [?], что противоречило его утверждениям о демократической сво-

<sup>1</sup> *Pasquali G.* Croce e le letterature classiche, «Leonardo», 8. 1937. P. 45–50. Журналом в то время руководил сын Джованни Джентиле Федерико.

<sup>2</sup> *Considerazioni sul problema morale nei nostri tempi*, «Quaderni della critica» I, 1945 (= *Scritti e discorsi politici*, II, Laterza, Bari 1963, P. 141).

боде»<sup>1</sup>. В оценке диссертации об Эпикуре, якобы «предшествующей тоталитаризму», есть нечто комичное.

## 2

Подобный же высокомерный тон Кроче проявляет неоднократно, то ссылаясь на Фердинанда Лассалья, который, как пишет Кроче, «рассуждал о Гераклите»<sup>2</sup>, то упоминая комический эпизод, когда во время визита в Неаполь старый социалист Вильгельм Либкнехт перед скульптурной группой тираноубийц в Национальном музее начал декламировать греческие стихи (их Кроче несколько небрежно назвал «известной песнью» Каллистрата)<sup>3</sup>. В связи с необоснованно недоверчивым отношением к «классическим» исследованиям, которое распространилось в результате конформизма или преклонения перед утилитарной концепцией культуры даже среди ученых, придерживавшихся левых взглядов, диссертация, открывавшая Маркову философскую деятельность, долгое время оставалась на заднем плане, в том числе среди поклонников Маркса.

В то время, когда «откопали» это спасшееся чудесным образом исследование<sup>4</sup>, его было принято считать облагораживающим биографию Маркса «любопытным событием», а не оригинальным и ценным вкладом в науку. Таким образом, выдающиеся ученые, приступая к рассмотрению данной докторской диссертации, предпочитали поступать осторожно, ссылаясь, в свою очередь, на более «достоверные оценки» «настоящих» и «профессиональных» ученых, по возможности авторитетных.

<sup>1</sup> Кроче Б. Либеральная идея. Против путаницы и гибрицизма. Laterza, Bari 1944. P. 12. В обращении к читателю, датированном «ноябрем 1943 года», Кроче уточнил, что «данные сочинения, напечатанные по всей Италии, были напечатаны за несколько месяцев до падения фашизма» (стр. 5). Распространение *erga omnes* (огульно) эпитета «педантизм» на все немецкие докторские диссертации оказывается по меньшей мере поспешным.

<sup>2</sup> *Политические сочинения и речи*. С. 141. У Лассалья были в Берлине известные учителя, такие как Август Бек и Александр фон Гумбольдт.

<sup>3</sup> Он считает само собой разумеющейся данную сомнительную атрибуцию некоторых известных застольных схолий.

<sup>4</sup> См. ниже, часть III.

Приведем два произвольно выбранных примера: вступительную статью внеочередного выпуска американского журнала «*Arethusa*», vol. VIII (с. 12), Джеффри де Сент-Круа (1975) и начало работы Жана Салема «Маркс и античный атомизм» (1991), опубликованной в «*Анналах Высшей нормальной школы г. Пизы*» (с. 1579)<sup>2</sup>. Оба автора считают необходимым «опираться» на слова из опубликованной в 1928 году в журнале «*Classical Quarterly*» (издательство Оксфордского университета) статьи Сирила Бейли, известного исследователя Лукреция. В этой работе, озаглавленной «Карл Маркс о греческом атомизме», Бейли написал о диссертации Маркса, что «любой, кто изучает эпикуреизм, должен ее прочесть», признавая в ней «реальный интерес» («*real interest*») и успешный «новаторский» подход<sup>3</sup>.

Подобная защитная стратегия, пожалуй, станет более понятной, если учесть, как долго исследования Маркса по политической экономии, в первую очередь «Капитал», оставались «за дверью» по сравнению с так называемыми «серьезными» и, во всяком случае, академическими исследованиями по экономике.

Но полностью отказаться от остракизма со стороны «клуба благоразумных персон» так и не удалось. Поскольку в случае с диссертацией о Демокрите и Эпикуре мы имеем дело с областью исследований, в которую Маркс никогда не возвращался, смущение его поклонников может показаться понятным; менее понятно, с другой стороны, легкомысленное невежество его хулителей<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Marx et l'Atomisme ancien.

<sup>2</sup> Серия III. Т. XXV, 4.

<sup>3</sup> Классический ежеквартальный журнал». 1928. № 22. С. 205–206.

<sup>4</sup> См., например, невероятное *Résumé*, приведенное Исайей Берлином в четвертой главе его биографии Маркса: «...чрезвычайно условный тезис [?], согласно которому Демокрит и Эпикур «оба неизбежно [?] считались предшественниками Гегеля [!]» *Berlin J. Karl Marx* [итальянский перевод]. Firenze: La Nuova Italia, 1994. С. 85). В последующем, пятом, издании своей монографии Берлин убрал данное необоснованное утверждение, но в равной степени набросился на диссертацию, «написанную на языке ненамного менее заумном, чем тот, который он позже стал осуждать как типичное идеалистическое многословие» *Berlin J. Karl Marx* [итальянский перевод Адельфи]. Milano, 2021. С. 97–98). Но действительно ли он читал диссертацию?

Такой вывод сделал Бейли и посвятил диссертации Маркса статью, опубликованную в таком специализированном академическом журнале, как «Classical Quarterly», в связи с тем, что в предыдущем, 1927 году во Франкфурте вышел первый том собрания сочинений Маркса и Энгельса (Marx Engels Gesamtausgabe – MEGA), включающий докторскую диссертацию Маркса, под бережной редакцией Давида Борисовича Рязанова из московского Института Маркса и Энгельса.

### 3

Связанные с партийными убеждениями интеллектуальные помехи, к счастью, уже давно уходят. Таким образом, смело можно принять к сведению тот факт, что данная диссертация действительно является с научной точки зрения «сильным» и проницательным исследованием спорных вопросов послеплатоновской философии. По мнению Максимилиана Рюбеля, внимательного и дотошного исследователя Маркса, эту докторскую диссертацию можно даже считать единственным «строго философским» трудом Маркса<sup>1</sup>.

Но оно не менее значительно как начальный этап самостоятельного интеллектуального пути автора, даже если он сам почти отложил его в долгий ящик.

Двадцатью годами позже, в предисловии к работе «К критике политической экономии» (1859), Маркс вспоминал свои первые шаги, полностью умалчивая о диссертации: «Моим специальным предметом была юриспруденция, которую, однако, я изучал лишь как подчиненную дисциплину наряду с философией и историей. В 1842–1843 годах мне как редактору «*Rheinische Zeitung*» пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение»<sup>2</sup>. Но «преодоление» Гегеля наблюдается уже в «Диссертации». В ней центральную роль при переосмыслении

<sup>1</sup> См.: Marx Oeuvres, III, Philosophie. Paris: Gallimard, 1982. P. 6.

<sup>2</sup> Маркс К. К критике политической экономии^ Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 13. С. 5–6.

античного атомизма играет концепция материи, наделенной «свободой воли»: данная интерпретация, которая берет начало от Лукреция, является оригинальным и перспективным путем.

Дело в том, что, оставаясь неопубликованной до начала двадцатого века (фактически до 1927 года), юношеская диссертация Маркса не была вовлечена в дебаты девятнадцатого и двадцатого веков о строении материи. А зря: работа в этих дебатах заслужила бы внимание не столько за изучение древних источников, сколько за опережающую свое время концепцию взаимоотношения материи-движения (-энергии), состоящую в том, что атом описан аналогично точке, порождающей в своем движении прямую линию. Данная теория находится в непрерывных отношениях с развитием последующей физики.

Но мы не намерены оставлять в тени и некоторые недостатки, обусловленные среди прочего благоговением перед Гегелем: в частности, решение Маркса не рассматривать напрямую гегелевскую недооценку современной науки. Поражает также равнодушие Маркса (определенно связанное с «натурфилософским» характером работы) к части учений Эпикура, на которой Лукреций акцентирует внимание даже больше, чем Учитель: превознесение того, что Лукреций назвал *vita prior*<sup>1</sup> и что мы, следуя Энгельсу, могли бы определить как «первобытный коммунизм». Однако Маркса, даже как зрелого мыслителя, никогда не привлекала подобная идея об «аскетическом» золотом веке. Вместо этого он перенес гегелевский краеугольный камень самосознания на почву классовых конфликтов.

## ЧАСТЬ I

### Гегель как «*magister magnus*»<sup>2</sup>

#### 1

Карл Маркс (1818–1883) в его двадцать с небольшим лет не начал бы и не завершил бы свою докторскую диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилосо-

<sup>1</sup> Первобытная жизнь [лат.].

<sup>2</sup> Великий учитель [лат.].

софией Эпикура» (апрель 1841 года), если бы не «Лекции по истории философии» Гегеля, приобретшие огромную популярность начиная с 1833 года, когда Марксу едва исполнилось пятнадцать. Об этом заявил сам Маркс в «Предисловии» (*Vorrede*) к своей диссертации, датированном мартом 1841 года, но написанном позже, в связи с публикацией, которая, однако, не состоялась.

Там, собираясь дистанцироваться от этих «Лекций», Маркс весьма хвалебно отзывался о них и написал об «удивительно обширном и смелом плане его [Гегеля] истории философии, с которой вообще только и начинается история философии»<sup>1</sup>. Такая совершенно точная оценка к тому времени должна была быть хорошо известна как последователям, так и противникам. Когда Гегель начал работать в Йене (1805), совсем необычно было преподавать философию в виде истории философской мысли. Гегель прекрасно осознавал наличие двух уровней исторической реконструкции: первый уровень – специфика каждого отдельного мыслителя, второй – «внешняя история» («всякая философия является результатом всех предыдущих»). При этом данная концепция была далека от автоматизма, потому что, отметил он, в истории наблюдается «видимость случайности»<sup>2</sup> (*der Schein der Zufälligkeit*): Гомер мог родиться только в Ионии, но он был один-единственный!<sup>3</sup>

Однако у младогегельянцев сосуществуют восхищение (благоговение) и несогласие. К концу «Пятой тетради по эпикурейской философии» (материалы, не вошедшие в окончательный вариант диссертации<sup>4</sup>), Маркс критикует пренебрежительное отношение Гегеля к эпикурейской философии, пытаясь тем не менее смягчить его резкость. «Если, – пишет Маркс на этой стра-

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура: Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 153.

<sup>2</sup> Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 370.

<sup>3</sup> См.: Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Hrsg. von Klaus Grotzsch. Bd. XXX.1. Gamburg: Meiner, 2016. S. 12. Zeile 5–14 (Анонимная тетрадь: заметки из курса 1819 года: из «Nachlass» Юргена Бона Мейера).

<sup>4</sup> О которых мы скажем позже, в части III.

нице<sup>1</sup>, – и по отзыву Гегеля<sup>2</sup> эпикурейская натурфилософия не заслуживает особой похвалы в том случае, когда за критерий оценки принимается объективное достижение, – то с другой стороны»... – греки велики, даже когда они ошибаются.

В действительности слова Гегеля, на которые Маркс ссылается, настолько суровы, что использованное Марксом выражение («не заслуживает особой похвалы и т. д.»), вряд ли можно считать их пересказом. Гегель высказался гораздо суровее: «Seine [Эпикур] Gedanke [его мысли о “*Naturphilosophie*”] über die einzelnen Seiten der Natur, an sich kläglich (сами по себе болезненные), лучше сказать, смесь (*Vermischung*) глупых (*gedankenlose*) представлений, взятых то тут то там (*von allerhand Vorstellungen*), именно поэтому они представляют собой совершенно лишённые всякого интереса мысли (*sind eben so vollkommen gleichgültige Gedanke*)»<sup>3</sup>. Интересно отметить, что во втором издании Мишле «Лекций по истории философии» (1840) такая беспощадная оценка исчезла...

Однако Маркс ссылается как в этом, так и в других случаях на текст предыдущего издания Мишле, 1833 года, принимая это за подлинную (буквально подлинную) мысль и за подлинные слова Гегеля.

## 2

Но каким именно был *текст* этих лекций?

Сразу поясним, что тексты, которые Маркс читал и комментировал, принимая за лекции Гегеля, были смело и прозорливо отредактированы преданным учеником Гегеля Карлом Людвигом Мишле (1801–1898).

В обширном предисловии к своей работе, направленной на реконструкцию тех лекций (которые Мишле прослушал в зим-

<sup>1</sup> Маркс К. Тетради по эпикурейской философии. Тетрадь пятая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 119.

<sup>2</sup> Здесь К. Маркс ссылается на «Лекции по истории философии» в издании: Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Полное собрание, издаваемое кругом друзей усопшего. Берлин, 1833. Т. 14. С. 492.

<sup>3</sup> См. изд.: Мишле 1883, том. II = Sämtliche Werke, Jubiläumsausgabe in 20 Bänden. Hrsg. von H. Glockner, XVIII. С. 492.

нем семестре 1823/24 года), прилежный ученик докладывает о всей работе. Гегель, пишет он, читал курс по истории философии «всею девять раз», начиная с зимы 1805/06 года, когда он преподавал в Йене. Затем Гейдельберг, зимние семестры 1816/17 и 1817/18; Берлин, летний семестр 1819 года, затем 1820/21, 1823/24, 1825/26, 1827/28, 1828/29 годы. 10 ноября 1831 года начался зимний семестр, а 14-го он умер от холеры во время эпидемии, терзавшей в те месяцы Европу.

Когда Мишле приступил к работе, от первого курса, проходившего в Йене в 1805/06 года, сохранился рукописный набросок Гегеля. Эта тетрадь также содержала на полях большое количество заметок, написанных рукой Гегеля, но относящихся к более поздним годам. Они свидетельствуют о развитии его философской мысли и показывают, что этой тетрадью Гегель продолжал пользоваться еще долгое время после Йены. К гейдельбергским годам восходит *краткий набросок* (*ein kürzerer Abriß*), который Гегель имел под рукой во время своих лекций и который он расширял в ходе устного выступления. Стиль этого *Abriß* был чрезвычайно безыскусным, Гегель указывал немногими словами на основные моменты (*in wenigen Worten die Hauptmomente*), исходя из которых он составлял более полное сообщение о каждом философе. Мишле использует очень удачное выражение для определения стиля наброска *Abriß*: «крепкая речь» (*kernige Rede*). Помимо этого имеется ряд отдельных листов, вставленных в записную книжку ин-кварти, содержащую обзор *Abriß*; они составляли лишь часть дополнений, внесенных Гегелем в ходе лекций. Вот почему, отмечал Мишле, стало возможно сравнить эти листы с конспектами (при твердом условии, что в случае расхождений между ними предпочтение отдавалось «авторским» листам). Гегель, указывает Мишле, который прослушал его лекции в 1823/24 году, «всегда имел при себе, стоя за кафедрой» и йенскую тетрадь, и гейдельбергский набросок.

Мишле сообщил, что он использовал три тетради учеников: доктора И.Ф.К. Кампе (1829/30), фон Грисхайма (1825/26) и свою собственную (от зимнего семестра 1823/24). Этот материал в значительной мере утерян, однако в частных архивах и в Краковской библиотеке появились другие записные книж-

ки учеников, которые наконец постепенно стали публиковаться – каждая по отдельности – с максимальной филологической точностью: они датируются 1819, 1820/21, 1823/24, 1825/26 (наибольшая), 1829/30 годами.

Факт, вызывающий восхищение и одновременно тревожный, – что из всех этих разрозненных и лишь частично совпадающих источников Мишле вывел *один* большой единый текст: иными словами, он изобрел текст, не соответствующий ни одному из отдельно рассмотренных источников, и присвоил право (быть может, всего лишь на основании своих и чужих воспоминаний) создавать соединительную ткань повествования. Он осуществил «скачок» от множества студенческих заметок и авторских набросков к единству, представленному как «авторский» текст.

Это аналогично тому, что произошло на пару тысячелетий раньше с «Трактатами» (*πραγματῆαι*) Аристотеля: они были составлены с небольшой филологической тщательностью и в результате (что вызывает озадаченность, например, в случае семи книг «Политики») возникло несколько трактовок одной и той же темы, которые отличаются друг от друга, восходя к разным годам преподавательской деятельности Аристотеля, но которые, однако, были собраны в единый «трактат» в семи книгах; и его, по позднейшей традиции, стали ошибочно считать органическим развитием данной великой темы. Лекции Гегеля по истории философии, «переписанные» таким образом, впервые появились в 1833 году в виде «составленных кругом друзей усопшего» томов 13, 14, 15 полного собрания (*Vollständige Ausgabe*, 1833)<sup>1</sup> и затем были воспроизведены в виде 17, 18 и 19-го томов полного собрания сочинений (*Sämtliche Werke*) под редакцией Германа Глокнера (1928).

Поразительно, что Мишле при выпуске второго издания (1840–1843, *Dunker und Humblot*) «усилил» свою предыдущую работу, направив свое вмешательство, как он утверждал, на то, чтобы в результате объединения и слияния источников, успеш-

<sup>1</sup> *Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie // Hegel G.W.F. Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten. Bd. 13–15. Berlin, 1833. (Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии // Г.В.Ф. Гегель. Сочинения. Полное собрание, издаваемое кругом друзей усопшего. Т. 13–15, Берлин, 1833).*

но использовавшихся ранее, текст стал еще более компактным. Исключено, что он прибежал к другим источникам, обнаруженным позже. Сам он выразился так: «Я основательно переработал (*durchgängig umgearbeitet*)<sup>1</sup> источники, ранее использованные для первого издания».

Он утверждал, что «довел до конца» (*durchführen*) еще не доработанное, по его словам, первое издание, которое он описал так: *die Verschmelzung der Phrase*, «слияние<sup>2</sup> фразы», «отдельного предложения». «Слияние» или «смесь» здесь будут означать «краткое изложение» или воссоединение в одном предложении различных формулировок (при наличии их) одного и того же предложения из каждого из использованных источников (или в некоторых из них); данный метод уже применялся в предыдущем издании и теперь, говорит Мишле, он был реализован «полностью» (*vollständiger*).

А о своем первом издании он говорил как о «сыром материале (*das rohe Material*); в современном языке в этом смысле чаще используется термин «сырьё»), «чья слишком афористичная и фрагментарная форма часто оказывалась трудной для понимания». Вскоре после этого Мишле рассказал подробности о процессе доработки:

а) «Я никогда не пренебрегал выбором (*wählen*), не жертвуя, однако, первоначальным выражением (*des ursprünglichen* [?] *Ausdrucks*), того [моего] варианта термина (*Wortauffassung*)<sup>3</sup>, соответствующего в как можно большей степени (*am entsprechendsten*) мысли (*Sinn*) и духу (*Geist*) усопшего»;

б) «Я постоянно (*häufig*) сталкивался с необходимостью упорядочивать (*besser stellen*) отдельные предложения или отрывки и выбирать (*vorziehen*) иное расположение (*eine andere Anordnung*) тем (*der Materien*)»;

в) «В целях единства текста я устранил (*gestrichen*) или укоротил (*zusammenggezogen*) длинноты (*Längen*) и повторы (*Wiederholungen*)»;

<sup>1</sup> Umarbeiten означает «передельвать», так и «исправлять».

<sup>2</sup> Verschmelzung – слияние, объединение (нем.).

<sup>3</sup> Почти неологизм.

г) «Я вставил в ту часть текста, которая показалась наиболее подходящей (*wie es schicklicher schien*), примечания, помещаемые внизу страницы, включающие и дальнейшие афористические размышления, и прямые цитаты (*die nächsten Citate*) философов, принятых во внимание».

Сложившаяся из подобных заявлений картина вызывает тревогу. Такие выражения и словосочетания, как «слияние», «объединять», «выбирать» (*Verschmelzung, zusammenziehen, wählen*), «соответствие духу усопшего», «вставил в ту часть текста, которая показалась более подходящей» и т. д., указывают на уровень вмешательства на грани произвола. Показательно, что через двадцать лет после второго издания (1908) Герман Глокнер (1896–1979) решил переиздать (1928) первое: очевидно, он счел второе слишком «манипулятивным»<sup>1</sup>.

Двумя годами позже (1930) Эрнесто Кодиньола и Джованни Санна предприняли немалые усилия по переводу этих лекций (*Vorlesungen*), но «после некоторого колебания», как они выразились, выбрали второе издание (1840–1844), исходя из спорных оснований: «В силу большей внутренней органичности частей и полного языкового слияния [?]». Однако сами они сетовали на отсутствие настоящего «критического издания», обещанного Георгом Лассоном (1862–1932), но отчаялись увидеть его в ближайшем будущем; и действительно, достойная текстовая критическая работа над рукописями Гегеля вскоре после этого была прервана смертью Лассона.

По правде говоря, как уже было сказано, первое издание уже было довольно эклектичным. Подобный экстравагантный способ действия (усугубляемый печальным исчезновением ис-

<sup>1</sup> По этому второму изданию Глокнер высказался в примечании, помещенном в конце «Vorwort» Мишле к первому изданию (I, с. 14). Данное примечание исчезло в итальянском переводе этого *Vorwort* (под редакцией Э. Кодиньолы и Дж. Санны – Firenze: La Nuova Italia, 1930, V I. P. XVII). К сожалению, итальянский перевод ведется по второму изданию. Пьер Гарнирон, известный специалист по гегелевским рукописям, выбрал первое издание, когда переводил *Vorlesungen* для Вриана. В свежем издании Suhrkamp (I, 1986), которое воспроизводит первое издание, *Vorwort* Мишле было удалено.

пользованных автографов) подвергался острой критике Иоганнеса Хоффмайстера во введении (1940), помещенном в начале перепечатки издания Майнера в подбор к предисловию (*Einleitung*) Гегеля к лекциям (*Vorlesungen*) (единственный подлинный фрагмент из всей этой массы страниц). Хоффмайстер поставил уместный вопрос: нанес ли предпринятый Мишле способ действия конкретный ущерб, такой как потеря различных вариантов перевода греческой философской терминологии, предложенных и использовавшихся Гегелем, а также отрывков из источников, которые он время от времени цитировал?

После незавершенной попытки Хоффмайстера (1940) в последние годы был достигнут значительный прогресс. Как упоминалось выше, появилось значительное количество записных книжек учеников как компенсация за резкую потерю источников, используемых Мишле (сохранилась только «чистая записная книжка» Карла Густава фон Грисхайма). Полную картину этих находок предоставил Дитмар Кёлер в 1998 году<sup>1</sup>.

Существенным фактом является то, что на основе новых материалов были осуществлены два совершенно разных редакционных проекта. Однако мы все еще далеки от того, чтобы полноценно использовать весь доступный материал. Данные работы отличаются своей редакционной стратегией. Над первым проектом, под редакцией Пьера Гарнирона и Вальтера Йешке, работали в течение более десяти лет (1986–1998, Майнер, Гамбург), и в связи с ним был принят избирательный критерий: отдавать предпочтение пяти большим тетрадам за семестр 1825/26, исходя из предположения, что они лучше всех иллюстрируют целую работу. Отсюда введение «Избранные конспекты и рукописи» (*Ausgewählte Nachschriften und Manuskripte*).

И наконец, в результате второго проекта, у Майнера, в рамках собрания сочинений (*Gesammelte Werke*) Гегеля снова появилось очень ценное на сегодня издание тетрадей (*Notebooks*), относящихся к курсам 1819, 1820/21, 1823/24 годов (Band XXX.1,

<sup>1</sup> Koeler Dietmar. Hegels Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Anmerkungen zur Editionsproblematik / Hegel-Studien. 1998. № 33. С. 53–83.

2016 год и Band XXX.2 2020 года). В продолжении нашего введения мы будем сопоставлять эти новые материалы, касающиеся лекций Гегеля об Эпикуре, с двумя изданиями Мишле.

### 3

Что стало известно после обнаружения новых документов?

Хоффмайстер был склонен к мнению, что Мишле не вносил свои собственные мысли, пока занимался доработкой этих лекций между первым и вторым изданиями.

Рассмотрим в качестве конкретных примеров несколько фрагментов из главы об Эпикуре.

а) Редакция 1833 года: «Эпикур читал со своим учителем о том, что Гесиод рассказывает о Хаосе, из которого происходит все» (когда Эпикуру было двенадцать лет) («...*Las mit seinem Lehrer den Hesiod vom Chaos, woraus alles ausgegangen*») (Band XVIII = II Vorlesungen [jubiläumsausgabe]. S. 475);

а1) Редакция 1840 года: (когда Эпикуру было двенадцать лет) «*las mit seinem Lehrer den Hesiod vom Chaos, woraus alles ausgegangen sey; was vielleicht nicht ohne Einfluss auf seine philosophischen Ansichten gewesen ist*» [Berlin: Dunker und Humblot. Bd. 14. S. 423]. Выделенное курсивом предложение было добавлено Мишле в 1840 году. Далее также приводим перевод Кодинойолы – Санны (Firenze: La Nuova Italia, 1932. V. II. P. 445), основанный на издании 1840 года: «Он читал со своим учителем то, что говорит Гесиод о хаосе, из которого все происходит; что, возможно, не могло не повлиять на его философские взгляды».

Ни в одной из трех новых записных книжек, недавно появившихся и опубликованных Клаусом Грочем (в двух, на данный момент изданных, томах большого тридцатитомного мейнеровского издания *Gesammelte Werke* Гегеля<sup>1</sup>), нет подобных ссылок на то, что в раннем возрасте Эпикур прочитал Гесиода. Речь идет о записных книжках, относящихся к курсам 1819, 1820/21 и 1823/24 годов<sup>2</sup>. Любопытно, что Мишле

<sup>1</sup> Hamburg: Meiner (XXX.1, 2016; XXX.2, 2020).

<sup>2</sup> Это год, к которому относится и «Записная книжка» Мишле.

в 1833 году, видимо забыв про утверждение о том, что гесиодовское видение Хаоса повлияло на возникновение эпикурейской философии, тем не менее о нем вспомнил семь лет спустя при разработке нового издания, даже при отсутствии новых документов, пока он был занят тем, чтобы «слить» – как он выразился – те предложения из пяти использованных семью годами ранее источников. Не исключено, что заключение о влиянии Гесиода на Эпикура является личной интерполированной оценкой Мишле.

Другой значимый пример связан с открытиями в Геркулануме:

а) 1833 год – у нас есть такие подробные сведения о философии Эпикура: «Что найденная в Геркулануме рукопись Эпикура, перепечатанная Орелли, не дала нам никаких новых впечатлений и дополнений к самому Эпикуру»<sup>1</sup> (Michelet 1833, II. S. 478);

а1) 1840 год: [источников о философии Эпикура так много], «что фрагмент письма самого Эпикура, найденный в Геркулануме несколько лет назад, который Орелли перепечатал из неаполитанского издания (*Epicuri Fragmenta libri II et XI De natura, illustr. Orellius, Lipsiae, 1818*), не дали никаких новых открытий и находок; так что мы должны со всей серьезностью заявить, что остальные также не были бы найдены»<sup>3</sup> (Michelet, 1840, II. S. 425–426).

Два итальянских переводчика, Кодиньола и Санна, хотя им помогали, как они сказали, Кроче, Оттокар и Паскуали, здесь не поняли последнего предложения (отсутствующего в изд.

<sup>1</sup> Daß uns die in Herculanium aufgefundene, von Orelli nachgedruckte Schrift Epikurs selbst keine neuen Aufschüsse und Bereicherungen gegeben hat (нем.).

<sup>2</sup> Самого – т. е. не Филодема или других.

<sup>3</sup> [Il pensiero di Epicuro è così ben documentato (итал.)] «...daß uns das in Herculanium vor einigen Jahren aufgefundene Fragment einer schrift Epikurs selbst, welches Orelli der Neapolitanischen Ausgabe nachgedruckt hat (Epicuri Fragmenta libri II et XI De natura, illustr. Orellius, Lipsiae 1818), keine neuen Aufschüsse und Bereicherungen gegeben; so dass wir allen Ernstes depreciren müssen, dass nicht auch die übrigen aufgefunden würden» (нем.).

1833 года), приходя к выводу, что Гегель назвал «прискорбным» открытие дальнейших фрагментов из Геркуланума! Дословный смысл предложения таков: «...Так что нам следует извиниться за то, что не были обнаружены и остальные». Перевод Кодиньола – Санны, напротив, гласит: «Фрагмент из работы, автором которой является даже сам Эпикур, обнаруженный несколько лет тому назад в Геркулануме и переизданный Орелли в неаполитанском издании, не расширил и не обогатил наше знание о нем [?], так что мы должны вовсе серьезно считать прискорбным [однако depreciren = извиниться] открытие других его фрагментов [так!]» (пер. Кодиньола – Санны, изд. 1840 г., II, р. 448). На самом деле Гегель (точнее, Мишле) прямо утверждал противоположное: то есть что «мы должны (в шутку) извиниться за то, что не были обнаружены и остальные фрагменты текста» (и надеяться, что это произойдет; конечно: т. к. те немногие обнаруженные фрагменты приносили мало пользы)<sup>1</sup>.

Отметим, что во всех трех упомянутых нами тетрадах сообщается об открытии в Геркулануме<sup>2</sup>, но ни в одной из трех не выражается надежда на дальнейшие открытия:

а) 1819 год (анонимная записная книжка, из личного архива Юргена Бона Мейера): (в тексте автора на немецком) «*Von Epikurs 300 Schriften haben sich nur in Herculanium Fragmente aus seiner Physik gefunden*»<sup>3</sup> (Band XXX.1 [2016]. S. 119);

б) 1820/21 год (записная книжка Георга Вильгельма Генриха Херинга): «*In neuern Zeiten hat man in Herculaneum Manuscripte von einem Epikuräer entdeckt, auch eine Schrift von Epikur selbst. Diese Stücke sind sehr fragmentarisch. Neues ist daraus nicht zu entnehmen*»<sup>4</sup> (Band XXX.1 [2016]. S. 364);

<sup>1</sup> Вероятно, эти исследователи отвлеклись выражением *allen Ernstes* и ввели несуществующее значение *depreciren*, а также опустили *nicht*.

<sup>2</sup> И издание Lipsiense 1818 года понятно (неаполитанские тома 1809 года менее привлекали внимание Гегеля).

<sup>3</sup> «Из 300 сочинений Эпикура фрагменты его физики были найдены только в Геркулануме» (нем.).

<sup>4</sup> «В более поздние времена в Геркулануме были обнаружены рукописи эпикурейца, в том числе написанные самим Эпикуром. Эти куски очень фрагментарны. Из этого нельзя извлечь ничего нового» (нем.).

в) 1823/24 год (тот же семестр, в течение которого Мишле посещал лекции Гегеля: это записная книжка Генриха Густава Гото с дополнениями Ромуальда Хубе на полях): «*Neuerdings ist in Herculanum eine Schrift Epikurs herausgekommen, doch ist sie fragmentarisch und wenig daraus zu lernen. Sie ist in Neapel herausgekommen, in Deutschland Leipzig 1818* [sic: 1818<sup>1</sup>]»<sup>2</sup> (Band XXX.2 [2020]. S. 628–629).

Представляется значительным, что всего три независимых свидетеля, одним из которых является сам Мишле (1833), умалчивают о великодушном и шутовском выражении надежды на дальнейшие открытия папирусов из Геркуланума, приписываемых Эпикуру, и что только в 1840 году Мишле заново нашел (где?) эту выходку и внес ее в текст, приписываемый Гегелю. Исходя из этих примеров вызывает смущение заявление Мишле в *Vorwort 1840*, согласно которому в редакции 1833 года он представил «сырой материал», теперь же его сделал более компактным, «слив» предложения.

#### 4

Несмотря на резкую критику, адресуемую Эпикуру, для этих лекций (*Vorlesungen*) Гегель широко пользовался «*Historia Critica Philosophiae* (1741) Иоганна Якоба Бруккера (1696–1770), ученого того же уровня, что и Иоганн Альберт Фабрициус (1668–1736). В работе Бруккера явно ощутимо влияние «*Vitae Philosophorum*»<sup>3</sup> Диогена Лаэртского, а «Лекции» Гегеля, хоть и были составлены Мишле известным способом, их все же, как Маркс и отметил, следует считать началом истории философии, основанной на концепции последовательного развития философских систем одна из другой (так как восточную философию следовало рассматривать отдельно). Тем не менее

<sup>1</sup> Мы не знаем, является ли это ошибкой совсем недавнего издателя, проф. Гото или Гегеля. В 1809 году фрагмент был опубликован в Неаполе, в 1818 году – Орлеане в Лейпциге.

<sup>2</sup> «Недавно вышло найденное в Геркулануме сочинение Эпикура, но оно фрагментарно, и из него мало что можно извлечь. Оно вышло в Неаполе, в Германии, в Лейпциге, в 1808 году [в оригинале: 1818]» (нем.).

<sup>3</sup> В русской традиции – «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

Гегель черпал значительную часть конкретной информации от Бруккера, даже когда создается впечатление, что он обращался, помимо Бруккера, непосредственно к древним источникам, и в частности, к собранию биографических и доксографических трудов Диогена Лаэртского.

Прежде чем приступить к рассмотрению главы об Эпикуре, необходим анализ гегелевской критики Бруккера. «Дело в том, что Бруккер, – написал Гегель во «Введении» (единственной «аутентичной» части *Vorlesungen*), – действует следующим образом: простое философское положение древнего философа он снабжает всеми теми выводами и предпосылками, которые, согласно представлению вольфовской метафизики, должны были бы быть предпосылками этого философского положения и выводами из него, и такой плод чистого домысла он приводит без дальних околичностей в качестве действительного исторического факта. Так, например, Фалес сказал, согласно Бруккеру: *ex nihilo nihil fit* (ничто не возникает из ничего), ибо Фалес говорит, что вода вечна. Таким образом, мы должны были бы причислить его к философам, отрицавшим творение из ничего»<sup>1</sup>. Однако данная критика в ироническом тоне представляется не совсем уместной, в том числе и потому, что не исключено, что именно краеугольный камень вечности материи может составить связь между ионийской физикой и физикой Демокрита (а затем и Эпикура). На той же странице Гегель также критиковал «господина профессора Риттера», то есть Генриха Риттера (1791–1869), за «Историю ионийской философии» (Берлин, 1821). Он признал, что Генрих Риттер обладает большей шепетильностью, но также упрекает его в том, что он приписал Фалесу больше того, что прямо и явно обосновано источниками. Гегель не мог быть знаком с важной совместной работой Риттера и Людвиг Преллера-младшего (Гамбург: Пертес, 1838) «История греко-римской философии», которая представляет собой тщательное собрание источни-

<sup>1</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.: Партийное издательство, 1932. Т. IX. С. 46.

ков по отдельным философам. Еще очевиднее, что Гегель не мог быть знаком с работой по фрагментам и по древней доксографии, которая является результатом длительных изысканий Германа Дильса (1848–1922). Гегель возмутился, что Риттер написал то, что уже давно представляется для нас очевидным, а именно что Фалес «рассматривает вселенную как живое целое», – и он счел, что может легко опровергнуть это, отметив, что Аристотель этого не утверждал (когда в первой книге своей «Метафизики» рассматривал теории своих предшественников).

По правде говоря, сам Аристотель на той странице, когда он перефразировал теорию Фалеса, прибег к концепции «всякое живое существо живет водой» (Метафизика, 983б 24–25) и вода – именно на той странице, которую Аристотель посвятил Фалесу, – была указана как существенно важный жизненный элемент.

Итак, давайте посмотрим, как – в случае с Эпикуром – Гегель нашел хороший способ применения работы Бруккера, предпочтя ее самому Диогену Лаэртскому.

Бруккер (с. 1231): «Невозможно поверить, что он [Эпикур], оказавшись в Афинах [...] не послушал лекции ни Ксенократа, ни Теофраста, подчеркивает Цицерон, что есть некоторые, кто считает, что он [Эпикур], был в числе их слушателей, что вполне правдоподобно»<sup>1</sup>.

Диоген Лаэртский (X, 13): ничего не сказал об общении Теофраста с Эпикуром; сообщил, что Деметрий Магнесийский утвердил, что «Эпикур тоже послушал Ксенократа».

Гегель (курс 1820/21 года = Band XXX.1. S. 363, 20): «Слышал также платоников и аристотеликов»<sup>2</sup>.

Гегель (курс 1823/24 года = Band XXX.2. S. 628, 13): «Имел дело с Ксенократом»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> «Credi non potest eum [= Epicurus] Athenis delatum [...] nec Xenocratem nec Theophrastum audivisse, monetque Cicero esse qui putent inter illius audiores fuisse, quod [...] omnino praesumendum est» (лат.).

<sup>2</sup> «Hörte auch Platoniker und Aristoteliker» (нем.).

<sup>3</sup> «Hatte mit Senokrates Umgang» (нем.).

Гегель (согласно Michelet 1833, II. S. 475 = 1840, II. S. 422–423: «...И, кроме того, имел дело с различными философами того времени, Ксенократом, платоником, и Теофрастом, учеником Аристотеля»<sup>1</sup>).

Таким образом, фраза Бруккера «он не мог познакомиться» (в которой смешиваются версия Диогена и та, на которую ссылался Цицерон) стала «он имел общение...».

Благодаря заметкам в анонимной записной книжке (1819) и записи Гого (1823/24) мы можем отметить импровизированную конструкцию, скорее всего приписываемую самому Гегелю. Прежде всего, однако, следует отметить любопытное и, возможно, симптоматическое явление, касающееся социального происхождения родителей Эпикура. Диоген (X, 1), цитируя Метродора, утверждает, что Неокл, отец Эпикура, происходил из рода Филаидов (одного из древнейших афинских аристократических родов)<sup>2</sup>. Бруккер распространил аристократическое происхождение на обоих родителей: «Его отец Неокл и мать Херестрата оба были из аристократических родов»<sup>3</sup> (с. 1230). Гегель полностью убрал этот фрагмент и взялся за собственную его реконструкцию, что является результатом очень странного смешения источников, «отфильтрованных» через страницы Бруккера.

Первая догадка, превратившаяся в факт, касается «профессии» отца Эпикура. Как только его возможное аристократическое происхождение было отменено, Неокл становится «школьным учителем» (*Schulmeister*)<sup>4</sup>. И это происходит постепенно, как постепенна и деградация матери Эпикура, Херестраты. В заметках «анонимной» тетради 1819 года Херестраты, «возможно, была» (*soll gewesen sein*), согласно анекдотам, рассказанным стойками (*nach Anekdoten der Stoiker*), экзорци-

<sup>1</sup> «...und hat ausserden mit verschiedenen der damaligen Philosophen, Xenokrates, dem Platoniker, und Theophrast, Aristoteles' Schuler, Umgang gehabt» (нем.).

<sup>2</sup> См.: Davies, Athenian Properted Families. Oxford: University Press, 1971, no. 8429; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen. Stuttgart: Steiner, 1987.

<sup>3</sup> «Patre genitus est Neocle, matre Chaerestrata, nobili quidem genere ortis» (лат.).

<sup>4</sup> В версии Мишле – деревенским школьным учителем (*Dorfschulmeister* – нем.).

стом (заклинательницей духов – *Geisterbannerin*), «в этом деле помогал ей сын» (Бруккер: «Стоики незаслуженно упрекали Эпикура в том, что он предпочел свои заклинания (своей) матери»<sup>1</sup>; его отец «должен был отправиться на Самос, в колонию» (Band XXX.1. S. 118). В 1823/24: «Его отец был школьным учителем, а мать занималась произнесением формул (произносить формулы: подразумевается экзорцизм, о сотрудничестве мальчика больше в дальнейшем)» (Band XXX.2. S. 628).

На данный момент более внимательный анализ Бруккера привел к путанице. Бруккер написал (с. 1230): «Отец его был настолько беден, что земельный участок, который ему достался (как члену клерухии на Самосе. – *Авт.*), не мог его в достаточной мере прокормить, и он работал школьным учителем»<sup>2</sup>. Неокл, по данной информации, взятой Бруккером у Цицерона в «*De natura deorum*» (I, 26, 72), стал, себе в ущерб, школьным учителем, потому что «огородика» (*agellus*) было недостаточно для содержания семьи (скорее всего, данная информация сомнительна: κλῆρος<sup>3</sup>, выделяемый переселенцам, не был, как правило, бесплодным участком).

В реконструкции, предложенной Мишле, Неокл был еще до перевода на Самос «*Dorfschulmeister*» (термин, который Кодиньола и Санна смешно перевели как «школьный деревенский учитель»!)<sup>4</sup>, после чего, оказавшись на Самосе, «в афинской колонии», и констатируя бесплодность полученного там надела (*agellus'a*) (*sein Stück Land zur Ernährung seiner Familie nicht hinreichte*<sup>5</sup>), стал там же (*auch hier*) работать учителем (*Kindern Unterricht geben*)<sup>6</sup> (Michelet 1833, II. S. 475 = 1840, II. S. 422).

Мы не знаем, было ли подобное дублирование действительно осуществлено самим Гегелем – или это инициатива Мишле,

<sup>1</sup> «Epicurum carmina matri praelegisse, Stoici praeter rem [= ложно] obiecerunt» (*лат.*).

<sup>2</sup> «Tanta pater eius fuit paupertate ut, cum agellus, quem forte acceperat eum non satis aleret, ludi magistrum ageret» (*лат.*).

<sup>3</sup> Κλῆρος (клирос) – выделенное место, надел, часть.

<sup>4</sup> Цитируемый перевод (II, 1932. P. 444).

<sup>5</sup> Его участка земли было недостаточно, чтобы прокормить семью (*нем.*).

<sup>6</sup> Давать детям уроки (*нем.*).

который нашел в одних конспектах широкое определение *sein Vater war Schulmeister*, в других, в силу более внимательного использования работы Бруккера, Цицероновскую историю о преподавании (на Самосе) в целях дополнения скудных ресурсов Неокла; он объединил два сегмента (вот оно, знаменитое «*Verschmelzen*» (слияние), которым он хвастался) и сделал Неокла «штатным» учителем до, во время и после поездки в колонию! И уж точно превращение «Шульмейстера» в «Дорфшульмейстера» подтвердило и утвердило превращение Неокла в государственного служащего («сельского учителя»!). Тем временем Херестрату жестоко низвели до «колдуньи»: «*seine Mutter Chäestrata, eine Hexe*» (S. 474 = S. 422)<sup>1</sup>.

Гегель не мог быть знаком с информацией о клевете на мать Еврипида (продавщицу овощей и т.д.), распространенной в «Жизнеописаниях» в папирусе Сатира<sup>2</sup>, но, может быть, он мог догадаться о злободневном характере этих «клеветнических генеалогий» исходя из того, что, например, Демосфен заговорил о происхождении Эсхина в «Рассуждении о предательском посольстве» (§ 281), отмечая, что отец Эсхина, Атромет, – тоже! – скромный школьный учитель (γυραματιστής), а мать, Глаукотея, устраивала тиазы<sup>3</sup>, «которые стали причиной смерти другой жрицы». Аггические ораторы, как известно, не отступали от самых невероятных наветов, чтобы очернить своего противника и одержать победу над ним. В рамках антиэпикурейской пропаганды – и Гегель хорошо это знал – предвзятая враждебность производит аналогичный эффект.

## 5

То, что Гегель читал и использовал работы Бруккера, а не Диогена (труды которого к тому же он имел в архаичных изданиях)<sup>4</sup>,

<sup>1</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.: Партийное издательство, 1932. Т. X. С. 362.

<sup>2</sup> Папирус из Оксириха, содержащий ранее неизвестные фрагменты биографии Еврипида, был опубликован в 1912 году. – *Прим. ред.*

<sup>3</sup> Тиаз в Древней Греции – экстагическая процессия.

<sup>4</sup> Издание Анри Этьенна (1570) и плантинское издание 1596 года; кроме них, венское издание Дж. П. Краузе (1759), в котором отсутствует книга X.

доказано весьма значительным случаем, связанным с малоизвестной темой: критика Эпикуром «коммунизма».

В биографии Эпикура Диоген, ссылаясь на Диокла Магнесийского, доксографа, сторонника, по-видимому, стоицизма<sup>1</sup>, сообщил, что Эпикур высказывался против распределения имущества (εἰς τὸ κοινὸν κατατίθεσθαι τὰς οὐσίας) в пределах «Сада»<sup>2</sup> по пифагорейскому правилу, «блага друзей общие»; критика Эпикура состояла в том, что подобный порядок был бы характерен для людей, не доверяющих друг другу, и с примечанием (неизвестно, Диокла или Эпикура), что недоверие противоречит дружбе (дружба же – основа учений Эпикура) (X, 11).

Бруккер обратил внимание на это краткое (притом не очень ясное) сообщение и в большой главе «*De Secta Epicurea*» сообщил о нем следующим образом: «Эпикур принял учеников не только для учебы, но и для совместного проживания, однако он был против того, чтобы всё имущество было общим, поскольку это свойственно не доверяющим друг другу людям – и, соответственно, не друзьям. Он велел, чтобы каждый с радостью помогал другому при необходимости»<sup>3</sup> (с. 1235). Последнее предложение, выделенное здесь курсивом, отсутствует в тексте Диогена и, несомненно, указывает – каково бы ни было его происхождение – на особое внимание (вплоть до интерпретации, дополняющей текст), которое Бруккер уделил данному отрывку Диогена (или, точнее, Диокла, цитируемого Диогеном). Существует не так много комментариев к тексту Диогена, и данная деталь в них опущена. В издании Анри Этьенна (1570) есть интересные примечания, но не к этому отрывку; их тем

более нет в плантеновском<sup>1</sup> издании Иоганна Самбука (1596) или в венском издании Краузе (1759) – единственных, к которым имел доступ Гегель<sup>2</sup>. Только Жиль Менаж в своем издании (1664 [переиздание 1692], *cum notis variorum*<sup>3</sup>, включая и комментарии Казобона) отметил здесь историю от Валерия Максима (I, 8) о двух братьях, преданных эпикурейцах, Полистрате и Гиппоклиде, которые «не повиновались Учителю» и «делились своими вещами»<sup>4</sup>.

В конце того же издания Менаж также поместил примечания сына Казобона, Эмерика, указавшего на не очень удачное остроумное заключение Цицерона в письме к молодому юристу Требацию, который только что обратился в эпикуреизм (*Ad Familiaris*, VII, 12: *commune nihil posse esse*<sup>5</sup> среди тех, кто ставит удовольствие основной ценностью)<sup>6</sup>. В более новом издании Генриха Густава Хюбнера (с предисловием Готфрида Германа и дополнениями, после смерти Хюбнера, Карла Якобца: 1831–1833 г.), вышедшем после смерти Гегеля<sup>7</sup>, примечание Менажа с отсылкой к истории Валерия Максима, а не к истории Казобона-младшего, было включено в том, содержащий аппарат издания.

Короче говоря, именно Бруккер, отметив и выделив первым сведения о Диокле, сообщенные Диогеном, добавил свою личную интерпретацию-дополнение («воздайте каждому по его потребностям»), как упоминалось выше. И поэтому, по всей вероятности, именно то внимание, которое Бруккер уделял этому вопросу, побудило Гегеля указать на него чуть ли не с самого начала своих курсов истории философии. Давайте посмотрим, каким образом:

<sup>1</sup> О котором ср.: *Der neue Pauly*, III, 1957, 613–614.

<sup>2</sup> В 306 году до н. э. Эпикур купил в Афинах дом с садом и поселился там вместе со своими учениками. Отсюда возникло название школы – «Сад Эпикура» – и прозвище эпикурейцев – «философы Сада».

<sup>3</sup> «Confluentes vero ad se discipulos non in disciplinam tantum sed in convictum quoque Epicurus recepit, non tamen omnia in commune conferrī bona voluit, quippe id esse diffidentium, atque idcirco non amicorum, sed ab unoquoque, si quid opus foret, hilariter suppeditari» (*nam.*).

<sup>1</sup> Издание, напечатанное в Антверпене в типографии известного голландского печатника Кристофора Плантена.

<sup>2</sup> См.: *Köppe Manuela*. Katalog der Bibliothek G.W.F. Hegels. Band 31.1 dei *Gesammelte Werke* (Hamburg: Meiner, 2017. S. 464–473).

<sup>3</sup> С комментариями разных авторов (*lam.*).

<sup>4</sup> Бруккер записал анекдот, но вовсе не представил его как «неповиновение».

<sup>5</sup> Ничто не может быть общим (*lam.*).

<sup>6</sup> Цицерон подразумевает связь между удовольствием и частной собственностью.

<sup>7</sup> Умер в ноябре 1831 года; его последний курс читался в 1828/29 году.

1819 [Band XXX.1. S. 118, 24]: «Они [ученики Эпикура] были склонны складывать свои вещи вместе. Эпикур отклонил это, ему казалось, что это вызывает недоверие»<sup>1</sup>.

1820/21 [Band XXX.1. S. 363, 30]: «Его друзья были склонны заключить своего рода договор и объединить свои состояния. Эпикур запретил это, потому что это вызвало бы недоверие среди тех, кто не должен относиться с недоверием к самим себе»<sup>2</sup> (записная книжка Херинга).

1823/24 [Band XXX.2. S. 628, 22]: «Они [ученики Эпикура] хотели вести общую кассу. Он запретил это, заявив, что нежелание помогать друг другу выдает недоверие»<sup>3</sup> (тетрадь Хотто). Здесь *sich beistehen* подразумевает *gegenseitig*, «помогать друг другу»; следовательно, объединение благ подразумевало бы нежелание оказывать поддержку другим. Простое понятие «недоверие», которое есть в тексте Бруккера, разъясняется и расширяется как «недоверие к взаимопомощи, к взаимовыручке» (чего ни Диоген, ни Бруккер не говорят). Возможно, *beistehen* усиливает *ab unoquoque hilariter suppeditari*<sup>4</sup> Бруккера.

1833 [Michelet. II. S. 476 = 1840, II. S. 424]: «Они [ученики] жили в такой тесноте, что решили объединить свое имущество и, таким образом, существовать в прочном обществе, подобном своего рода пифагорейскому союзу. Однако сам Эпикур запретил им это, потому что это уже само по себе выдает недоверие за готовность; но среди тех, кто может не доверять друг другу, не было бы дружбы, единства, преданной привязанности»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> «Sie [ученики Эпикура] waren geneigt, ihre Güter zusammen zu werfen. Epikur verwarf es, weil es Misstrauen zu verrathen schien» (нем.).

<sup>2</sup> «Seine Freunde waren geneigt, eine Art von Bund zu stiften und ihr Vermögen zusammenzulegen. Epikur untersagte dies, weil dies Misstrauen verrathen würde unter denen die sich nicht misstrauen sollen» (нем.).

<sup>3</sup> «Sie wollten eine gemeinschaftliche Casse führen. Er untersagte es indem er sagte, es verrathe Misstrauen sich nicht beistehen zu wollen» (нем.).

<sup>4</sup> Чтобы каждый радостно оказывал помощь (лат.).

<sup>5</sup> «Sie lebten in solcher Innigkeit, dass sie den Vorsatz fassten, ihr Vermögen zusammenzulegen, und so in einer bleibenden Gesellschaft wie einer Art von pythagorischen Bunde, fortzudauern. Jedoch verbot ihnen diess Epikur selbst, weil diess selbst schon ein Misstrauen auf Bereitwilligkeit verrathe; unter solchen aber, die sich misstrauen können, keine Freundschaft, Einigkeit, treue Anhänglichkeit statt fände» (нем.).

А в «редакции» Мишле мы, как обычно, столкнулись с явным усилением.

По факту, в редакции Мишле, в дополнение к предполагаемой отправной точке, одинаковой во всех других редакциях («некоторые ученики просили об этом и т. д.»)<sup>1</sup>, выделяется следующее:

а) «недоверие» было именно «недоверием к готовности (по отношению к другим)» (*Bereitwilligkeit*)<sup>2</sup>;

б) «между лицами, способными на недоверие» (*unter solchen, die sich Misstrauen können*);

в) кроме «дружбы» (единственное понятие, присутствующее и в тексте Диогена, и в парафразе Бруккера), здесь также мы находим *Einigkeit* (единство) и «верную взаимную привязанность» (*treue Anhänglichkeit*). Расширенное значение *Misstrauen* как «недоверие, взаимопомощь» выделяется уже в записной книжке Гото (*Misstrauen sich beistehen*): ergo, следует считать, что Гегель именно так и понимал загадочный термин ἀπιστοῦντων<sup>3</sup> Диокла-Диогена, т. е. *id esse diffidentium*<sup>4</sup> в формулировке Бруккера.

Авторы всех трех тетрадей, в том числе Мишле, сходятся в том, что данный эпизод берет начало с просьбы учеников-друзей к Учителю, и этот факт указывает на то, что и в этом случае мы имеем дело с усилением самого Гегеля по сравнению с тем, что читается у Диогена и у Бруккера. Мишле же усилил идею, сообщив о том, что ученики без всякого сомнения обратили к Учителю просьбу «создать «Союз» пифагорейского образца»<sup>5</sup>.

Данный произвольный вывод не нашел подтверждения в рамках текста Диогена, который – на основании текста Диок-

<sup>1</sup> Ingigantito, la “richiesta” diventa “il concepimento di un Vorsatz, un proposito”. В увеличенном виде «просьба» стала «концепцией Vorsatz, намерением».

<sup>2</sup> Che Codignola-Sanna amplificano ulteriormente “sfiducia nella loro reciproca affettuosa amicizia” (II. P. 446). Слова, которыми Кодиньола и Санна еще больше усилили «недоверие к их взаимной нежной дружбе» (II. P. 446).

<sup>3</sup> Недоверяющие (др.-греч.).

<sup>4</sup> Это свойственно недоверяющим (лат.).

<sup>5</sup> Херинг отметил просто «создать Союз».

ла – написал, что Эпикур «не считал правильным объединение имущества в духе пифагорейского девиза κοινὰ τὰ φίλων»<sup>1</sup>. Гегель предположил, что Эпикур ответил на просьбу своих учеников; далее, Мишле предположил (настаивая на тексте Диогена), что ученики ссылались на Пифагора. Более того, у Бруккера нет ссылок на пифагорейскую формулу, и это подтверждает, что как раз Мишле внес данный фрагмент в текст Гегеля (тем самым искажая его), сам Мишле поспешил проверить отрывок Диогена и приложил ссылку на него в примечаниях, автором которых – как он заявил в *Vorwort* – является полностью он сам. Одна деталь оказывается решающей: на странице 1235 Бруккера из-за опечатки не указан автор сноски, с которой можно связать простую (по умолчанию) ссылку на Диогена, X, 11.

Мишле заявил, что при составлении *Vorlesungen* он использовал работы Бруккера также для того, чтобы систематически вставлять в них ссылки на источники. И легко представить, что именно в результате систематического изучения примечаний Бруккера Мишле пришел к выводу, что «Диоген X, 11» относится к эпизоду, столь важному для Гегеля. Из текста Диогена он вывел пифагорейский девиз, но небрежно употребил его по отношению к точным словам Диогена. Таким образом, то, что мы читаем у Мишле (в данном случае 1833 г. = 1840 г.), является результатом двух проросших одно из другого предположений: гипотезы Гегеля насчет фразы Бруккера и гипотезы Мишле насчет текста Диогена.

Мы обратили столько внимания на данную историю текстов потому, что она связана с построением *Vorlesungen* и еще затрагивает некоторые важные вопросы:

- а) действительно ли это утверждал Эпикур?
- б) почему Диокл уделил этому эпизоду так много внимания?
- в) почему, в свою очередь, Гегель уделил этому делу столько внимания?
- г) почему Маркс, критикующий в докторской диссертации гегелевскую недооценку Эпикура, умалчивал именно об этом эпизоде?

<sup>1</sup> «Вещи друзей – общие» (др.-греч.).

6

Начнем с факта: критику Эпикуром «коммунизма», единственным источником которой являются вышеприведенные слова Диогена, упустили все, в том числе высокоученый Иоганн Альберт Фабрициус в «*Bibliotheca Graeca*» (т. III), за исключением Бруккера.

Бруккер, относившийся «положительно» к «эпикурейской секте», – как известно – дополнил своими словами исходные слова источника: правда, он написал, что Эпикур высказался отрицательно по отношению к «συντίθεσθαι τὰς οὐσίας» (делиться имуществом), при этом утвердил принцип (сам по себе плодотворный) «sed ab unoquoque, id quod opus foret, hilariter suppeditari»<sup>1</sup> неотъемлемой частью учений Эпикура по поводу отношения к «общности имущества».

Эта формула, которую Гегель нашел у Бруккера и сразу же отбросил, означает не только то, что «каждый должен с радостью» (*hilariter*) дать «то, что будет необходимо (*id quod opus foret*)», но и, наоборот, предполагает, что необходимо дать нуждающимся *в соответствии с их потребностями* (по сути, *id quod opus foret*). Непонятно, каким образом лейбницианец Бруккер пришел к подобной формулировке и осознал ли он ее конкретные следствия (что-то вроде «каждому по потребностям»). Во времена Бруккера такую «программную фразу» можно было понять как утверждение общего, сочувственно-филантропического пиетизма. А в те годы, когда Гегель начал преподавать в Йене (с 1805 года), данные слова имели уже совершенно иной оттенок: по сути, они составляли программу самого радикального крыла якобинства (Эбера, Шометта, Жака Ру и др.) в 1794 году, а затем «заговора равных» Бабёфа в 1796 году. В глазах Гегеля они представляли собой уже не литературные или парафилозофские упражнения, подобные трудам Мабли, но были политическими программами, которые представители более или менее организованных революционных сил пытались воплотить в реальность<sup>2</sup>, жертвуя ради этого своей жизнью (как

<sup>1</sup> «Каждый из них вам с радостью предоставит то, что вам понадобится» (лат.).

<sup>2</sup> См. проект хозяйственного декрета Бабёфа, ст. 2, 3, 8, 10 и далее.

Эбер, так и Бабёф): им удалось на немалое время потревожить сонный буржуазно-собственнический порядок, ставший уже прочно доминирующим. Гегель, родившийся в 1770 году, пережил все главные события германской истории, произошедшие на протяжении двадцати пяти лет: в 1789–1815 годы.

Пока Гегель якобы «замазывал» филантропические выводы Бруккера (не потому, что имел подозрение насчет их поспешного характера, поскольку их источником являлся сам Бруккер), он, похоже, увлекся данной историей и положительно оценил восходящую к Эпикуру критику коммунистической картины мира. И поэтому в различных своих курсах (неизвестно, правда, было ли это в первом цикле лекций, прочитанном в 1805 году, текст которого находился в руках Мишле, но был утерян) Гегель неоднократно ссылался на то своеобразное утверждение, что «общие блага» – признак «взаимного недоверия». Он над этим размышлял и «обогастил» данные, почерпнутые из источника: он определенно предположил, что это был «ответ» Эпикура на вопрос, возникший в рамках его общины, и дополнил формулу *id esse diffidentium* своими словами (что видно из соответствия между записными книжками Гото и Мишле) о том, что подобное «недоверие» проявляется «в нежелании помогать другим (*Misstrauen auf Bereitwilligkeit*)».

Теория, которую Диокл приписал Эпикуру и о которой сообщил Диоген Лаэртский, неясна, тем более неясно то дополнение, которым Гегель пытался ее объяснить. Почему принудительные меры, направленные на то, чтобы частная собственность стала общей, должны считаться признаком «авторитаризма»? Почему взаимопомощь должна быть добровольной, спонтанной? Где «принудительные меры» означали бы недоверие к подлинно добрым желанием людей? Нам это неизвестно. По-настоящему интересный факт заключается в том, что Гегель осознал важность этой фрагментарной информации и положительно оценил ее, по всей видимости принимая критику, приписываемую Эпикуру, за свою собственную критику.

Примечательно и то, что данный аспект размышлений Эпикура и об Эпикуре не вызвал интереса у Маркса, хотя он сам и занимался – в своей докторской диссертации (1841) – ра-

дикальной переоценкой портрета Эпикура, нарисованного Гегелем в *Vorlesungen* («Лекциях»). «Рассеянность» двадцатитрехлетнего Маркса (явно не достигшего еще двадцати девяти лет, когда он написал «Манифест»), возможно (мы находимся на уровне чистых предположений), связана с тем, что концепция коммунизма, к которой пришел Маркс, не имеет никакого отношения к «пауперистическому коммунизму» (стоит по этому поводу вспомнить крайне негативную оценку других видов «социализма», кроме фурьерианского, в третьей главе «Манифеста»). Наоборот, Маркс понимал социализм как освобождающий эпилог в процессе, запущенном инновационной работой капитала (стоит вспомнить восторженный тон – в первой главе «Манифеста» – по отношению к инновационной работе, которую капитал проводил в своем триумфальном марше против всех аспектов или остатков *Ancien Régime* («старого режима») во всех его проявлениях). Не случайно Бенедетто Кроче говорил в связи с этим о «лирических и эпических»<sup>1</sup> тонах.

Более того, и Гегель, и Маркс отмежевались от коммунистических замыслов, возникавших в античном мире, и пересмотрели их оценки. Что касается самого известного и хорошо аргументированного коммунистического проекта классической эпохи – государства Платона<sup>2</sup>, – то Гегель решил «облагородить» (по его мнению) этот замысел, интерпретируя его как конкретную попытку совместить философию и государство и как теорию преобладания государства над отдельной личностью: ведь по факту индивид через такие институты, как

<sup>1</sup> «Каким большим и насколько стремительным и быстрым было увеличение производства богатства благодаря капитализму, описано и прославлено между прочим на некоторых лирических и эпических страницах «Коммунистического манифеста», изданного в 1848 г. Марксом и Энгельсом» (*Croce B. Considerazioni sul problema morale dei nostri tempi // Quaderni della Critica. 1945. № 1. P. 6 / Scritti e discorsi politici (1943–1947), II, Laterza, Bari 1963. P. 146*). См. также: *Per la storia del comunismo in quanto realtà politica // La Critica. 20.03.1943*; также книжное издание (Laterza, Bari. 1943. P. 19).

<sup>2</sup> Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3 / Пер. с др.-греч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. С. 79–420. (Философское наследие).

собственность и семья, противостоит более общему и преобладающему существу, которым как раз и является государство.

В конце концов, Платон в этом диалоге предложил отмену этих двух институтов в пользу одного класса философов-правителей (и воинов – необходимого философам инструмента)<sup>1</sup>. Вот почему Маркс в примечании к первому тому «Капитала» раскритиковал предложение Платона, называя его переносом египетской кастовой системы<sup>2</sup> в Грецию.

К коммунизму Гегель проявил интерес в критически-философских терминах (приводя такие аргументы, как диалектика раба и господина)<sup>3</sup>, предшествующих последующим дебатам, но не в навязчивом классовом враждебном духе (см. Кроче). Идея о Гегеле как о «реакционере» *sic et simpliciter*<sup>4</sup> есть ложный стереотип. Уже вначале (после 1815 г.) Гегель основал вместе с Гансом журнал «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik» – «Berliner Jahrbücher» («Ежегодник научной критики» («Берлинский ежегодник»)) (1827–1846), выходявший в издательстве Котта и ставивший целью борьбу с «галлофобией» (вызванной антинаполеоновскими «освободительными войнами») и «тевтономанией». Он выступил за франко-германское сближение и восстановление положительного итога плодотворного двадцатипятилетия (1789–1815) – «самого важного этапа человеческой истории», написал он, очищенного от «экстремизма» и «абстрактности» якобинства<sup>5</sup>.

А что касается Эпикура, то легко заметить, что – при совершенно непопулярной оценке его теорий – Гегель поддержал только эту своеобразную критику коммунизма как «признак недоверия» (и он добавил к своему источнику: «и эгоизма»).

<sup>1</sup> Гегель уделял достаточно места платоновскому государству, но очень мало – «зажигательному» предложению из книги V.

<sup>2</sup> Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: ИПЛ, 1960. С. 379.

<sup>3</sup> Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. Т. IV. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 99–106.

<sup>4</sup> Просто-напросто (*лат.*).

<sup>5</sup> Об этом см.: Losurdo D. Hegel e la Germania, Guerini e associati (pubbl. Istituto filosofico di Napoli). Milano, 1997. Cap. I, § 1.

Данная критика оказывается весьма странной, если принять во внимание, что в Афинах за несколько десятилетий до того, как Эпикур достиг зрелости, самым ярким примером карикатуры, полной клеветнических замыслов, на коммунистическую теорию служила комедия Аристофана «Женщины в народном собрании» (около 390/380 г. до н. э.). Цель этой комедии в том, чтобы доказать прямо противоположное, т. е. что коммунизм, во всяком случае, *терпит неудачу*, потому что ему противостоит *врожденный эгоизм* людей.

## 7

Таким образом, на данный момент необходимо задаться вопросом, действительно ли Эпикур выразился теми словами, которые так понравились Гегелю. По этому поводу следует обратить внимание на то, что Диоген Лаэртский, имея доступ к большому количеству текстов Эпикура<sup>1</sup>, именно в данном случае опирался не на сочинение Эпикура, а на *ἐπιδρομή* («обзор») Диокла Магнесийского (о котором мы вскоре поговорим). К этому мы добавим, что, возможно, лучший источник подлинной интерпретации теории Эпикура, а скорее его верный популяризатор, – Лукреций, который в последней части книги V «О природе вещей» представил картину истории человечества в общих чертах. В этой поэме выделяется «римская» специфика, но в данном случае – учитывая топологический характер (топологический также по отношению к другим течениям постаристотелевской философии: возникновение общества) – вполне можно полагать, что Лукреций, по сути, изложил гекзамером учение Учителя. Поэтому нельзя не отметить, что в этой сотне или около того стихов (с 1010 по 1120) Лукреций, с одной стороны, превознес *vita prior* (первобытную жизнь, главной чертой которой является здоровый пауперизм: *neque est utquam penuria parvi*: V, 1119) и отдал ей предпочтение перед грубой современностью, а с другой стороны, указал на зарождение частной собственности и накопление личного

<sup>1</sup> Книга X полностью посвящена Эпикуру и представляет собой книгу, в которой представлено наибольшее количество полностью переписанного материала.

богатства как на начало всех наиболее разрушительных конфликтов, которые привели к уничтожению *vita prior* (V, 1113: *posterius res inventa* – позднее была введена собственность, *aurumque repertum* и началось «первобытное» накопление).

Данный поворотный момент в истории человечества определил отклонение от «истинного разума» («*vera ratio*», 1117): если бы жизнь человека руководствовалась «истинным разумом», то можно было бы считать «богатством» «умеренную жизнь» (1117–1119: «*Тот же, кто в жизни себе кормилом взял истинный разум, Тот обладает всегда богатством умеренной жизни; Дух безмятежен его*»<sup>1</sup>). Лукреций не идеализировал чисто дикие первобытные условия жизни человека, напротив, он указал на жестокость, смертельные опасности и насилие, связанные с такими условиями жизни. Вместо этого он выдвинул гипотезу о «цивилизованном» этапе. Этот этап характеризуется такими решающими факторами, как изобретение хижины, открытие огня, использование меха для прикрытия, институт брака («*mulier coniuncta viro*» – «женщина, связанная с мужчиной»: 1012), забота о потомстве (что, в свою очередь, утончило душу взрослых) – и, наконец, изобретением собственности. «Цивилизованный» этап зиждется на дружбе, основанной на принципе «ни вреда, ни насилия» (1020): это была не простая обобщенная идиллия (1024: «никакой гармонии еще вообще не могло быть достигнуто») и тем не менее «Добрая часть (*magna pars*) людей договоры блюла нерушимо» (*servabat foedera caste*) (1025).

Если, что весьма вероятно, все это пришло от Эпикура (и это подтверждается некоторыми фрагментами трудов эпикурейца Диогена из Эноанды, в которых земля рассматривается как «общий дом людей» и автор рассуждает о противоестественности «границ», искусственно разделяющих государства), представляется правильным пересмотреть значимость и убедительность той теории, которую, по-видимому, Диокл написал Эпикуру, согласно которой «объединение имуществ»

<sup>1</sup> *Divitiae grandes homini sunt vivere parce aequo animo* (лат.). («Богатство, даже большое, помогает человеку жить скромно, невозмутимо»). – Все поэтические цитаты Лукреция приводятся в переводе Ф.А. Петровского.

является результатом «подозрительности и взаимного недоверия»<sup>1</sup>.

Разумно считать<sup>2</sup>, что Диокл Магнесийский (I в. до н. э.) является источником истории, которую можно прочесть у Диогена, X, 10–11 (даже если случайно в ней и Аполлодор тоже упоминался). В этом фрагменте, краткое изложение которого дал Диоген, Диокл затронул, как минимум, три момента, касающихся «денежной» практики общества:

а) покупка Сада за 80 мин;

б) очень скромный образ жизни членов сообщества Сада, с тонкими подробностями о застолье («четвертая часть вина» [*οἰνίδιον*]<sup>3</sup>, но в основном только вода);

в) однако Эпикур не выступил за объединение имуществ по пифагорейскому правилу, потому что счел это «признаком недоверия».

Наши знания о сочинениях Диокла в большей части основаны на Диогене Лаэртском, который очень часто на Диокла ссылался. Два названия его сочинений, которые Диоген упоминал (не без каких-то колебаний) – *ἐπιδρομή τῶν φιλοσόφων* («Обзор [учений] философов») и *βίοι τῶν φιλοσόφων* («О жизни философов»), – вызвали у Ницше, занимавшегося творчеством Диогена в период преподавания в Базеле, подозрение, что они на самом деле представляют собой одно, единое произведение. Данное предположение вряд ли соответствует действительности. Оно основано на том, что значение двух названий по сути одинаковое, если придать *ἐπιδρομή* исключительно значение «обзор» (тем более что *οἱ βίοι*, помимо биографий философов, всегда также включают описание их доктрин). Но *ἐπιδρομή* означает прежде всего «нападение», «набег», «нашествие» и т. д. Такой основной компонент значения термина нельзя просто так исключить<sup>4</sup>,

<sup>1</sup> Диоген Лаэртский, X, 11.

<sup>2</sup> Этого мнения придерживаются и современные ученые. Неправильно будет отнести это к Аполлодору.

<sup>3</sup> «Разбавленное вино» (Роберт Хикс).

<sup>4</sup> Другое место, где встречается данное название, – весьма трудно интерпретируемый фрагмент из Диогена VII, 48.

поэтому представляется разумным полагать, что мы имеем дело не только с двумя отдельными, очень разными произведениями, но и что ἐλιδρομίη был «неблагожелательным обзором» образа жизни (и, по необходимости, доктрин) философов<sup>1</sup>.

Вот как правильное понимание названия произведения может способствовать пониманию единственного фрагмента, который у нас точно есть. В данном тексте максимальное внимание уделяется аспектам быта, даже противоречащим друг другу, и это направлено на то, чтобы представить – в данном случае – мир, вращающийся вокруг Эпикура, в явно неположительном свете – использование термина οἰκίδιον являет собой пример того, насколько насмешливо представлена «диета» эпикурейцев.

Вскоре после этого информация о «диете» из хлеба и воды подтверждается цитатами из Эпикура: это карикатура на *non est penuria parvi*<sup>2</sup> («в малом нет недостатка»). Затем идет ссылка на покупку Сада: казалось бы, Эпикур израсходовал восемьдесят мин, и однако Сад тотчас же стал «общим благом» (§ 10: «они жили в общении с ним в саду» – συνεβίουν αὐτῷ ἐν τῷ κήπῳ); таким образом, оказывается своеобразным – мягко говоря – то, что сразу после этого мы получаем сведения, что Эпикур высказался против «объединения имуществ», да еще по такой непонятной причине.

В общем, Диокл, который в любом случае, казалось бы, ссылался не на сочинения, а на афоризмы Эпикура, сосредоточил свой гневный взор (ἐλιδρομίη) на сфере, в которой нетрудно поймать философов «на месте преступления». Поэтому-то недостоверны и малопонятны те сведения, которые Бруккер пытался представить в рациональном ключе и которые Гегель, опираясь на работы Бруккера, тщательно рассматривал (в курсах 1819 и 1820/21 годов речь идет о примерно четверти места, посвященного жизни Эпикура) и благосклонно оценивал, считая их оригинальным вкладом в критику коммунистических программ.

<sup>1</sup> Кем именно был Диокл, мы не знаем; то, что он получил корону Мелеагра, является фантазией.

<sup>2</sup> Именно наличие иронически-уничтожительного гапакса οἰκίδιον (вместо οἶκος) подтверждает, что мы имеем дело с фрагментом Диокла (не в словах Диогена) и polemически-раздражающим тоном (ἐλιδρομίη) – в этом и, вероятно, в других случаях.

А то, что в философии Эпикура вызывало у Гегеля досаду, и то, что Гегель осудил безоговорочно, – это его полностью материалистическая картина мира, в которую вписывается и психическая сфера. Позднее мы об этом расскажем. Сейчас же приведем небольшой набор фрагментов в качестве примера того, насколько презрительно Гегель в разных по времени курсах преподносил философию Эпикура своим слушателям:

• 1819 г. (анонимная тетрадь): Band XXX.1, S. 119, 6: «из 300 сочинений Эпикура фрагменты его физики были найдены только в Геркулануме».

• 1820/21 (записная книжка Херинга): Band XXX.1, S. 364, 5–6: «Epikur schrieb während seines Lebens eine Grosse Menge von Schriften: man sagt an 200, sämmtlich verloren gegangen».

• 1823/24 (записная книжка Гото: тот же зимний курс, который посещал Мишле): Band XXX.2, S. 628, 27–28: «Er selbst schrieb sehr viel. Wir besitzen von diesen Schriften nichts mehr. Eine Hamptquelle is das X<sup>te</sup> Buch des Diogenes etc.».

• 1833 г. (первое издание Michelet: II. S. 477): «Die Anzahl seiner Schriften soll sich auf 300 belaufen haben [...]; diese haben wir nicht, *schwerlich ist ihr Verleist sehr zu bedauern. Gottlob, daß sie nicht mehr vorhanden sind! Die Philologen würden Grosse Mühe damit haben*».

В выделенном курсивом фрагменте, аналогов которому в сохранившейся версии трех остальных курсов нет, выражен грубо насмешливый тон в отношении Эпикура (и трудов филологов), а в редакции Мишле 1840 года данная часть приобрела еще более ироничный характер (II, с. 425): «*Говорят, что количество его сочинений достигло трехсот; о том, что у нас их больше нет, трудно сильно сожалеть. Скорее, мы можем благодарить Бога за то, что их больше нет; по крайней мере, филологам пришлось бы приложить к ним немало усилий*».

Скобки, в которых содержалось сравнение с не менее объемным произведением Хрисиппа, исчезли (речь о тех скобках, которые мы опустили при расшифровке черновика 1833 года). Два добавленных термина (*vielmehr* и *wenigstens*) превысили

уровень иронии: не только «нам не следует слишком сожалеть о потере этих книг, а, скорее, мы можем быть благодарны (*vielmehr*) Богу за эту потерю; по крайней мере (*wenigstens*) над этим пришлось бы потрудиться филологам!» Примем за аутентичное такое проявление резкости, которое Гото, по всей видимости, пропустил (или которое показалось ему незначительным): судя по всему, данные слова были добавлены для развлечения в редакции 1840 года самим Мишле, столкнувшимся с явно ненаучной оценкой, которая, однако, прежде всего указывает на нетерпимое отношение Гегеля к Эпикуру.

Еще одна «необыкновенная оценка», направленная на опровержение философии Эпикура в целом, встречается в двух изданиях Мишле (1833 и 1840 годов) в конце рассмотрения эпикурейской физики и перед началом рассмотрения этики. Однако если первые части, касающиеся рассмотрения этики, можно найти и в записных книжках Херинга (1820/21) и Гото (1823/24), то пассаж «Этика Эпикура представляет собой самую гнусную часть (*das Beschrieenste*) его философии», – такое резкое завершение рассмотрения физики присутствует только в двух редакциях Мишле, с незначительными вариациями:

1833 (II. S 500): «Мы больше не хотим заниматься подобной болтовней; это пустые слова. Мы не можем испытывать никакого уважения к философским мыслям Эпикура; или, скорее, это вообще не мысли[!]» [«мы не можем испытывать никакого уважения». Вот пример той полемической резкости оскорбительного характера, которую Маркс унаследовал и также проявлял в трактатах научного характера];

1840 (II. S. 444): «Однако мы не хотим больше останавливаться на таких пустых словах и ложных представлениях; мы не можем испытывать никакого уважения к философским мыслям Эпикура, скорее, это вообще не мысли». В свете таких примеров стилистически разработанной и неоднократно проявляемой изобретательности, а также перед «благодарственной молитвой» за утрату сочинений Эпикура (хотя и о том, и о другом свидетельствуют только две редакции Мишле) все еще остается правомерным вопрос об их подлинности и прямой достоверности. Аналогичную оценку, но выраженную

в менее резких и саркастических терминах можно прочитать в записной книжке Гото (1823/24) в начале рассмотрения атомов и пустоты: «*Sich mit den nähern Dogmen dieser Philosophie bekannt zu machen ist weder erfreulich noch interessant*» (Band XXX.2. S. 630, 23) («Ознакомление с дальнейшими догмами данной философии не приносит ни удовольствия, ни интереса»).

Но дело в том, что именно *текст Мишле 1833 года* Маркс прочитал и принял его за гегелевский. И именно на эту обесценивающую идеи Эпикура словесную резкость Маркс реагировал. Можно утверждать, что именно этот очень резкий тон спровоцировал Маркса. Этот тон определил для Маркса выбор темы докторской диссертации и ее содержания: вывод, к которому Маркс пришел, противоположен краеугольному камню гегелевского «опровержения» (согласно которому Эпикур есть не что иное, как повторение Демокрита), поскольку большая часть работы Маркса направлена именно на то, чтобы показать оригинальность Эпикура по отношению к Демокриту.

Об этом «краеугольном камне» в качестве источника говорят различные редакции *Vorlesungen*, а не только записные книжки Мишле.

Ниже мы предлагаем неполную, разумеется, подборку из них.

1819 г. (анонимная тетрадь) Band XXX.1. S. 118: «Эпикур особенно изучал философию Демокрита». На самом деле Диоген, в этом случае также на основании работы Диокла, утверждал, что среди древних мыслителей Эпикур в наибольшей степени «отождествил себя» (*ἀπεδέχετο*) с Анаксагором, «хотя по некоторым вопросам он с ним не соглашался» (X, 12). Неслучайно в первой книге «О природе вещей» Лукреций критически оценивал идеи Гераклита (ст. 635–704), Эмпедокла (ст. 705–829), Анаксагора (ст. 830–920), на чьем «гомеомеризме» специально остановился, оценивая его менее критично, чем идеи других двух философов. Но Гегель уделил меньше внимания значимому свидетельству Лукреция<sup>1</sup>, когда речь шла об Эпикуре.

<sup>1</sup> Гегель указал в качестве источников Диогена, Цицерона, Секста Эмпирика, Сенеку. И исключил единственный источник, который выражает полное согласие.

1820/21 (записная книжка Херинга): Band XXX.1. S. 363: «Эпикур особенно изучал демокритовскую философию».

1823/24 г. (блокнот Хотто): Band XXX.2. S. 628: «Его физическая философия – это философия Демокрита».

1833 (Michelet II. S. 475): «...ибо, как мы увидим позже, его физическая философия – это, в частности, Левкипп и Демокрит» [= 1840, II, p. 423]; в продолжении дискуссии то, что было объявлено «физической философией» («*physische Philosophie*»), стало «общей метафизикой» («*allgemeine Metaphysik*») Эпикура (Michelet 1833, II, p. 487 = 1840, II, p. 433). И диагноз повторяется: «общая метафизика. Далее Эпикур исследовал сам атом, но все же не дальше Левкиппа и Демокрита. Сущность Эпикура, истина вещей, состоит именно в том, что, как у Левкиппа и Демокрита, атомы и пустота» (1833). «Такова общая метафизика Эпикура, в которой он заявил о самом атоме, но все же не более определенно, чем Левкипп и Демокрит. Сущность и истина вещей для него, как и для них, – атомы и пустота» (1840). Мы имеем дело, как легко в этом убедиться, с усилением более сухой формулы, представленной в записной книжке Херинга (corso 1820/21): «Здесь следует напомнить о метафизике эпикурейской системы: она атомистическая, ее основа, таким образом, состоит из атомов и пустоты» (Band XXX.1. S. 365, 20–23).

Сегодня в ответ на такие настоятельные заявления об отсутствии оригинальности Эпикура (что не имеет аналогов, когда речь идет об источниках других послеаристотелевских школ, как в случае стоицизма по отношению к киникам), похоже, почти нет смысла возражать: достаточно повторить то, что часто повторяет Маркс в своей докторской диссертации<sup>1</sup>. Но следует, по крайней мере, не забывать, что в очень редких случаях Лукреций, являющийся главным источником сведений о философии Эпикура, источником, который Гегель полностью игнорировал, цитировал Демокрита крайне редко – да и то лишь чтобы не со-

<sup>1</sup> Эпикур вовсе не считал себя популяризатором философии Демокрита; напротив, он рассуждал самостоятельно в разных областях философии (этика, теория познания). И Диокл не ошибался, когда утверждал, что Анаксагор служил точкой отсчета для Эпикура.

гласиться с ним: например, по главному вопросу доктрины, такому как отличие атомов, из которых состоит душа, от атомов, из которых состоит тело (О природе вещей, III, с. 370–395).

## 9

Читатели наверняка обратили внимание на то, что Гегель относил ту самую эпикурейскую атомистическую теорию сначала к «физической философии», а затем и к «всеобщей метафизике». Это был «теоретический» способ обозначить и дедогматизировать интегрально-материалистическую трактовку Эпикуром «сущности и истины реальности». С тем и связано утверждение Гегеля, что у Эпикура «отсутствует всякая теоретическая глубина» (1820/21: Band XXX.1. S. 364: «Теоретическое не имеет глубины») и Эпикур не внес никакого вклада в «вопрос о познании» (Там же. S. 368, 20–21<sup>1</sup>). Наоборот, он отговаривал учеников от «концептуального мышления»: а если, например, ученики станут заниматься концептуальным мышлением, то это приведет к «разрушению системы»; а основой данной системы, с другой стороны, является «то отсутствие мысли, которое может быть нарушено только понятием»<sup>2</sup>. Мишле 1840 года (II. S. 424: «Однако дальнейшее развитие событий было бы нарушением понимания, которое только запутало бы эпикурейскую систему; понятие “бездумное” запутано, и это бездумие как раз и стало принципом»).

Следует отметить, что все данное развертывание темы совершенно отсутствует в редакции Мишле 1833 года (II. S. 476–477), в которой вместо этого преподносилась более банальная концепция, согласно которой ученики ничего не добавили к учению Эпикура, потому что эта школа была, с точки зрения доктрины, «подобна прочно укрепленному государству перед лицом пустоты» («*und seine Schule einem festen geschlossenen Staate in Ansehung der Leere gleich*»: II. S. 476). Здесь действи-

<sup>1</sup> «Spekulativen Werth in Ansehung der philosophischen Erkenntniss enthält das epikuräische System freilich wenig» (нем.).

<sup>2</sup> Trad. Codignola-Sanna II. P. 447.

тельно следует подозревать, что Мишле поступил как *artifex additus artifici*.

Вместо этого в обеих редакциях (1833 и 1840 гг.) встречается презрительное отношение Гегеля ко всей современной физике, что и является подлинным следствием гегелевской критики атомистической физики.

Данная критика не просто присутствует в редакциях Мишле – она была на самом деле предпринята самим Гегелем, пользуясь случаем выдвинуть аргумент против эпикурейского атомизма, и это подтверждено записной книжкой Генриха Густава Гото (1823/24: Band XXX. 2. S. 630) прежде всего благодаря примечаниям на полях, добавленным Ромуальдом Хубе. Там, где Гото отметил, что атомы (согласно Эпикуру) имеют форму (*Figur*), вес (*Schwere*) и размер (*Grösse*), Хубе отметил (аппарат в строке 18 только что процитированного издания): «Он [Эпикур] говорит, что атомы являются основой всех вещей. Мы находим это и в более поздние времена. Это молекулы».

Здесь речь идет не о некоей изысканной форме выражения, разработанной Мишле, а об очень ясной концепции, хоть и изложенной предельно «нейтральным образом», без оценочных суждений. Данная концепция очень резко проявляется в редакции Мишле 1833 года: Эпикур совершил такую же ошибку, что и другие физики – все существующее, всякое существо, в том числе свет, цвета и даже души были бы ни чем иным, как *упорядочением* падающих атомов; *das hat auch Locke gesagt* («то же самое сказал и Локк»); основу составляют молекулы, различно расположенные в пространстве; но «это пустые слова (*Dies sind leere Worte*)» (II. S. 488).

В новом издании 1840 года Мишле добавил после ссылки на Локка: «И даже сейчас физика утверждает, что основу вещей

<sup>1</sup> Художник, приставленный к художнику (*лат.*) – характеристика одного из направлений литературной критики, принадлежащая Бенедетто Кроче. Как поясняет Умберто Эко в своем эссе «О стиле», в этом случае «литературовед не столько объясняет нам произведение, сколько ведет дневник собственных переживаний при чтении, подсознательно стремясь превзойти в мастерстве предмет своего низжайшего преклонения, и иногда ему это удается...» – *Прим. перев.*

составляют молекулы» (II. S. 434: «И до сих пор физика утверждает, что основу реальности составляют молекулы»). Весьма странно, что затем он добавил целое рассуждение (II. S. 440), в котором возвращается к критической оценке современной физики, чтобы иронически заключить: то, что утверждал Эпикур, ничуть не хуже того, что говорят современные физики («*was Epikur sagt ist nicht schlechter, als was die Neueren behaupten*»); и поэтому он повторил с иронией: «Эпикур подвергался различной критике и осмеянию, но принцип Эпикура есть не что иное, как принцип современной физики», так что, по крайней мере, физики не должны говорить плохо о нем!»

В «Конспекте энциклопедии философских наук» (Гейдельберг, 1817 год) Гегель уже связывал древний атомизм с «новейшим», но не выражая свою позицию, а провозглашая, что «*новейшая атомистика (а физика все еще придерживается этого принципа), отказавшись от атомов, придерживается, однако, маленьких частиц, молекул*»<sup>2</sup>.

## Часть II От Гегеля к Эпикуру

### 1

«Во время болезни я ознакомился с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников»<sup>3</sup>. Так написал девятнадцатилетний Карл Маркс (5 мая 1818 – 14 марта 1883) своему отцу, Генриху, 10 ноября 1837 года из Берлина. С этим письмом ученые ознакомились в позднее время. Оно было обнаружено дочерью Маркса Элеонорой среди бумаг, оставленных сестрой Маркса, Софией (Софи), и было впервые опубликовано в «*Neue Zeit XVI*», 1897, с. 4–12.

<sup>1</sup> Вопрос, связанный с *modus operandi* – образом действий (*лат.*) – Мишле, остается правомерным: а именно следует ли действительно приписывать Гегелю подобный ответ после нескольких страниц критики современной физики.

<sup>2</sup> Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 239.

<sup>3</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 16.

Его можно считать главным документом как интеллектуального, так и практического пути Маркса к докторской диссертации, которой он начал заниматься во второй половине 1838 года. Документ важен еще и тем, что в нем отмечается далеко не безболезненный (что сказывалось особо в отношениях Маркса с отцом) переход от изначально одобренных планов поступить на юридический факультет (с этой целью он уже проучился два семестра в Бонне) к изучению философии. «Философия» в Берлине в то время, когда Маркс учился в университете и вступил в «Докторский клуб» – сообщество последователей Гегеля (Бруно Бауэр, Карл Фридрих Кёппен, Адольф Рутенберг), – предполагала господство гегелевского учения, что было подтверждено доступными сразу после смерти Учителя документами, а также благодаря *Vorlesungen* по истории философии, отредактированным Мишле.

С самых первых слов ясно, что такое обширное и ответственное письмо (в котором ощутимо также смущение в предчувствии отцовской реакции, которая потом и последовала) направлено на то, чтобы *возвестить* об уже внутренне назревшем экзистенциальном изменении: «Бывают в жизни моменты, которые являются как бы вехами, завершающими истекший период времени, но одновременно с определенностью указывают на новое направление жизни»<sup>1</sup>.

Это письмо действительно стало поворотным моментом в жизни Маркса, и поэтому оно сохранилось в семье, несмотря на то что было утрачено большое количество других документов. По этому письму можно прямо узнать, что изменение направленности в жизни Маркса в возрасте менее двадцати лет было результатом обращения к философии. Это обращение с самого начала уже проявилось как дистанцирование от идеализма. «От идеализма, – пишет он, – я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности (*im Wirklichen selbst*)».

Марио Чинголи и Николао Меркер перевели выделенное курсивом словосочетание: «в самой действительности»<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 8.

<sup>2</sup> Маркс–Энгельс. Сочинения. Editori Riuniti, Рим, 1980, I. С. 14.

(во втором «классическом» издании собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса такой же перевод. – *Перев.*). Я не могу быть уверен в том, правилен ли этот перевод и не будет ли лучше понимать его как «в том, что истинно в себе» со ссылкой на кантовскую дихотомию феномен/вещь в себе (тем более что в том же предложении кантианство было упомянуто в качестве «пробного камня»: сравнивал с кантовским и фихтевским (идеализмом))<sup>1</sup>.

«Я уже раньше, – продолжает он, – читал отрывки гегелевской философии, и мне не нравилась ее причудливая дикая мелодия (*Felsenmelodie*)»<sup>2</sup>. Уже примечательно, что в этом письме Маркс представил отцу как факт существование и авторитет «гегелевской философии», по отношению к которой следует занять позицию. Чтобы полностью понять это письмо, не надо забывать центральную роль философии в обучении, достигнутой в те годы в Берлинском университете. А на философскую теорию, т. к. она стала, так сказать, конкретным действием (подобно слову в первых стихах Фауста), обратила внимание и политическая власть. Но давайте перейдем к любопытному определению *grotteske Felsenmelodie*.

Некоторые исследователи просто воспроизвели выражение, не объяснив его. Так, поступили, например, Франц Меринг в написанной с большой симпатией биографии Маркса, а также Карл Форлендер. Пауль Кяги предпринял смелую попытку прояснить смысл этой фразы (*Genesis des historischen Materialismus*. Wien: Europa Verlag, 1965): «Гротескная наскальная мелодия скорее отсылает к испытываемому отвращению от мировоззренческой концепции, якобы направленной на то, чтобы объяснить единым образом все, дух, природу, общество и их движение, что у читателя сначала вызывало впечатление отголоска человеческого голоса, раздававшегося между каменными стенами в усиленном и умноженном виде.

<sup>1</sup> См. также интерпретацию данного отрывка: *Vorländer K.* Karl Marx. Sein Leben und sein Werk. Meiner, Leipzig. 1929; перевод на итальянский язык Сансонни (Firenze 1946. P. 25).

<sup>2</sup> Гинголи Менкер пер.: «гротескная роковая мелодия» (?) (*Маркс К. Письмо к отцу* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 15).

А в сноске из «Немецкого словаря» (*Deutsches Wörterbuch*) братьев Гримм он сообщил, что гиперромантический поэт Николаус Ленау (1802–1850) назвал эхо гор *Felsensprache*, языком скал. И мы можем добавить, что ненасытно читающий и страстно увлеченный девятнадцатилетний Маркс мог также иметь под рукой *Gedichte* и *Schilflieder* (оба 1832) или плодотворную переработку «Фауста» Ленау (1834)<sup>1</sup>.

Предложенное Паулем Кяги объяснение, безусловно, гениально, но, возможно, рискованно. Между тем *Sprache* отличается от *Melodie*, а слова Ленау имеют контекстом образ гор. Но прежде всего не стоит смешивать две присутствующие в этом письме ссылки на Гегеля: *Felsenmelodie* (гротеск) возникает как реакция на первое соприкосновение с какими-то «фрагментами», он добился непростого отказа от всеобъемлющей и обобщающей гегелевской *Weltphilosophie* после того, – говорит молодой человек, – как он сочинил «Клеанта», вернулся к позитивным исследованиям права, изучил тексты Савиньи о собственности (*Studium des Besitzes von Savigny*), изучил «Учение о пандектах» Мюленбруха, а затем Аристотеля, Бэкона и Реймаруса, заболел и, наконец, во время болезни прочитал Гегеля «от начала до конца» (*von Anfang bis Ende*) и, будучи вовлечен друзьями в «Докторский клуб» молодых гегельянцев, с трудом воздержался от того, чтобы испытывать очарование от этой «мировой философии», ища спасения в «точке зрения современной науки»<sup>2</sup>. Таким образом, совмещение отказа от гегелевской *Weltphilosophie* с неприязнью к «дикой мелодии» (*Felsenmelodie*), возникающей при чтении некоторых «отрывков» гегелевской философии, – весьма произвольно, особенно когда речь идет о письме, цель которого заключалась в подробном описании изменения настроений и реакций на философию Гегеля.

Однако следует отметить, что несколькими месяцами ранее, в начале 1837 года, Маркс написал неудачный роман «Скорпион и Феликс», в первой главе которого мы находим в не-

<sup>1</sup> Об Энгельсе, очень молодом читателе Ленау, ср.: Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М.: Гос. полит. издат. 1957. С. 117–118

<sup>2</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПП, 1975. Т. 40. С. 16.

посредственном контексте мелодию, скалу и море: Скорпион прочитал рассказы своего друга Феликса «*Erzählungen seines Freundes Felix*», был соблазнен (*hingerissen*) их «пылающей мелодией» (*von seiner flammenreichen Melodie*), увлекшись этим чтением, он обнял (*an sein Herz drückte*) кухарку Грету, увидев/узнав в ней фею (*eine Fee*).

«Я делаю вывод, – продолжает он, довольный гротескной шуткой, – что у фей есть бороды (*daß Feen Bärte tragen*), так как кухарка Магдалина-Грета хвасталась щеками и усами, ее мягкие кудри выются вокруг хорошо вылепленного подбородка (*das schön geformte Kinn*), что похож на скалу в безлюдном море (*gleich einem Felsen auf einsamen Meere*), которую люди видят лишь издали, стоял величественно, гордясь своей красотой, из плоской супницы (*Wassersuppschüssel*) этого лица, рассекая воздух, потрясая богов (*Götter bewegend*), сотрясая людей (*Menschen erschütternd*)»<sup>1</sup>.

Повторное использование языковых приемов (*Felsen, Melodie, Meer*), уже примененных в его сочинении всего несколькими месяцами ранее, предполагает, что молодой человек, говоря о *Felsenmelodie*, все еще находился в области одних и тех же образов и метафор.

Подтверждением того, что образ намекает на (коварные) «мелодии», исходящие от скал на морском или водном пространстве, служит, весьма вероятно, следующая за ним метафора гегельянства как *eine falsche Sirene*, коварной Сирены. Известно, что гомеровские сирены издавали свою сладкую обольстительную песню, примостившись на островке<sup>2</sup> у пролива, между скалами<sup>3</sup> Сциллы и Харибды.

А «образец» чарующей и губительной, смертоносной песни сирен снова появился в те годы в «Книге песен» (1827) Генриха Гейне (1797–1856), в стихотворении «Лорелея», вскоре положен-

<sup>1</sup> Мы цитируем, с некоторыми исправлениями, из недавнего двуязычного издания, с блестящим предисловием Gabriele Pedullà: *Marx K. Scorpione e Felice, romanzo umoristico*. Roma: Editori internazionali Riuniti, 2011. P. 4, 5.

<sup>2</sup> Гомер. Одиссея XII, 167, 201.

<sup>3</sup> Гомер. Одиссея XII, 73, 101, 108 и др. Термин «κόβηλος», «скалы», появляется снова и снова.

ном на музыку: Лорелея, сирена, которая всегда сидит на вершине скалы на правом берегу Рейна и завораживает моряков своей мелодичной песней. Последняя строфа поэмы Гейне раскрывает именно губительное действие этой завораживающей мелодии: лодочник пристально смотрел на вершину скалы, откуда исходила песня, и тонул: «...А скалы кругом всё отвесней, / А волны – круче и злей./ И верно погубит песней/ Пловца и челнок Лорелей» (здесь и далее перевод С.Я. Маршака. – *Ред.*). Сирена Лорелея «Проводит по золоту гребнем / И песню поёт она. / И власти и силы волшебной / Зовущая песня полна». Романтическая легенда о Лорелее, также изложенная в стихах Клеменсом Брентано, получила очень широкое распространение. Однако в свете этих сходящихся образов значение *Felsenmelodie* («дикой мелодии») становится более понятным<sup>1</sup>. Маркс включил «одухотворяющее» прилагательное «гротескная» (в русском переводе – «причудливая»), и это позволяет нам понять, насколько напряженным было его стремление дистанцироваться от гегелевской «сирены», от гегелевской философии уже тогда.

*Поэтому*, продолжил он, (следующая логическая связь становится очевидной благодаря началу следующего предложения: *Ich schrieb etc.*) «я написал диалог почти в двадцать четыре листа [Bogen, то есть: сложенные листы<sup>2</sup>, следовательно, 4 страницы для каждого листа]: “Клеант, или Об исходном пункте (Ausgangspunkt) и необходимом развитии (Fortgang) философии”. Здесь, – добавил он, – в известной степени соединились искусство и наука, совершенно разошедшиеся (в гегелевской системе?)» друг с другом. И вот я, неутомимый путник, принялся за дело, чтобы философско-диалектически раскрыть божество в таких его проявлениях, как понятие в себе, как религия, как природа, как история»<sup>2</sup>.

И тем не менее он самокритично отметил: «Мой последний тезис [*mein letzter Satz*: ”словосочетание”] оказался началом гегелевской системы». Отсюда самоуничижительная оценка: «Это мое любимое детище (*mein liebstes Kind*), взлелеянное при лунном сиянии [из страстных ночных сочинений: *noctes vigilare serenas* по образцу Лукреция], завлекло меня, подобно коварной сирене<sup>3</sup>, в объятия врага [т. е. гегелевского идеализма, который он намеревался победить]»<sup>4</sup>.

2

Этот юношеский диалог не сохранился, но информация о нем ценная, и из краткого описания содержания можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, стоит задаться вопросом «почему Клеант?». Ответ можно найти в *Vorlesungen* Гегеля по истории философии (которые стали доступными, как известно, с 1833 года). Здесь, в начале рассмотрения великих представителей стоицизма, Гегель упомянул гимн Клеанта Зевсу, который представляет собой один из наиболее крупных и значимых «фрагментов» (пожалуй, это полный текст) преемника Зенона, Клеанта из Эйса, переданный Стобеем в «Антологоне». «Из последующих стоиков – читаем мы в данной главе («Философия стоиков») – следует в особенности отметить Клеанта, ученика Зенона и преемника его в Стое, автора знаменитого гимна к богу, сохраненного для нас Стобеем. Он известен сообщенным о нем анекдотом, что его в Афинах вызвали, согласно законам,

<sup>1</sup> Нынешний перевод «скалистая мелодия» не только мало что значит, но и вводит в заблуждение.

<sup>2</sup> «Ich schrieb einen Dialog von ungefähr vierundzwanzig Bogen» (*нем.*). В своем ценном исследовании *Appunti di biografia intellettuale di Marx giovane (1818–1841)*, (2009 «*Studi filosofici*»), переизданном в 2011 г. в томе (ed. Carocci) *Ripensare Marx e i marxismi* (р. 39, п. 48) Марчелло Мусто пишет, что здесь Bogen означает Druckbogen, т. е. «печатные листы», которые, в сложенном виде, дают шестнадцатую долю листа, и что, следовательно, рукопись составила «более 300 страниц». Однако диалог (источником вдохновения которого, казалось бы, был гимн Клеанта, дорогой Гегелю) таких огромных размеров маловероятен. И сомнительно, что у Маркса были печатные листы (которые нужно было сложить, а затем вырезать), чтобы писать на них.

<sup>1</sup> Стоит вспомнить о споре против современной физики, упомянутой в предыдущей главе (§ 9).

<sup>2</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПП, 1975. Т. 40. С. 191.

<sup>3</sup> Здесь возвращается образ Лорелей.

<sup>4</sup> Маркс К. Письмо к отцу. С. 191.

к суду, чтобы дать отчет об источнике своего пропитания»<sup>1</sup>.

«Знаменитый гимн Богу (*auf Gott*)» – любопытное название гимна Зевсу. Впрочем, вероятно, Маркс нашел текст на греческом в доступном издании Стобея (например, в издании Герена, 1792–1801) или, что более вероятно, в одном из широко распространенных в те годы изданий «Гимна Зевсу»: некоторые из них были весьма волнующими, например, *Specimen Theologiae comparativae, exhibens Κλεάνθου ὕμνον εἰς Δία, cum disciplina Christiana comparatum*, которое было отредактировано и переведено с немецкого И.Х.А. Швабе (Йена, 1819). Были и другие издания в последующие годы (1825, под редакцией Ч. Петерсена; 1832, под редакцией Готхарда Козегартена и т. д.).

Но именно в самих *Vorlesungen* гимн Клеанта представлен в очень обширной цитате с любопытным вариантом *o Dämon* вместо звательного падежа Ζεῦ (который незадолго до этого был «Hymnus auf Gott»<sup>2</sup>):

«Ничего не происходит во вселенной, ни в эфирном полусе неба, ни в море без тебя, о демон, кроме того, что злые делают вследствие их собственного неразумия. Но ты умеешь также превратить кривое в прямое и приводить в порядок то, что не имеет порядка, и враждебное дружественно тебе (*und das Feindliche ist dir freundschaftlich*). Ибо таким образом ты все соединил в одно (*alles zu einem zusammengeeiht*), соединил благое с дурным (*das Gute mit dem Bösen*), так что во всем есть лишь единое понятие (λόγος) (*so daß nur ein λόγος ist in allem*), которое всегда существует (*der immer ist*) и которого избегают те, которые являются дурными среди смертных. О несчастные, они всегда желают обладать благом, но не уразумевают божьего (θεοῦ) общего закона (τὸν κοινὸν νόμον) и не внимают тому, подчиняясь чему разумно (σὸν νφ) они жили бы хорошей жизнью»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.: Партийное издательство, 1932. Т. X. С. 330.

<sup>2</sup> См. издание Surcamp (S. 262–263) и перевод Э. Кодинойлы и Дж. Санны (Р. 409–410).

<sup>3</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.: Партийное издательство, 1932. Т. X. С. 333 (пересказ Гегелем Stob., Eclog. phys., p. I, p. 32).

До этого места в *Vorlesungen* доходит квазиперевод Гимна Клеанта.

Текст Гимна, возвеличивающего «вселенский Логос, населяющий все», объединяющий в себе противоположности, чуждый одной только «несчастной совести» тех, кто «напрасно желает достичь блага», «управляющий всем по справедливости», послужил, по-видимому, для Маркса – совсем юного читателя *Vorlesungen* – отправной точкой для составления диалога «Клеант». Это подтверждено кратким изложением, которое мы прочитали именно в этом письме от 10 ноября 1837 года: «...философско-диалектически раскрыть божество в таких его проявлениях, как понятие в себе, как религия, как природа, как история»<sup>1</sup>. Божество, проявляющееся как Логос и как Природа, является уже «спинозовским» преодолением абсолютного идеализма. И тот факт, что текст «Клеанта», как и вся остальная имманентно-стоическая концепция «божества», ассоциируется в восприятии современных людей со Спинозой, нашел отражение в *Vorlesungen* Гегеля, который сразу же затем заявил: стойки «различали в телесном (*am Körperlichen*) момент деятельности и момент пассивности; первый представляет собою деятельный разум (λόγος), согласно Аристотелю, или *natura naturans* у Спинозы, а второй – пассивный разум, или *natura naturata*»<sup>2</sup>.

Но в определенном смысле Гегель свел на нет своеобразие физической концепции стоиков, предупреждая – сразу перед пересказом гимна Клеанта и после напоминания о том, что для стоиков Бог является «разумной мировой душой»: «*Всякая философия пантеистична, ибо она доказывает, что разумное понятие находится внутри мира*»<sup>3</sup>.

Вероятно, по этой причине совсем молодой автор «Клеанта», дойдя до конца своего произведения, которое должно было

<sup>1</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 191.

<sup>2</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.: Партийное издательство, 1932. Т. X. С. 334.

<sup>3</sup> Там же. С. 333.

стать «гимном» стойко-спинозовскому имманентизму, вынужден отметить, что его «последняя фраза» (*der letzte Satz*) была лишь «началом» Гегеля (*alle Philosophie ist pantheistisch*); как он справедливо отметил, это было «*der Anfang des Hegelschen Systems*», поскольку гегелевский абсолютный идеализм имманентен хоть по той причине, что он представляет собой радикальную попытку преодолеть неизлечимый дуализм (субъект/объект) кантианства. Но Маркс вскоре вернулся к Спинозе: его записная книжка с фрагментами из «Богословско-политического трактата» (1841) сопутствовала работе над диссертацией, а слова, явно почерпнутые у Спинозы, появляются в пятой части «Тетрадей по эпикурейской философии» – подготовительных записей к диссертации<sup>1</sup>.

В связи с этим через несколько месяцев после ноябрьского письма 1837 года, в непростой период и из-за смерти отца (10 мая 1838 года), и из-за разногласий с семьей, у Маркса созрело решение заняться в своей докторской диссертации преимущественно Эпикуром и его «оригинальностью».

Маркс решил заняться Эпикуром, послужившим мишенью самых резких и презрительных страниц *Vorlesungen*. Данным решением он не просто разошелся с гегельянством, но также бросил вызов. Этот вызов заключался в том, чтобы предпринять рискованное научное исследование, пользуясь чрезвычайно обширным количеством доступных источников, дабы опровергнуть основное положение гегелевской трактовки (Эпикур – всего лишь подражатель, «повторитель» физики Демокрита, «его мысли не могут даже называться мыслями»). И весьма вероятно, что это решение сформировалось в среде жарких дискуссий «Докторского клуба», состоявшего в то время из «левых» представителей гегелевской школы: прежде всего братьев Бауэров, в частности Бруно, Рутенберга, Кёппена (прямо упомянутого в Предисловии к диссертации<sup>2</sup>) и других.

<sup>1</sup> Маркс К. Тетради по эпикурейской философии. Тетрадь пятая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 114.

<sup>2</sup> См.: Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура: Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 153.

### 3

Когда Маркс писал отцу в ноябре 1837 года, данная эволюция уже началась. Об этом свидетельствуют следующие слова: «...Я попал в ”Докторский клуб” (geriet ich in einen Doktoklub), среди членов которого было несколько приват-доцентов и ближайший из моих берлинских друзей (mein intimster der Berliner Freunde), доктор Рутенберг»<sup>1</sup>. Посещение этого кружка оказало решающее влияние на Маркса. Бруно Бауэр (1809–1882), почти на десять лет старше Маркса, был к тому времени (1837) уже хабилитирован<sup>2</sup> и читал в Берлине курсы философии религии и Ветхого Завета. С 1839 года он переселяется в Бонн. Именно он призывает Маркса к скорейшей публикации его докторской диссертации в целях трудоустройства профессором философии в Бонне. Его лучший друг Адольф Рутенберг (1808–1869), также на десять лет старше, был вожакom младогегельянцев; Маркс рекомендовал его в 1842 году в качестве руководителя «*Rheinische Zeitung*», но позже отношения между ними испортились, и Маркс годы спустя высказывался о нем с презрением<sup>3</sup>. Далее письмо затрагивает деятельность «Докторского клуба»: «Здесь обнаружилось в спорах различные, противоположные друг другу взгляды, и все крепче становились узы, связавшие меня самого с современной мировой философией [*Weltphilosophie* – т. е. с гегелевской системой], влияния которой я думал избежать»<sup>4</sup>.

После этого Маркс заговорил о своем собственном кризисе: «...Меня охватило настоящее неистовство иронии (Ironiewut),

<sup>1</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 16.

<sup>2</sup> Хабилитация – в ряде стран высшая академическая квалификация, следующая за степенью доктора философии и позволяющая занять профессорскую должность.

<sup>3</sup> В письме к Энгельсу от 10 мая 1861 года Маркс высмеивал его («изготавливает с помощью ножниц «*Staats-Zeitung*» – газету, которую ни один человек уже не читает», т. е. «Официальную газету Прусского королевства» – Т. 30. С. 133). В письме от 7 сентября 1864 года он причислил его к «спутникам» Леопольда фон Ранке, «камердинера истории», об историографической работе которого карикатурным тоном заговорил Карл Форлендер, в «Жизни Маркса» [1929] также буря против Рутенберга (Т. 30. С. 352).

<sup>4</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 16.

что легко могло случиться после того, как столь многое подверглось отрицанию»<sup>1</sup> – и, впрочем, тоже смело заявил, что вышел из данного психологического состояния, «отдал дань модернизму (*die Modernität*)» и снова добился «точки зрения современной науки (*den Standpunkt der heutigen Wissenschaftsansicht*)», изложенной, однако, в «некоторых плохих произведениях вроде “Посещения”<sup>2</sup> (*Besuch*) и т. д.»<sup>3</sup>. Исходя из справедливого резкого ответа его отца (9 декабря 1837 года) на такое обширное письмо, мы можем сделать вывод, что «Посещение» было сочинением самого Маркса: «Оно [следующее письмо Карла], – написал Генрих, – содержало лишь несколько наспех набарапанных строк и выдержку из дневника, озаглавленную “Визит” (*Besuch*), которому я, говоря откровенно, охотнее бы указал на дверь, чем принял его<sup>4</sup>, — бредовую стряпню, свидетельствующую только о том, что ты впустую тратишь свои дарования и не спишь ночами, порождая монстров»<sup>5</sup>.

Стоит обратить внимание на выраженное в этом письме «признание». Здесь Маркс заявил о трудном, но в целом удачном «скачке» (ему не было и двадцати лет) от «гегелемании» к «точке зрения науки». Если мы хорошо запомнили презрительные слова Гегеля в адрес современной физики, выражающейся «пустыми словами», когда она рассказывает *об атомах и молекулах*<sup>6</sup>, то можем здесь узнать генетическое начало докторской диссертации, направленной на изучение античного

<sup>1</sup> Он говорит об этом вскоре после полученных отказов в издании его литературных произведений.

<sup>2</sup> В переводе ответного письма Генриха Маркса от 9 декабря 1837 года это произведение именуется «Визит».

<sup>3</sup> «...bis ich den Standpunkt der heutigen Wissenschaftsansicht durch einige Produktionen wie den Besuch erkaufthate» (*нем.*).

<sup>4</sup> Генрих иронизирует над названием (*Besuch*, «визит»): он не приветствовал такой «визит», наоборот, поставил «гостя» у дверей. Слова Генриха Маркса делают более понятной фразу Карла, в которой *erkauft* означает, что сочинение этой чепухи было «ценой» за познание «точки зрения» современной научной концепции.

<sup>5</sup> Генрих Маркс – Карлу Марксу, 9 декабря 1837 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 640–641.

<sup>6</sup> См. выше (Ч. I, § 9).

материализма и первоначального понимания физического мира у Эпикура.

И также становится понятно, в свете как резкого ответа отца, так и того факта, что многословное письмо Карла хранилось в семье из-за его ценности как документа о чем-то серьезном, что это письмо привело к цензуре на многих уровнях, в том числе на частном. И о его драматичном тоне невозможно умалчивать. В этом письме описываются, как минимум, два кризиса, следовавших один за другим в короткий, но переломный 1837 год: во-первых, Карл решил отказаться от учебы на юридическом факультете, что вызвало напряженность (и Маркс это объявил театрально и сильным для еврейской семьи тоном: «Моя святая святых (*Sancta sanctorum*) была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов»<sup>1</sup>), затем — погрузившись в живые философские дебаты, Маркс отрекся от великого обаяния, проявленного *Felsenmelodie* гегелевской «системы», которую назвал в определенный момент в письме «коварной сиреной» (*eine false Sirene*). Два кризиса, вследствие которых (при недопонимании семьи) девятнадцатилетний Карл взялся за сравнительное рассмотрение «натурфилософии» (Гегель назвал ее «метафизикой») Эпикура и Демокрита.

Еще один комментарий на полях здесь может быть излишним. Даже гораздо более молодой Лассаль (1825–1864) оторвался от господствующего гегелевского учения, еще доминировавшего в Берлине в начале 1840-х годов, и защитил докторскую диссертацию по античной философии, а именно — по Гераклиту, под руководством и по предложению двух виднейших представителей университета, таких как Август Бек (известный с 1817 года новаторской работой «Государственное хозяйство афинян») и Александр фон Гумбольдт (теоретик взаимопроникновения философии и географии, сам исследователь и географ). В те же годы, когда Лассаль посвятил себя Гераклиту, Маркс и Энгельс выступили с любовой атакой на

<sup>1</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 14.

<sup>2</sup> Там же. С. 15.

гегельянство в своей «Немецкой идеологии» (1845–1846). И Лассаль должен был стать истинным основателем немецкой партии рабочих и бороться с Бисмарком, восходящей звездой германского империализма.

Интересно отметить, как Бенедетто Кроче в своей неисчерпаемой критике социализма и интеллектуального творчества Маркса еще в начале 1945 года, когда была восстановлена долго нарушаемая свобода слова, нашел способ напомнить в полемическом контексте, что «Маркс был доктором философии, рассуждавшим об Эпикуре» и «Лассаль также рассуждал о Гераклите»<sup>1</sup>. Его цель состояла в том, чтобы, как мы сказали в начале данного предисловия, выдавать их обоих за непролетарских социалистов. Но, конечно, он отметил интересный факт, что оба человека-символа социализма девятнадцатого века оторвались от Гегеля после того, как стали реально изучать античную философию. Быть может, это связано также с той преобладающей ролью, которую история античной философии играла в великом замысле гегелевских *Vorlesungen*.

#### 4

Следует отметить, что Маркс во второй главе первой части диссертации представил обзор оценок (как правило, негативных по отношению к Эпикуру) соотношения эпикурейской и демокритовской физики, от Цицерона до Лейбница, однако не упомянул Гегеля, чья отрицательная и резкая, как и у других, оценка была ему хорошо знакома (Маркс процитировал Гегеля с точной ссылкой на XIV том *Gesamtausgabe*, т. е. на издание *Vorlesungen* – «Лекций» Мишле, в пятой «Тетради по эпикурейской философии»).

Данная деталь показывает подход Маркса в этой работе: в самом деле, из *Vorrede* («Предисловия») мы понимаем – Маркс заявил об этом открыто, – что как раз после прочтения *Vorlesungen* («Лекций») он решил выступить против них, начал работать над диссертацией, но тем не менее из уважения

<sup>1</sup> См.: Croce B. Scritti e discorsi politici, II, Laterza, Bari, 1963. P. 141 (текст начала 1945 года).

к «гигантскому мыслителю» воздержался от возможной прямой полемики о его позициях и оценках. На самом деле нам известно, что Гегель настолько упрямо и однозначно утверждал, что Эпикур лишь повторил «натурфилософию» Демокрита, что в некоторых сохранившихся тетрадах учеников данное утверждение является главной темой лекции.

Но так ли безосновательно было данное общее и широко распространенное положение?

Приведенный Марксом обзор оценок неоригинальности Эпикура завершается – и Маркс это подчеркнул – оценкой Лейбница: «...[Эпикур] заимствовал идеи у Демокрита и не всегда мог извлечь из него самые лучшие!» В продолжении трактата Маркс принял *отклонение* («детский» замысел, по мнению Бергсона) в качестве основания *различия* (*Differenz*), уже объявленного в заглавии диссертации. Тем не менее во вступительной главе (*Gegenstand der Abhandlung*) Маркс выдвинул именно такое положение, совершенно справедливо утверждая, что данное отличие является основой более общего явления, характеризующего послеаристотелевскую философию: «преодолеть» платоновско-аристотелевский блок, «возвращаясь назад (*weiter rückblicken*)» и ссылаясь на «самые простые школы (*zu den einfachsten Schulen*)»<sup>1</sup> сократовской эпохи. И Маркс в качестве примера, между прочим, привел эпикуреизм и стоицизм. «Демокрит, – написал он, – соединяется (*zusammen gebracht*) с киренаиками, а Гераклит – с киниками»<sup>2</sup>. В ходе дальнейшего развёртывания тезиса Маркс прояснил и объяснил *различия* (*Differenz*); однако остается осознанный и массовый отход – на рубеже четвертого и третьего веков до н. э. – от тех философских школ, которые до сих пор представляются нам господствующими (и успешными в конечном счете), что является само по себе значимым явлением (на которое стоило бы обратить больше внимания, чем на «полную конструкцию самосознания»). Данные школы философии оказались господствующими

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Часть первая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 157.

<sup>2</sup> Там же.

ми и успешными потому, что последующая традиция стала сообразовываться с ними, а «бунт» против платоновско-аристотелевского блока был подавлен: труды Цицерона, направленные на распространение философских учений (и оказавшие значительное влияние в римском мире), и христианство, ищущее философские основы, одержали победу; и они определили направленность философии не меньше, чем сохранение (и утрата) произведений (победителей и проигравших).

Фраза Маркса («Разве... не замечателен тот факт, что после платоновской и аристотелевской философских систем» философы «возвращаются гораздо дальше назад?»<sup>1</sup>) показывает, что он осознал наличие значительной исторической проблемы, к которой, однако, он не возвращался и на которую не обращал достаточно внимания. И можно полагать, что Маркс не стал интересоваться данной проблемой, во-первых, потому, что по первоначальному плану он должен был рассматривать все три школы, однако потом занялся одним лишь эпикуреизмом, во-вторых, потому, что автор по образованию на то время концентрировался исключительно на философском анализе как таковом, не обращая никакого внимания на исторические, конкретные, эмпирические истоки этих новых героев.

С этой точки зрения речь идет об отступлении по отношению к гегелевским *Vorlesungen* («Лекциям»), в которых относительно каждого представителя истории философии всегда отмечается изначальный историко-биографический интерес. Стоит вспомнить о биографических данных, которые Гегель, насколько нам известно, на основании трудов Бруккера, приводил о Клеанте или об Эпикуре. Стоит также упомянуть, как усиленно во введении к урокам по эллинистической философии Гегель пытался объяснять философию этих школ на основе политических условий греческого мира, над которым господствовал Рим; а также стоит учесть намек Гегеля на существенное равнодушие римского общества к философии, из-за его структуры и из-за культуры его верхушки.

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Часть первая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 157.

Подобного подхода в диссертации Маркса нет: мысли обосновываются и опровергаются только мыслями. С откровенным энтузиазмом Маркс в *Vorrede*<sup>1</sup> («Предисловии») к диссертации назвал *Vorlesungen* («Лекции») Гегеля по истории философии первой «истинной» историей философии. Так же как и многие, быть может, до сих пор, Маркс тоже считал издание Мишле *Vorlesungen* («Лекции») верным и точным пересказом этих лекций и без сомнения рассматривал издание Мишле как произведение Гегеля. Это видно, например, по уже упомянутому месту из пятой «Тетради по эпикурейской философии», содержащей подготовительные записки к диссертации: «...И по отзыву Гегеля (см.: Полное собрание сочинений. Т. 14. С. 492)<sup>2</sup> эпикурейская натурфилософия не заслуживает особой похвалы...»<sup>3</sup>

Но именно относительно того, как Гегель в *Vorlesungen* («Лекциях») трактовал постаристотелевские школы философии (стоиков, эпикурейцев, скептиков), оценка Маркса отрицательна, если не считать уважительного тона:

«Хотя *Gegely* в целом (*im Ganzen*) правильно (*zwar!*) определил общие черты (*das Allgemeine!*) названных систем [стоики, эпикурейцы, скептики], но при удивительно (*bewunderungswürdig*) обширном и смелом (*kühnen*) плане его истории философии [т. е. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*], с которой вообще только и начинается история философии [т. е. работа над изучением исторического развития

<sup>1</sup> О происхождении которого мы расскажем позже.

<sup>2</sup> Полное издание (*Vollständige Ausgabe*) сочинений Гегеля, на которое ссылается и которое использует Маркс, — это издание, отредактированное учениками, в 18 томах (Берлин, 1832–1845), во втором томе из которых содержатся страницы об Эпикуре, *Vorlesungen* по истории философии — четырнадцатая часть серии. В переиздании (1928) этого полного издания, отредактированного Глокнером, речь идет о томе XVIII, но нумерация страниц идентична, а отрывок, на который здесь ссылается Маркс, всегда находится на странице 492. Вместо этого в новом издании *Vorlesungen*, заново отредактированном Мишле, начиная с 1840 года (с которым Маркс не смог ознакомиться) отрывок, на который Маркс ссылается здесь, появляется, в глубоко переработанном виде, на странице 437.

<sup>3</sup> Маркс К. Тетради по эпикурейской философии. Тетрадь пятая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 119.

философии], он не мог вдаваться в детали. С другой стороны, взгляд Гегеля на то, что он называл спекулятивным [*spekulativ*: концептуальный, умозрительный] *par excellence*<sup>1</sup>, мешал этому гигантскому мыслителю (*den riesenhaften Denker*) признать [*erkennen*] за указанными системами их высокое значение (*die hohe Bedeutung*) для истории греческой философии и для греческого духа вообще»<sup>2</sup>.

Маркс здесь ссылался на начало главы *Vorlesungen* («Лекций») об Эпикуре: «Между тем уже само собою ясно, что если истинным считать ощущаемое бытие, то вообще уничтожается необходимость понятия, так что все без всякого спекулятивного интереса распадается на внешние друг другу вещи, и понимание последних на самом деле скорее опускается в этом воззрении до уровня понимания обывательского здравого смысла»<sup>3</sup>. Маркс жестко раскритиковал подобные формулировки. Его критика заключается в том, что исходя из основных предпосылок гегелевской философии стало *невозможным* для «гигантского мыслителя» понять этот, по мнению Маркса, самый важный период греческой философии. «Эти системы, – говорил он, – составляют ключ (*der Schlüssel*) к истинной истории греческой философии»<sup>4</sup>. И он смело заверил, что уже собрался или, может быть, только намеревался написать работу об остальных двух «философских школах», так как данное предвосхищение было обусловлено «практическими целями» (намерением предложить свою кандидатуру в качестве преподавателя в университете Бонна).

<sup>1</sup> По преимуществу (*фр.*).

<sup>2</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура: Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 153.

<sup>3</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.: Партизанское издательство, 1932. Т. X. С. 362. (В издании 1840 года последнее предложение несколько видоизменено и утяжелено: «...die Dinge zur Ansicht des gemeinen Menschenverstandes herabgesetzt werden»).

<sup>4</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 153.

Вполне вероятно, что в уме юного и воинственного соискателя докторской степени сформировалась аналогия, касающаяся его самого и молодых «буйных» гегельянцев: реакция таких на Гегеля, чей подход к преподаванию философии доминировал в Пруссии даже в академической среде, и реакция эллинистических школ на аристотелевское «тотальное» построение знаний. Но настоящая новизна этой диссертации, основанная на тщательной работе по пересмотру источников, заключается в полной переоценке эллинистического видения мира, а следовательно, и характеризовавших его философских течений, в то время как, по общему мнению, эллинизм считался эпохой упадка и его философии считались этапами упадка по сравнению с великой платоновско-аристотелевской эпохой, вершиной «классической» эпохи. Напротив, с точки зрения юного Маркса, данные философии являются «ключом» к пониманию всей греческой философии и вообще к пониманию «жизни» Древней Греции.

Данная переоценка, несмотря на то что в свое время она не вызвала откликов<sup>1</sup>, соответствует антиклассической переоценке юным Иоганном Густавом Дройзеном (1808–1884), сделанной несколькими годами ранее и отраженной в «*Алекса́ндре*» (1833) и в первом томе «Истории эллинизма» (1836). Несомненная заслуга Дройзена заключается в том, что он ввел само понятие «эллинизм» – исходя из некоторых положений Нибура (1776–1831), сформулированных на уроках, которые Нибур читал в Бонне и которые тоже посмертно были собраны и изданы в нескольких томах *Vorträge* («Лекций»), – и что по отношению к предыдущей эпохе он именно в этом историческом периоде, характеризующемся «смешением» культур и народов в результате деятельности Александра Великого, увидел значительный прогресс. Однако, по мнению Гегеля, то был «упадок (*Unglück*) греческого духа». «Этот третий период истории эллинского мира, к которому относятся дальнейшие бедствия, постигшие Грецию, менее интересует нас»<sup>2</sup>, – утверждал

<sup>1</sup> Диссертация осталась неопубликованной.

<sup>2</sup> Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. Т. VIII. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 258. С другой стороны, Александр, как великая историческая личность, пользовался его благосклонностью, даже когда поступал преступно (*Vorlesungen*, transl. cit., III, p. 149).

Огюст Корню (1888–1981) написал, что «главная заслуга» диссертации Маркса заключается в том, что он обратил внимание на значимость постаристотелевских школ, «когда интерес к греческой философии на то время ограничивался Платоном и Аристотелем»; и именно по этой причине он справедливо поставил Маркса в качестве исследователя античной философии наравне с Эдуардом Целлером (1814–1908), который также пришел к изучению античной философии – области, в которой он оставил неизгладимый след<sup>1</sup>, – вслед за гегелевским *Vorlesungen* («Лекциями»)<sup>2</sup>.

*Vorlesungen* («Лекции») Гегеля по истории философии оказали влияние на целое поколение. Толчок к пониманию постаристотелевской философии – который Гегель, однако, вставил в рамки исторического развития греческой философии – для Маркса исходил от знакомства с Бруно Бауэром и его сочинениями того времени, в которых автор связал критический анализ происхождения христианства и синоптических Евангелий с распространением этих философских течений: в частности, *Die Religion des Alten Testaments in der geschichtlichen Entwicklung ihrer Prinzipien dargestellt* (1838) и последующая *Kritik der Evangelien*. С точки зрения Дройзена – как и Бауэра, ученика Гегеля в Берлине, – «эллинизм» как решающая историческая эпоха, отличающаяся «смещением» культур и народов в результате деятельности Александра Великого, завершилась появлением христианства. Это были самостоятельные пути, которые непосредственные ученики Гегеля прослеживали, получив импульс «Лекций» (*Vorlesungen*) и из гегелевского понимания тех течений философии, которые в картине развития греческой философии получили название «философия самосознания» (формула, принятая также Марксом в его докторской диссертации) – каково бы ни было точное значение этой формулы для каждого из них.

<sup>1</sup> Die Philosophie der Griechen, 1844–1852.

<sup>2</sup> Рецензия изд. Mende-Schmidt (Jena 1964) *Doktordissertation von Marx // Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 1965. № 13. P. 525. О влиянии лекций Гегеля на Целлера см.: Delio Cantimori su Eduard Zeller nell'Enciclopedia italiana, XXXV, 1937. P. 917.

## 5

Главной предпосылкой, с которой берет начало докторская работа Маркса, является понимание значимости и богатства постаристотелевской философии – философии «самосознания» (*Selbstbewusstsein*<sup>1</sup>). Вполне вероятно, хотя, по всей видимости, документально не подтверждено, что ненасытный читатель Карл Маркс был знаком с двумя новаторскими книгами Дройзена, особенно с первой, вышедшей в Берлине в 1833 году, вторая же (1836) была напечатана в Гамбурге. Настоящую новизну работы Маркса, однако, можно определить как «дройзеновское» развитие по отношению к гегелевским *Vorlesungen*. Введение Гегеля в постаристотелевскую философию, по крайней мере в том виде, в каком его изложил Мишле, является противоположной данной новаторской трактовке. И оно в пользу римского мира: века эллинизма – лишь перерыв. Гегель рассматривал философские школы эллинизма как перерыв перед «александрийской философией»<sup>2</sup>, т. е. перед неоплатонизмом, от Плотина до Прокла. Складывается впечатление, что в картине Гегеля постаристотелевские философские школы прервали линию непрерывности, идущую от Платона к Проклу. Еще более удивительным является предположение Гегеля, что постаристотелевские философские школы, по сути, достигли максимального развития в римском мире.

Отметив изначально, что данные философские течения возникли в Греции, а затем стали «философией римского мира», Гегель описал их черты так, как будто именно в римском мире, в контексте римской политики, они действительно сложились такими, какими мы знаем их: «...В особенности эти системы представляли собою под господством римлян философию римского мира»<sup>3</sup>. Как будто под воздействием надвигающейся римской

<sup>1</sup> Данное определение встречается уже во введении Гегеля к постаристотелевской эпохе: *Vorlesungen* [изд. 1833], переизд. Suhrkamp II, 1986. P. 251.

<sup>2</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая // Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.: Партийное издательство, 1932. Т. X. С. 323.

<sup>3</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. С. 325.

власти данные философские школы получили окончательный вид: «...некая чужая сила, абстрактная всеобщность нависла над человеком. В подобном состоянии разъединенности (In solchem Zustande der Zerrissenheit) стало необходимым искать и найти внутренний покой (Befriedigung zusuchen und zu finden)»<sup>1</sup>, именно в таких философиях, как стоическая и эпикурейская.

В своем предварительном описании постаристотелевских философских школ Гегель совершенно не обратил внимание на то, что основатели этих школ жили в реалиях полиса, а некоторые из них часто посещали непосредственных учеников Аристотеля и Платона в Афинах. Рассмотрение стоической, скептической или эпикурейской философии как «реакции» на «подавление» человеческой личности «под властью римлян» совершенно анахронично, что является также результатом удаления тех столетий, которые, начиная с Дройзена, мы определяем как «эллинистические», когда, несмотря на небрежные и драматические большие описания (но до сих пор многие и в наше время забывают об этом), полисы продолжали существовать как таковые. Подобная якобы карикатурная гегелевская оценка постаристотелевской философии как психологической реакции на римскую власть, безусловно, непреднамеренна, но и необоснованна, а возможно, также обусловлена характерным для немецкой романтической культуры антиримским предрассудком<sup>2</sup>. Данная оценка исторически неубедительна. Наоборот, следует отметить, что часть римской правящей элиты долгое время отказывалась от проникновения уже сформировавшейся и широко распространенной греческой культуры. Она противостояла распространению греческой культуры, сколько могла (но в какой-то момент была побеждена «изнутри»), *своей* этико-политической концепцией мира, которая кроется в действенной формуле *mos maiorum*<sup>3</sup>, в этом социальном клее, доктринальной проекцией которого была железная монументальная структура

<sup>1</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. С. 325.

<sup>2</sup> Данный подход будет иметь долгую жизнь: от культа Арминия до отказа от римского права.

<sup>3</sup> Обычай предков (*лат.*).

римского права: и эта структура состояла из твердых убеждений, в противоположность любому «растворяющему» элементу, как, например, греческая философия, особенно в ее стоическом, эпикурейском, скептическом (неоакадемическом) уклоне. С связи с этим иногда римская власть «изгоняла» особо выдающихся интеллектуалов. И несмотря ни на что, эти течения мысли проникли наверх, а некоторые, как, например, эпикуреизм, достигли популярности в народе (Цицерон, *Tusculanae disputationes*, IV, 7), что вызвало тревогу: как мы увидим, именно эта сторона эпикуреизма разбудила молодого Маркса и вызвала у него «короткое замыкание» с Прометеем Эхила.

Таким образом, общая картина совершенно иная: «фреска», написанная Гегелем (по версии Мишле), условна. Что бросается в глаза в первой главе работы Маркса – это отказ от понятия «декаданс-упадок». Исходным пунктом служит широко распространенное псевдопонятие (принятое Гегелем) послеаристотелевского периода как «декаданс-упадок». Великолепное начало: «Греческая философия на первый взгляд закончилась так, как не должна кончаться хорошая трагедия, а именно бесцветной развязкой!». Блестящая, почти поэтическая формулировка: «...Смерть героев подобна закату солнца, а не смерти лягушки, лопнувшей с натуги!»<sup>2</sup> В этом начале уже заметен великий автор введения Манифеста, в котором прекрасно сочетаются трагическое и гротескное: там были сопоставлены «закат солнца» и «лопнувшая лягушка», в Манифесте же «призрак бродит по Европе» и сразу за этим «папа и царь», «французские радикалы и немецкие полицейские» объединяющиеся «для священной травли» этого призрака!

И здесь Маркс сразу же подошел к сути проблемы: речь идет не просто о том, чтобы привлечь внимание к «исторической важности этих систем», а о том, чтобы понять и объяснить их «связь с более древней греческой философией»<sup>3</sup>. В чем причина

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Часть первая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С.156.

<sup>2</sup> Там же. С. 157.

<sup>3</sup> Там же.

того, что, например, «Демокрита сопоставляют с киренаиками» (с Эпикуром), а «Гераклита с киниками» (с Зеноном)? Именно это преодоление великого платоновско-аристотелевского блока кажется Марксу чем угодно, *только не отступлением*.

## 6

Амбициозный соискатель докторской степени Маркс полностью разошелся с Гегелем еще и в подходе к настойчивому обвинению Гегеля в адрес Эпикура: «натурфилософия» Эпикура не отличается оригинальностью, она не что иное, как повторение Демокрита<sup>1</sup>. И здесь он практически дал урок по методике «гигантскому мыслителю», с которым сам померялся силами: «старый, глубоко укоренившийся предрассудок – отождествлять физику Демокрита и физику Эпикура... так же стар, как история философии»<sup>2</sup>. Чтобы разобрать ее, Маркс «вынужден, что касается частных, вдаваться в то, что может показаться мелочами (Mikrologien)», необходимыми для понимания деталей, которые можно понять «только под микроскопом»: и именно этим путем он надеется обнаружить «существенное, доходящее до мельчайших подробностей различие»<sup>3</sup>. Еще легче показать «то, что можно проследить на деталях», если перейти к более крупному масштабу; «между тем как, наоборот, совершенно общие соображения оставляют сомнение в том, подтвердится ли общий вывод в каждом отдельном случае»<sup>4</sup>. Когда он говорил о «мелочах» и «микроскопе», он имел в виду прежде всего истинную проверку источников, которая у Гегеля в «Лекциях» отсутствует: мы указывали, например, на полное отсутствие у Гегеля ссылок на тексты Лукреция, которого Маркс, наоборот, называет «единственным среди всех

<sup>1</sup> См. по этому поводу в части II, § 4. См. также: Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. С. 371–372.

<sup>2</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Часть первая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 158.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

древних, который понял эпикурейскую физику»<sup>1</sup>. Готовясь подобрать фрагменты из поэмы «О природе вещей», в начале четвертой «Тетради по эпикурейской философии»<sup>2</sup> Маркс написал: «Само собой понятно, что из Лукреция лишь немного может быть использовано»<sup>3</sup>. Таким образом, именно в то время, пока Маркс читал поэму и занимался отбором материалов, необходимых для реконструкции эпикурейской философии, он осознал чрезвычайную важность Лукреция как источника – и цитировал его больше, чем любого другого автора<sup>4</sup>.

Маркс привел доказательство независимого, если не прямо противоположного характера философии Эпикура по отношению к учению Демокрита (и вообще по отношению к любому механистическому пониманию материи), сосредоточиваясь, как и ожидалось, на истолковании отклонения, то есть «нисходящего» движения, в силу чего атомы, сходясь и соединяясь, придают форму видимой реальности во всех ее различных аспектах<sup>5</sup>: Лейбниц в «Теодицее» назвал подобное объяснение «нелепым отклонением атомов» (III, § 362), а Бергсон, как мы увидим, назвал его «инфантильным приложением к теории Демокрита». Начиная отсюда, Гегель ушел со сцены, а собеседниками, с которыми Маркс оживленно вел дискуссию, стали Цицерон («О пределах добра и зла», «О природе богов», «О судьбе»), Пьер Бейль (статья «Эпикур» в «Историческом и критическом словаре») и астроном Иоганн Конрад Шаубах (1764–1849) из-за монографии об астрономических учениях Эпикура<sup>6</sup>, вышедшей

<sup>1</sup> Часть II, гл. 1: отклонение атома от прямой линии.

<sup>2</sup> «Тетради» являются подготовительными материалами к диссертации; о них мы поговорим в части III.

<sup>3</sup> Маркс К. Тетради по эпикурейской философии. Тетрадь пятая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 87.

<sup>4</sup> Справедливо также в этой связи обратить внимание на то, что никакие сочинения Эпикура не были доступны в то время, за исключением фрагментов из Диогена Лаэртского. Как было упомянуто в части I, Гегель цитировал (вместе с Диогеном) фрагменты из Геркуланума (изданные Орелли в 1818 году в г. Лейпциге): Маркс также нашел хорошее применение этому новому материалу.

<sup>5</sup> Часть II, гл. 1: Отклонение атома от прямой линии.

<sup>6</sup> «Архив филологии и педагогики» V, 1839 год.

в 1839 году: данная книга была совсем новой на то время, когда Маркс приступил к работе над диссертацией.

По мнению Маркса, наиболее убедительный аргумент в пользу теории Эпикура можно найти у Лукреция (II, 251–293). Речь о знаменитом разделе его поэмы, посвященном свободе воле, свойственной как атомам, так и людям, то есть всей физической вселенной, отличающейся свободой своего движения, символом чего является *отклонение*; а рассмотрение атомов как движущихся и как «абстракции» является наиболее значительным концептуальным результатом. Атомы, написал Маркс, это «тела, мыслимые – как и небесные тела – в абсолютной самостоятельности»<sup>1</sup>. А чуть раньше он упомянул о возможности отождествления атома с его траекторией: «Как точка сводится (*aufgehoben*) к прямой, точно так же каждое падающее тело сводится к описываемой им линии»<sup>2</sup>. Здесь мы приняли предложенный Альфредо Сабетти<sup>3</sup> вариант перевода глагола «*aufgehoben*» и не согласились с Марио Чинголи<sup>4</sup>, который понял «*aufgehoben*» как «подавленный»<sup>5</sup>. Если придать такое значение термину «*aufgehoben*», то существует риск не понять ту концепцию, к которой Маркс здесь, вероятно, приблизился: речь о концепции «разлагающейся» на энергию (в движении, в траектории) материи. Он привел наводящее сравнение с той «движущейся точкой», то есть с прямой линией. В дальнейшем Маркс не ссылаясь больше на данную концепцию и не развивал ее, потому что Маркс в основном опирался на линию аргументации Лукреция, что привело его другим путем к «дематериализации» механицизма Демокрита. Данная удачная концепция «движущейся точки», образующей прямую линию, была хоро-

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Часть вторая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИГЛ, 1975. Т. 40. С. 172.

<sup>2</sup> Там же. С. 171.

<sup>3</sup> В приложении к тому: На основании исторического материализма, *La Nuova Italia* 1962. P. 361.

<sup>4</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, I, Editori Riuniti, Рим 1980, с. 43.

<sup>5</sup> В русской традиции слово «*aufgehoben*» переводится как «снимать» – от *Aufhebung* («снятие»).

шо оценена Жаном Салемом в работе, вышедшей много лет назад: «Атом, который Маркс определяет как пространственную точку, определяется исключительно пространством до тех пор, пока его движение представляет собой прямую линию»<sup>1</sup>.

Более того, в конце той же первой главы второй части Маркс заговорил о «противоречии, заложенном в понятии атома» (*der Widerspruch, der im Begriff des Atome liegt*)<sup>2</sup>. Таким образом, метафора прямой линии вскоре уступила место главному понятию, близкому автору: свобода – элемент, объединяющий, по Эпикуру, всю физическую и человеческую реальность. Данная концепция была изложена по мнению Маркса в поэме Лукреция и потому Маркс провозгласил Лукреция «единственным истинным толкователем» философии Эпикура.

Обратимся к тексту Маркса: «Лукреций поэтому справедливо утверждает, что отклонение (*die Deklination*) прорывает “рока законы” (*fati foedera*), и подобно тому как он тотчас же применяет это [нарушение *fati foedera*] к сознанию, так и об атоме можно сказать, что отклонение есть именно нечто такое в его груди, что может противоборствовать и сопротивляться»<sup>3</sup>.

Удивительна та связь, которую Лукреций установил между отклонением атомов и свободной волей человека в управлении своими движениями по своему желанию. Если атомы «не могут, – продолжал Лукреций, – путем отклонения первоначала Вызвать движений иных (*faciunt motus principium quoddam*), разрушающих рока законы» (*fati foedera rumpat*), Чтобы причина не шла за причиною испоконь века, Как у созданий живых на земле не подвластная року, как и откуда, скажи, появилась свободная воля (*libera voluntas*), неподвластная року (*fatis avulsa*), Что позволяет идти, куда каждого манит желанье (*animantibus*)?»<sup>4</sup>

<sup>1</sup> *Salem J. Marx et l'atomisme ancient*, «Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa». S. III, XXV, 1995. P. 1601.

<sup>2</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. С. 176.

<sup>3</sup> Там же. С. 172.

<sup>4</sup> «Предопределение».

<sup>5</sup> Цит. по: *Тут Лукреций Кар. О природе вещей* / Пер. с лат. Ф. Петровского; Вступ. ст. Т. Васильевой. М.: Худож. лит., 1983. С. 66.

(II, 253–258, перевод Ф. Петровского). В связи с этой единой картиной атомов и образовавшихся тел у Лукреция возникла всеобъемлющее представление об «одушевленной» материи: «Ибо материи вся совокупность (*materiai sorìa*) должна возбудиться (*concipi debet*) В теле повсюду, чтоб ей, возбуждвшись во всех его членах, Духа порыву (*studium mentis*) затем последовать было возможно. Видишь из этого ты, что движение рождается (*initium motus*) в сердце (*a corde*) И начинает идти, руководствуясь волею духа («*animus*», который Эрну правильно перевел “*de l’espìrit*”), Передаваясь затем по телу всему и по членам» (II, 268–271)<sup>1</sup>.

Особенность данного известного лукрецианского аргумента состоит в прямом и смелом утверждении, что в каждом отдельном атоме обитает свободная воля (II, 284: «*quare in seminibus quoque idem fatale necesse est*»). И именно этот стих вдохновил Маркса на не менее смелую формулировку: «...так и об атоме можно сказать, что отклонение есть именно нечто такое в его груди, что может противоборствовать и сопротивляться» (Часть II, глава 1), где «в его груди» переключается с «в груди нашей скрыто» из стиха 279 Лукреция.

Маркс – единственный, кто взялся за этот *ключевой* стих, определяющий дальнейшее движение<sup>2</sup> без обманчивых искажений и смог понять его, не отступив перед его смыслом (который, кроме того, был в полном соответствии с его – в то время – стоически-спинозовским видением материи).

Можно привести примеры того, настолько уклончиво комментаторы (даже выдающиеся) подходили к этому стиху<sup>3</sup> (не претендуя на полноту, в своей сжатой работе). Хью Эндрю Дж. Манро (1864) в своем классическом комментарии не коснулся непосредственно данного стиха; он предпочел сконцентрироваться на последующих стихах (288–293) и предложил пересказ, ускользающий от утверждения (*voluntas seminum*): «...сам разум может спастись от неумолимой необходимости

и обрести свободу действий только благодаря этому прерывистому отклонению атомов» (II, с. 135). Автор пересказа дал нам понять – не говоря об этом открыто – то, что Анри Бергсон (1859–1941) описал в общих чертах в своем юношеском комментарии к Лукрецию<sup>1</sup>: т. е. атомы, составляющие душу, наделены *voluntas*; но данная интерпретация противоречит тому неоспоримому факту, что по учениям Эпикура и Лукреция все атомы наделены отклонением (*клинаменом*)! Вот его слова: «Действительно, душа – это просто совокупность атомов; если бы атомы подвергались неизменному и фатальному движению, то и наша душа была бы такой же, и для нас не было бы свободы. Благодаря *отклонению* атомы наделены подлинной инициативой, а наша душа, следовательно, своего рода свободой». Данное объяснение можно понять и по-другому: для наделения души «свободной волей» следует наделить «инициативой» все атомы, даже те, которые не составляют души.

Герхард Мюллер, выдающийся представитель школы ученых ГДР, занимавшихся древним материализмом, в 1959 году посвятил – для Академии наук ГДР того времени – обширную работу *Darstellung der Kinetik bei Lukrez*. Перефразируя стих II, 284, ему удалось не называть атомы<sup>2</sup> открыто: «Этот произвол [свободная воля, направляющая движения живых существ] в нашем видимом мире вынуждает вернуться к небольшому произволу в невидимом» (стр. 31). «Невидимый мир» – это атомы, но Мюллер, перефразируя «*in seminibus quoque idem fateare necessest*» (признать и другую причину движений в семенах), избегал этого слова. И поэтому оставил в стороне вопрос, соответствует ли полностью, таким образом, свободной воле отклонение, в котором участвуют все атомы (в том числе составляющие горы, реки, озера, растительность, облака, дождь) или же – как полагали Манро и Бергсон – это касается только тех атомов, из которых состоит душа. Недостаточно сказать «маленький произвол в невидимом [мире]».

<sup>1</sup> Цит. по: *Тит Лукреций Кар. О природе вещей* / Пер. с лат. Ф. Петровского; Вступ. ст. Т. Васильевой. М.: Худож. лит., 1983. С. 66.

<sup>2</sup> Мы вернемся к этому в следующем разделе.

<sup>3</sup> Чья значимость, как мы увидим, выходит за рамки учений Эпикура.

<sup>1</sup> *Extraits de Lucrèce*. Paris: Delgrave, 1884. P. 32.

<sup>2</sup> Он не процитировал диссертацию Маркса, потому что лишь несколько лет спустя (1966) вышел «дополнительный том» к серии *Marx-Engels Werke* издательства Dietz, в который вошла и диссертация.

Подобные «волнения» встречаются у другого известного «лукрецианца», Пьера Боянсе, автора вышедшей в 1963 году общей монографии «Лукреций и эпикуреизм» для Presses Universitaires de France. С одной стороны, на него повлияла блестящая проза Бергсона (насчет атомов, составляющих душу, которые должны быть «мыслящими»), с другой – он осознал, что Лукреций (II, 284) отнес ко всем атомам (*semina*) это свойство, с связи с чем он применил следующий лексический прием: «следуя размышлениям Лукреция [...] прямо в лоне природы можно обнаружить ту долю неопределенности, что обеспечивает необходимое для осуществления свободы место [sic]»<sup>1</sup>.

Принятие истинного смысла текста Лукреция привело бы к весьма серьезным последствиям (среди которых вопрос, соответствует ли теория Лукреция учениям Эпикура). Здесь мы рассмотрим следствия, касающиеся картины физической действительности. Давайте посмотрим – не опираясь на лучшие недавние исследования поэмы «О природе вещей» (II, 251–293), – каким образом Маркс вполне осознал значимость слов Лукреция.

«Так, – писал Маркс, – и об атоме можно сказать, что отклонение есть именно нечто такое в его груди [in seiner (= атома) Brust], что может противоборствовать и сопротивляться»<sup>2</sup>.

Здесь, как уже было сказано, Маркс охарактеризовал атом выражением, которое Лукреций использовал по отношению к людям (II, 279–280: «...но всё же в груди нашей [in pectore nostro] скрыто Нечто, что против неё [силы извне] восстаёт и бороться способно»). И он это сделал потому, что непосредственно после этого Лукреций аналогично связал с атомами те же характеристики и свойства, которые он ранее признал присущими живым существам (ст. 284: «quare in seminibus quoque idem fatale necessesse»). *In seiner [= атома] Brust* – это точная калька *in pectore nostro*. У Лукреция характерна ссылка на «нечто» (*quiddam*), не поддающееся иному определению,

<sup>1</sup> Цитата из перевода на итальянский (Paideia, Brescia 1970. P. 129).

<sup>2</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. С. 172.

на «действующий принцип», на внутреннюю (и осознанную) динамичную составляющую, которая ускользает от дальнейших уточняющих определений (например, *vis abdita quaedam* V, 1233, связанная с человеческим поведением), которую Лукреций непосредственно распространил – дедуктивным путем («*fateare necesse est*») – на атомы, рассматриваемые как целое (см. 284 = *in seminibus*), и которую, по своей очереди, Маркс распространил на каждый отдельный атом (*vom Atom gesagt werden kann*). Следовательно, *In seiner Brust* касательно атома – это не метафора, а развитие тезиса Лукреция (которого Маркс считал простым сторонником Эпикура), приводящего к дальнейшей последовательной и радикальной переоценке факта. Полученная в результате картина вполне вписывается в точку зрения, согласно которой философия Эпикура (подобно философии стоиков и скептиков) также является «философией самосознания». Подобное определение было, как известно, заимствовано из *Vorlesungen* («Лекций») Гегеля и доведено Марксом до крайней точки «самосознания» атома. И в самом деле, «*Bewusstsein*» упоминается именно в этом коротком и переломном параграфе: «и подобно тому как он [Лукреций] тотчас же применяет это [движение по своей воле] к сознанию, так и об атоме можно сказать и т. д.»<sup>1</sup>.

Гегель этого не утверждал: он ссылаясь (судя по *Vorlesungen*) на этику Эпикура, тогда как к физике относился жестко; у Маркса радикально единое понимание «самосознания», так как, опираясь на тот необычный отрывок из поэмы «О природе вещей», он отнес его также к материи (...и об атоме можно сказать).

Более того, бесспорно, что в «исключительно трудном»<sup>2</sup> фрагменте Лукреция можно найти все основания для той интерпретации, которой строго придерживался Маркс. Сразу же в продолжении (ст. 285–286) Лукреций оставил всякие коле-

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. С. 172.

<sup>2</sup> «Exceptionally difficult» – исключительно трудный – так это назвал D.J. Furley (Two Studies in the Greek Atomists. Princeton: University Press, 1967. P. 178): оно является лучшей работой по этому важному лукрецианскому фрагменту.

бания насчет античного атомизма, утверждая, что «помимо ударов [между атомами] и веса, Должен ты также признать и другую причину (esse aliam causam) движений [motibus: наших и атомов], [объясняющую] Чем обусловлена в нас прирожденная эта способность (unde haec est nobis innata potestas)». Очевидно, что многозначительные слова *innata potestas* относятся к нам [*nobis*] так же, как они относятся к атомам [см. 284: *in seminibus esse idem*]. И столь же очевидно, что то дерзкое выражение, которое употребил Маркс («в груди атомов»), происходит непосредственно из данной прирожденной способности (*innata potestas*), управляющей, помимо ударов и веса, движением атомов.

Не случайно в стихах, непосредственно следующих и поясняющих ранее изложенное, Лукреций заговорил (вероятно) об уме (*mens*), что является проникающим предположением Дени Ламбена в его основном издании Лукреция (1570)<sup>1</sup>. С данным предположением согласился Эйхштадт, редактор текста, который использовал Маркс<sup>2</sup>. Также примечательно, что в этих последних (289–293) широко обсуждаемых стихах *mens* противопоставляется внутренней необходимости (*necessum intestinum*) и вынужденности (*devicta quasi cogatur*). Этот раздел заканчивается тревожным и нарочито туманным утверждением, согласно которому отклонение проявляется вне определенного места и времени (*nec regione loci certo nec tempore certo*). Наконец, отметим, что Ферли (который был незнаком с диссертацией Маркса<sup>3</sup>) справедливо жалуется на то, что об этих ключевых лукрецианских стихах (чаще всего непонятых или намеренно ослабленных интерпретаторами) «были сказаны странные вещи». Однако следует сказать, что задолго до Ферли двадцатилетний Маркс смог понять смысл и значимость слов Лукреция, но его проигнорировали. Однако Маркс и определил, и понял ключевой момент всей поэмы Лукреция.

<sup>1</sup> О данной гипотезе, заменяющей переданный *res*, ср.: *Furley. Two Studies in the Greek Atomists*. P. 179–182.

<sup>2</sup> Разделения наук по дисциплинам смертельны.

<sup>3</sup> Ср. *MEGA2*, I.1. S. 75, 29.

Возможно, Лукреций в целях объяснения отклонения атомов самостоятельно развивал аргумент, приводящий к тому, чтобы отнести к каждому отдельному атому (Лукреций, II, 284) свойственную живым телам свободную волю [*libera voluntas*], сущую «в груди нашей» [*in pectore nostro*].

Разумеется, Эпикур – как можно заключить, в первую очередь исходя из трактата Цицерона «О судьбе» (§ 22–24 и 46–48) – связывал *отклонение* и свободную волю, тем самым выступая резко против детерминизма Демокрита (который Цицерон сравнил с верой в «судьбу»). Но при этом Цицерон раскритиковал Эпикура за то, что тот не указал причину, источник отклонения (22: ««Что это отклонение происходит без причины – это он [Эпикур] вынужден признать если не на словах, то на деле»). Именно Лукреций изобрел ту «причину» отклонения (которую Цицерон тщетно искал у Эпикура) и поэтому ради последовательности дошел до того, чтобы признать (II, 284) каждый отдельный атом наделенным *волей*.

Не было, по-видимому, ни одного текста Эпикура, утверждающего, что атомы «оживленные» и «мыслящие» или, во всяком случае, наделены волей. Эпикур предпочитал рассуждать обратным образом (словно *petitio principii*<sup>2</sup>): поскольку существует свободное действие тел, то, очевидно, атомы отклоняются; но он не пришел, по всей видимости, к выводу, что атомы «думают» и осознанно двигаются. И так как Эпикур к этому выводу не пришел, остается столь же загадочным то, каким образом субъективная воля одушевленных существ может возникнуть из простого незаметного отклонения атомов от жестко перпендикулярного движения (как это представлялось Демокриту). Аргумент Лукреция явно направлен на разрешение этой апории. Конечно, Эпикур встал на защиту свободы воли («В самом деле, лучше уж верить басням о богах, чем покоряться судьбе, выдуманной физиками<sup>3</sup>»), но не стал объ-

<sup>1</sup> *Цицерон. О судьбе* // Цицерон. Философские трактаты / Отв. ред., сост. и автор вступ. ст. д.ф.н. Г.Г. Майоров; Пер. с лат. М.И. Рижского. М.: Наука, 1985. С. 307.

<sup>2</sup> Предвосхищение основания, вывод из необоснованного (*lat.*).

<sup>3</sup> *Diogene Laerzio*, X, 134. P. 404

яснять *отклонение*<sup>1</sup>. Поэтому Карнеад высмеивал Эпикура: вместо того чтобы прибегать к неопределимому *отклонению*, Эпикуру достаточно было бы признать, что начало произвольного движения существует в душе как таковое! (Цицерон, De fato 23: «Душе могут быть присущи некие самопроизвольные движения»<sup>2</sup>).

То, что Лукреций (II, 251–293) рассуждал самостоятельно, возможно заключить из торжественного «я говорю!» (*inquam*) (ст. 257)<sup>3</sup>, с помощью которого он, кажется, подчеркнул свое авторство этих тезисов (как это часто бывает в поэме, по аналогии). *Inquam* встречается еще всего два раза, и даже в этих случаях возникает такое же ощущение. В третьей книге речь идет о примере воды, испускающей пар, но не исчезающей, в отличие от того, что происходит с «разлукой» души и тела (III, 339–341)<sup>4</sup>. В пятой же Лукреций даже разошелся с Эпикуром: «Этим явлениям [движению луны и солнца] дать простого нельзя объяснить» (*non, inquam, simplex his de rebus reddita causast*) (V, 620)<sup>5</sup>, а на ту же тему Эпикур яростно раскритиковал многих астрономов, которые «безрассудно» претендуют на то, чтобы дать одно-единственное объяснение этим движениям звезд<sup>6</sup>. В общем, в этих трех *inquam*, на протяжении всей поэмы (почти семь тысяч стихов), Лукреций изложил свою позицию.

Таким образом, все приводит нас к заключению, что концепция «свободной воли» атомов, определяющей и руководящей их собственными движениями (что очаровало Маркса, поставившего это ядром своей интерпретации Эпикура), является

<sup>1</sup> Che si produce – ammette Lucrezio – «nec regione loci certa nec tempore certo» (II, 293).

<sup>2</sup> Цицерон. О судьбе // Цицерон. Философские трактаты. С. 307.

<sup>3</sup> Цицерон. О природе вещей. С. 66. В русском переводе эта строка звучит так: «Как и откуда, скажи, появилась свободная воля». Здесь вводное «скажи» усиливает эмоциональную окраску, однако в латинском тексте используется еще более сильное *inquam* – «я говорю!».

<sup>4</sup> Там же. С. 102.

<sup>5</sup> Там же. С. 477. В оригинале говорится об отсутствии одного простого объяснения. В русском переводе говорится, что «нельзя» дать объяснение, и вводный оборот от автора «говорю» – отсутствует.

<sup>6</sup> Lettera a Pitocle, § 113.

на самом деле оригинальным вкладом Лукреция, основанным на (широко распространенном у Эпикура) понятии самопроизвольного движения души вместе с необыкновенным приравнением «воли души» к «воле атома».

Как уже было сказано, отсутствие подобного уравнивания в сочинениях Эпикура, а тем более идеи о *воле*, присущей атому, подтверждено навязчивым опровержением, которое Цицерон повторяет даже в конце не дошедшего до нас в полном виде трактата «О судьбе» (46–48):

«А что же это за новая<sup>1</sup> причина в природе (*quae nova causa in natura est*), которая отклоняет атом? Или атомы бросают между собой жребий, которому отклониться, которому нет? И почему они отклоняются на ничтожнейшее расстояние, а не на большее? И почему именно на одно такое расстояние, а не на двойное? Не на тройное? Так проблема не решается<sup>2</sup> (*optare quidem est, non disputare*). Потому что ты, Эпикур, не объясняешь отклонение и движение атома (*loco moveri et declinare*) ни толчком извне (*extrinsecus*), ни какой-нибудь иной причиной, влияющей на него из той пустоты, сквозь которую атом несется, ни какой-то переменной, которая происходит в самом атоме и которая побуждает его изменить свое естественное движение под влиянием тяжести (*nec in ipsa atomo mutationis aliquid factum est etc*). И вот, *не приведя* никакой причины, которая могла бы вызвать это отклонение (*declinatio* [клинамен]), он, Эпикур, считает, что сказал новое слово, высказав такое, что все умные люди с презрением отвергают»<sup>3</sup>.

Цицерон явно не нашел следов воли атомов у Эпикура. А так как он их не нашел, он настоятельно называл данное необоснованное решение слабой точкой системы Эпикура. Таким образом, в этом разделе трактата «О судьбе» он снова вы-

<sup>1</sup> Здесь, скорее, «нова» означает «странная, необычная. – Прим. перев.).

<sup>2</sup> В более точном переводе: «Это способ высказать желание, а не дискутировать». – Прим. перев.).

<sup>3</sup> Цицерон. О судьбе. С. 316.

смеивал аргументативную слабость тех, кто, подобно Эпикуру, пытается обосновать существование *свободной воли* людей, ища «помощи от блуждающих и уклоняющихся от своих путей атомов»<sup>1</sup> (46: *ab atomis errantibus et de via declinantibus petere praesidium*). Так, в трактате «О пределах добра и зла» (I, 19–20) он осудил простого «физика», такого как Эпикур, за утверждения, что что-то (*отклонение* атомов) имеет место *без причины*, потому что его атомы либо все «отклоняются» и больше не встречаются, либо одни отклоняются, а другие нет, и это равно тому, чтобы признать за атомами право на самоуправление (*provincias atomis dare*)! Поэтому в трактате «О природе богов» он «увещевал» эпикурейцев: лучше сдаться, «чем столь бесстыдно настаивать на своем», «ссылаясь на нечто такое, что уже совсем невозможно» (*aliquid quod omnino ne fieri quidem possit*), чтобы «избежать опровержения» (*effugere reprehensionem*) (I, 69).

Поэтому весьма вероятно, что Лукреций именно потому, что искал объяснения (отклонению), за нехватку которого раскритиковали основателя «системы», осмелился в одиночку ринуться в неизведанное, используя еще раз аналогю как риторический прием. И в результате он пришел к этому резкому выпаду (II, 251–293). И именно на основе данного раздела, восходящего, несомненно, к Эпикуру, Маркс сформировал свою концепцию свободы воли, сущей «в груди» (*in der Brust*) атома. «Лукреций поэтому справедливо утверждает, – написал Маркс, – что отклонение прорывает “рока законы”, и подобно тому как он тотчас же применяет это к сознанию, так и об атоме можно сказать, что отклонение есть именно нечто такое “в его груди”, что может противоборствовать и сопротивляться»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Цицерон. О судьбе. С. 316.

<sup>2</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. С. 172. Статья астронома Иоганна Конрада Шаубаха «*Über Epikurs astronomische Begriffe*» (1839), опубликованная в «Archiv für Philologie und Pädagogik» (пятый том), когда Маркс занимался подшивкой материалов, пробудила в нем любопытство, что привело его принять – с подачи Шаубаха – приписываемое Эпикуру образное различие между неделимыми началами и неделимыми стихиями (*ἄτομοι ἄρχαί* и *ἄτομοι στοιχεῖα*). На этом несуществующем различии Маркс построил целую совер-

Наоборот, это делает такую концепцию Лукреция самым резким различием между Эпикуром и Демокритом.

В видении этой «мыслящей» материи, пожалуй, можно узнать предвосхищение «диалектики природы». В этой концепции также присутствует *natura naturans* Спинозы<sup>1</sup>. В ней есть еще Шеллинг, точнее спинозовский Шеллинг, автор работы со стоическим названием «О душе мира» (1798).

Исходя из подобных предпосылок с точки зрения Маркса как критического, но глубоко увлеченного читателя Гегеля и как читателя неостоического сторонника концепции имманентного Логоса, такого как Спиноза<sup>2</sup>, принятие противоположного материалистическому механизму восемнадцатого века мировоззрения представляло собой наиболее последовательное заключение<sup>3</sup>. В докторской диссертации свершилось то, что произошло несколькими годами позже в области всемирной истории (*Weltgeschichte*), с «Манифестом»: идеалистическая составляющая, «погруженная» в реальность, стала действием.

шенно необоснованную главу (III второй части). Результатом немалой главы стала необычная теория, согласно которой только атом *στοιχεῖον* «наделен качествами». Шаубах обосновал свою теорию, опираясь на два фрагмента из письма к Питоклу (§ 86) и из письма к Геродукту (§ 41), однако он их недопонял. В обоих случаях *ἄτομοι*, относительно *στοιχεῖα*, и *ἄτομοι*, относительно *ἄρχαί*, являются прилагательными. Шаубах не осознавал, что в эпикурейском лексиконе *στοιχεῖα* и *ἄρχαί* являются терминами (синонимами), которыми обозначаются атомы. В этой области весьма показателен «шквал» синонимов, который Лукреций изобрел (имея в виду труды Эпикура) для обозначения атомов (I, 55–61): *primordia rerum, genitalia corpora, semina rerum, corpora prima*; но также: *corpuscula rerum* (IV, 199), *radices* (II, 103), *primara elementa* (т. е. *στοιχεῖα*: VI, 1009) и т. д. Цицерон использовал *individua corpuscula* («О природе богов», I, 67), но также и *atomus* («О судьбе») или *δύκοι*.

<sup>1</sup> О том, как Маркс изучал «Этику» Спинозы, готовясь к работе над Лукрецией, ср.: Bongiiovanni B. // Marx K. Quaderno Spinoza, Bollati Boringhieri. Torino 1987. P. 32–33.

<sup>2</sup> В начале своей «Автобиографии» Иосиф Флавий (автор, которого много изучал Спиноза) дал краткую картину течений мысли, распространенных в еврейском мире: фарисеи, саддукеи, ессеи. Будучи очень молодым человеком, Иосиф посещал всех троих; его учителем стал фарисей-аскет Банно, и в возрасте девятнадцати лет Иосиф решил «жить по заповедям фарисейской школы, которая подобна (*παράλληλος*) той, которую греки называют стоической» (Биос, 10–12).

<sup>3</sup> См. об этом: Livergood Norman. Activity in Marx' Philosophy, Nijhoff, Den Haag 1967. P. 44.

Пьер Гассенди (1592–1655), чье имя упомянуто, хотя и с доброжелательной иронией, в Предисловии (*Vorrede*) к диссертации, и которого в любом случае Маркс хвалил за то, что он «освободил Эпикура от интердикта, наложенного на него Отцами Церкви и всем Средневековьем» – приписал Богу задачу сообщить движение атомам Эпикура: «христианский» прием для объяснения *отклонения*. Маркс проявил меньше интереса к развитию античного атомизма в современной физике, столь презираемой Гегелем («пустые слова»!), искал и полагал, что нашел решение у Лукреция, в том самом разделе, которому он приписал больше того, что в нем буквально изложено («в груди» атомов!) и через призму имманентизма Спинозы.

Предпосылка, конечно же, состоит в том, что, как утвердил Лактанций, один из самых угрюмых Отцов Церкви, «все, что утвердил Лукреций в бреду, – от Эпикура»<sup>1</sup>. В наше время можно заявить, что это не так по многим причинам: начиная от борьбы с религией как таковой и с культом («поклонение камню» – саркастически высказался Лукреций в пятой книге поэмы «О природе вещей»). Далее стоит отметить, с каким презрением, с каким ужасом Лукреций отзывался о насилии, присущем политической борьбе, ясно имея в виду гнусное зрелище нескончаемой кровавой агонии римской республики (без которого было бы непонятно все, что Лукреций написал о политической борьбе). Но та особенность, за которую следует признать его «еретиком эпикуреизма» (несмотря на постоянно повторяющиеся акты исповедания своей веры в Эпикура), заключается в том экстравагантном представлении о живой материи как самоуправляемой, с которой стоило бы связывать еще одну «трещину», которая в какой-то момент явилась: «сокровенная некая сила» (*vis abdita quaedam*) (V, 1234–1236), которая «все деянья людей... рушит» (*res humanas obterit*), а не только «пышные связки и грозные с ними секиры [то есть фасции, или ликторские пучки – символы римской власти] любо, как видно, ей в прах попирает и посмешищем делать»<sup>2</sup>. На громадную

<sup>1</sup> *Lactantius*, De opificio Dei, 6, 1: «illius enim sunt omnia quae delirat Lucretius».

<sup>2</sup> *Тит Лукреций Кар*. О природе вещей / Пер. с лат. Ф. Петровского; Вступ. ст. Т. Васильевой. М.: Худож. лит., 1983. С. 192.

«трещину» обратил внимание Пьер Бейль<sup>1</sup>, увидев в ней потенциальное начало разработки идеи во многих направлениях.

Данная *скрытая сила* также является имманентной силой, подобной тому акту «свободы»/воли, который якобы является основой движения атомов и человеческого действия. Обращение к имманентности как способу решения антиномии *необходимость/свобода* означает не только незнание (*через* Спинозу) учения античного стоицизма. И, может быть, таким же образом – и хотя и на другом уровне – мы возвращаемся к намеку, содержащемуся в одной из *Vorlesungen* («Лекций») Гегеля, в которой «гигантский мыслитель» отметил, что «в практической философии эпикуреизм ставит себя противоположным стоицизму, но Сенека уже отмечал, что *der Unterschied* состоит исключительно из *der Wendung der Worten*»<sup>2</sup>. А Маркс, вслед за Лукрецием, выписал<sup>3</sup> из «Этики» Спинозы типично стоическое изречение: «Блаженство не есть награда за добродетель, а сама добродетель»<sup>4</sup>.

На заднем плане все еще остается та всеохватывающая и навещающая на размышления интерпретация *отклонения*, которую Маркс расширил (выходя далеко за пределы вдохновивших его слов Лукреция) и которую он считает своим «открытием» того, чего до него никто не понимал. (Проблема, заявил он в первом абзаце Предисловия (*Vorrede*), «не разрешенная до сих пор».) «Закон, который оно выражает, проходит через всю эпикурейскую философию... определенность его проявления зависит от той сферы, в которой он применяется. [...] Так, целью деятельности является абстрагирование, уклонение от боли и смятения, атараксия [здесь расширенное применение *отклонения*]. Так, добро есть бегство от зла, а наслаждение есть уклонение от страдания. Наконец, там, где абстрактная единичность выступает в своей высшей свободе и самостоятельности, в своей

<sup>1</sup> *Dictionnaire* (ed. 1824) voce *Lucrece*. P. 508 и 512, F.

<sup>2</sup> *Vorlesungen*, Bd. XXX. S.1. 118 (анонимный блокнот). И во всяком случае Гегель не проявлял симпатии к этим людям. В другом месте Гегель «ликвидировал» Сенеку: «наравне с сегодняшними течениями, он не вошел в историю философии» (Michelet, 1833, Ed. Surkamp, 1986, II, p. 260): *eigentlich [...] eine paränetische Wendung nahm*.

<sup>3</sup> *Маркс К.* Тетради по эпикурейской философии. С. 92.

<sup>4</sup> *Спиноза Б.* «Этика», часть V, теорема 42.

завершенности, там – вполне последовательно – то наличное бытие, от которого она уклоняется, есть *наличное бытие в его совокупности*; и поэтому боги избегают мира, не заботятся о нём и живут вне его»<sup>1</sup>. Таким образом, боги представляют собой «абстрактную единичность... в своей высшей свободе и самостоятельности, в своей завершённости»<sup>2</sup>. В связи с этим следует отметить и почти винкельмановский тон, с которым Маркс встал на защиту (праздных) богов Эпикура: «И всё же эти боги не фикция Эпикура. Они существовали. Это – *пластические боги греческого искусства*».

## 8

В последней части диссертации (в конце пятой главы части II) Маркс все громче и громче прославлял Эпикура как «величайшего греческого просветителя»<sup>3</sup> (*der größte griechische Aufklärer*). И в подтверждение подобной оценки он привел первую из хвалебных речей Эпикура в поэме Лукреция (I, 62–79, с пропуском некоторых стихов). Это самое воинственное из лукрецианских восхвалений Эпикура: оно заканчивается сценой, где «эллин впервые один [Эпикур] осмелился смертные взоры против нее [религии] обратить и отважился выступить против» (I, 66–67). В итоге «днесь религия нашей пятою попрана» (I, 78), так что в результате «победы» Эпикура над религией человек стал богом («победа возносит до неба»). И именно в полностью освобождающем результате раскрытия природы (состоящей из «мыслящих» атомов) «натурфилософия» Эпикура стала «естественной наукой самосознания»<sup>4</sup>, противоположной атомизму Демокрита. Поскольку, – пояснял Маркс, ссылаясь на то, о чем говорилось во второй главе части I, – «где эта субъективность становится самостоятельной (*wo sie selbständig wird*), самосознание обращается на само себя, выступает против материи в

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. С. 173–174.

<sup>2</sup> Там же. С. 174.

<sup>3</sup> Там же. С. 196.

<sup>4</sup> Там же. С. 197.

своим собственном образе (*tritt es ihr gegenüber*<sup>1</sup>), как самостоятельная форма (*als selbständige form*)»<sup>2</sup>.

Возможно, в этом случае, как ни в одном другом, образ Лукреция как простого представителя эпикурейских учений<sup>4</sup>, оказывается необоснованным. Напротив, здесь независимость от Эпикура проявляется сильнее всего: антирелигиозность Лукреция громкоподобна («религия нашей пятою попрана») и представляет собой «атеистический» вызов римской государственной религии, как утверждал сильный и грамотный британский марксист Бенджамин Фаррингтон («Боги Эпикура и римское государство»<sup>5</sup>). «Я убежден, – отмечал он, – что Лукреций писал, целясь прямо в сердце современных реалий». А Поль Низан пошел еще дальше: с его точки зрения, Лукреций – «осознанный и признанный оратор народного движения»<sup>6</sup>. В действительности нам почти ничего не известно о Лукреции: во всяком случае, мы не можем не отметить близость данной оценки Лукреция как «народного оратора» к оценке Гёте, рассматривающего поэму «О природе вещей» как «апологию».

<sup>1</sup> То есть: он составляет свой аналог.

<sup>2</sup> Удивительно, что ученый, безусловно авторитетный (и не без оснований), такой как Эдвард Халлетт Карп (1892–1982), в работе: *Marx Karl. A Study in fanaticism*. London: Dent, 1934 – мог утверждать (Р. 13), что Маркса в диссертации «привлекает догматический материализм Эпикура» и «отталкивает [sic] значение, придаваемое случайности в эпикурейской системе». Кажется, он читал, не понимая, только Предисловие, над которым шутил («Скромно утверждал, что он просто заполнил пробел в истории философии Гегеля»). Похоже, это была судьба Маркса – быть подвергнутым критике со стороны тех, кто не взял на себя труд его прочесть.

<sup>3</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. С. 196.

<sup>4</sup> Против ложного представления о Лукреции как о поэтическом «рупоре» Эпикура стоит обратиться к начальным страницам сочинения *David Furley. Lucretius the Epicurean: on the History of Man // Gigon O. (ed.) Lucrèce, XXIV Entretiens Hardt sur l'antiquité classique, Vandoeuvres-Geneva 1978. P. 1–27* и, совсем недавно, *Vesperini Pierre. Lucrèce: archéologie d'un classique européen. Paris: Fayard, 2017.*

<sup>5</sup> См.: *Farrington Benjamin. Head and Hand in Ancient Greece [1947]*, пер. на русский язык: *Фаррингтон Б. Голова и рука в Древней Греции: Четыре очерка социальных связей мышления / Пер. с англ. К.А. Трохачевой. СПб., 2008* (Серия «Профессорская библиотека»).

<sup>6</sup> *Nizan P. Les matérialistes de l'antiquité. Paris: Maspéro, 1938. P. 34.*

Критика религии, свойственная Лукрецию (возможно, не случайно в поэме фактически отсутствует ранее объявленный раздел, посвященный блаженным богам, живущим в интермундиях, т. е. межмировых пространствах), – один из факторов, привлекавших критическое внимание Маркса<sup>1</sup>, который в те годы поддерживал общение с Бруно Бауэром, утвердившимся среди «левых» гегельянцев прежде всего как критик христианской традиции. В Предисловии, несомненно, представлен образ Эпикура – нового Прометея, «сокрушающего» (*ἀναίρει*) богов. Почему проявляется здесь совершенно другой тон? Пришло время прояснить суть этого Предисловия.

«Защита» Эпикура в ходе короткого и воинственного Предисловия, при явной отсылке к мысли Давида Юма (1711–1776), становится защитой философии как таковой. «Для философии, – писал Юм, – верховный авторитет которой должен быть общепризнан, конечно, до некоторой степени оскорбительна необходимость постоянно извиняться за свои заключения и оправдываться перед каждым отдельным искусством, перед каждой отдельной наукой, которые могут считать себя обиженными ею»<sup>2</sup>. И философия, продолжал Маркс, «всегда будет заявлять – вместе с Эпикуром – своим противникам: “нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению [ложные верования = *τὰς δόξας*] толпы о богах”»<sup>3</sup>. И еще: «Философия этого не скрывает» (*Die Philosophie verheimlicht es nicht*)<sup>4</sup>. Эта поразительная фраза, открывающая грандиозное завершение во имя Прометея, очень напоминает фразу, открывающую такое же грандиозное завершение «Манифеста»: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения

<sup>1</sup> Ниже мы увидим программное использование «Прометея» в *Vorrede*.

<sup>2</sup> Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. Книга первая. О познании. Часть IV. О скептической и других философских системах. Глава 5. О нематериальности души // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. I / Пер. с англ. С.И. Церетели и др.; Вступ. ст. А.Ф. Грязнова; Примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 296.

<sup>3</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. С. 153.

<sup>4</sup> Там же.

(*Die Kommunisten verschmähen es, ihre Ansichten und Absichten zu verheimlichen*)»<sup>1</sup> с известным продолжением в *kreuzendo*.

«Признание Прометея: *по правде, всех богов я ненавижу*»<sup>2</sup>, есть её [философии] собственное признание (*ihr eigenes Bekenntnis*), её собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческое самосознание высшим божеством (*als die oberste Gottheit*)<sup>3</sup>. И в самом конце Маркс ставит фразу такую же выразительную, как «*Пролетарии всех стран – соединяйтесь!*»: «Прометей – самый благородный святой и мученик в философском календаре (*Prometheus ist der vornehmste Herlige und Martyrer im philosophischen Kalender*)».

Восторженное обращение к образу Прометея можно лучше понять, если принять к сведению центральное место фигуры и мифа о Прометее в немецкой культуре – философской, поэтической, филологической – первой четверти XIX века: вплоть до работы (1824) Фридриха Готлиба Велькера (1784–1868) «Эсхиловская трилогия “Прометей” и посвящение Кабира Лемносу», восстановившего всю трилогию на основе сохранившихся фрагментов. Красноречивым признаком такой центральности является оценка Г.Ф. Шёманна<sup>4</sup>, называвшего в 1844 году «Прометея» самым важным из всех произведений греческой поэзии<sup>5</sup>, дошедших до нас. Касательно самого юного Маркса, не следует также упускать из виду, что он посещал в Бонне «усердно и с пользой», между прочим, именно уроки Велькера<sup>6</sup> по греческой мифологии. Ссылка на значимость борьбы Прометея и Зевса встречается далеко не в пределах споров первых

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1955. Т. 4. С. 459.

<sup>2</sup> Эсхил. Прикованный Прометей, 975.

<sup>3</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Предисловие. С. 153–154.

<sup>4</sup> Георг Фридрих Шёманн (Georg Friedrich Schömann, 1793–1879) – немецкий филолог.

<sup>5</sup> Издание и перевод Прометея: *Prometeo*, Koch, Greifswald, 1844. P. 1.

<sup>6</sup> Фридрих Готлиб Велькер (Friedrich Gottlieb Welcker, 1784–1868) – немецкий профессор классической филологии, археолог.

десятилетий XIX века, касающихся в том числе структуры трилогии и, следовательно, «эволюции» Зевса в результате этой борьбы: Прометей появится в 1871 году на титульном листе «Рождения трагедии» Ницше (1844–1900), который в предисловии обращает внимание Рихарда Вагнера, адресата произведения, именно на пороговое присутствие Прометея<sup>1</sup>.

Воинственный и дерзкий тон, которым Маркс упомянул Прометея, следует также рассматривать в связи с заявлением – в последнем абзаце – об «ухудшении общественного положения философии» (в Пруссии, разумеется). При новом главе министерства культуры (*Kultusministerium*) Иоганне Альбрехте Фридрихе Эйххорне в прусских университетах, и не только в Берлине, стала проявляться открытая враждебность к господствовавшей до 1840 года гегелевской философии. Данное обстоятельство оказало влияние также на жизненный выбор Маркса.

В Предисловии, как отметил Пауль Кяги<sup>2</sup>, Маркс завершил «принятие» атеизма и откровенно и торжественно объявил о нем. Именно на это и указывает ссылка на строки «*Прометея*». Но такая мировоззренческая позиция вовсе не соответствует той, которая выражается в «ядре» диссертации. Явное полное несоответствие, даже стилистическое, между диссертацией и Предисловием. Данная ситуация была описана Францем Мерингом в таких терминах: «Он [Маркс] решил получить должность профессора в маленьком университете, а заодно опубликовать свою диссертацию [...] со смело скандальным предисловием»<sup>3</sup>.

Таким образом, кажущееся противоречие разрешается, если принять во внимание, что запоздалое Предисловие было напи-

<sup>1</sup> О «Прометее в Германии» – настоящем лейтмотиве немецкой культуры – стоит посмотреть одноименную, весьма содержательную монографию Fabio Turato (Olschki, Firenze 1988). О Прометее, «арианизированном» Ницше, ср. Adrian Lecznar, *Aryan, German or Greek? Nietzsche's Prometheus between antiquity and modernity* // *Classical Reception Journal*. 2013. № 5. P. 58–62. Автором гравюры на титульном листе «*Geburt der Tragödie*» является Леопольд Рау (1847–1880), знаменитый виртуоз немецкой классической скульптуры бисмарковской эпохи.

<sup>2</sup> *Biografia intellettuale di Marx*. P. 47–48.

<sup>3</sup> *Vita di Marx*. Op. cit. P. 29.

сано именно в связи с (возможной) публикацией диссертации и что дату «Берлин, март 1841» Маркс добавил задним числом собственноручно (фиолетовыми чернилами). По факту же Предисловие было написано позже, уже после того, как 15 апреля 1841 года Маркс был провозглашен доктором философии, что торжественно засвидетельствовано в до сих пор сохранившемся дипломе. Предисловие написано значительно позже церемонии провозглашения (поэтому указание «март» является «ложным») и должно было открывать печатное издание диссертации<sup>1</sup>, которое, увы, не состоялось: оно имело своей целью добиться приглашения в Боннский университет при поддержке Бруно Бауэра, друга и наставника, однако тот, в свою очередь, был «ликвидирован» как профессор в ходе антигегельянской и мракобесной реакции, начатой новым министром.

Диссертация в том виде, в каком она была представлена декану философского факультета Бахману и комиссии, состоявшей из профессоров Йенского университета (6 апреля 1841 года), уже имела свое «предисловие» в виде очень четко сформулированного посвящения будущему тестю и другу отца, «тайному советнику в Трире» (*Geheimer Regierungsrat zu Trier*) Людвигу фон Вестфалену, отцу Женни, которая уже почти пять лет была помолвлена с Марксом и через два года стала его женой (1843). Это настоящее предисловие, содержание которого не является косвенным, а действительно имеет отношение к философскому предмету диссертации. Людвиг фон Вестфален (1770–1842), неоднократно именуемый «другом», несмотря на большую разницу в возрасте, представлен в этом тексте как борник свободы мысли: «полный юношеских сил старец, который приветствует всякий прогресс времени (*jeden Fortschritt der Zeit*) с энтузиазмом и серьезностью, присущими истине (*Besonnenheit der Wahrheit*); проникнутый тем убежденным и светлым идеализмом (*sonnenhellen Idealismus*)», который «никогда не отступал в страхе перед мрачными тенями ретроградных

<sup>1</sup> Более позднее появление этого Предисловия подтверждает также сохранившийся незавершенный набросок нового предисловия (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 234). О «наброске» см. следующий параграф.

призраков»<sup>1</sup> (*vor den Schlagschatten der retrograden Gespensten*). Вне всех «покровов» (*durch alle Verpuppungen*) друг отца, старый юноша, «смотрел... в тот эмпирей (*das Empyreum schaute*), который пылает в сердце мира»<sup>2</sup>. И здесь Маркс провозгласил свою идеалистическую веру: «его друг по отцовской линии» не только являлся для него надежным образцом (*argumentum ad oculos*), но и позволил ему понять, «что идеализм – не фантазия, а истина»<sup>3</sup>, а Дух (*der Geist*) есть «великий врач-волшебник», которому старик – в тот момент семидесятилетний, в то время как Марксу было 23 года – доверил себя<sup>4</sup>.

Генрих, отец Маркса, умер тремя годами раньше, в мае 1838 года, а Людвиг фон Вестфален умер через год (1842) после того, как молодой человек защитил докторскую диссертацию. В апреле 1841 года семья Вестфаленов, и особенно старый тайный советник, оказывали Карлу очень сильную поддержку. После смерти своего «друга по отцовской линии», своего рода второго отца, с которым Карл, пожалуй, был еще ближе, чем с Генрихом Марксом, после неудачи, понесенной в Бонне, после первых журналистских трудностей (март 1843 г.), после женитьбы на Женни (июнь 1843 г.) и приезда в Париж (октябрь 1843 г.) для Маркса началась другая жизнь.

<sup>1</sup> Еще один лексический «тик» Маркса: *Gespenst* (призрак) – первое слово «Манифеста».

<sup>2</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Посвящение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 151.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> По поводу профиля Людвиг фон Вестфалена, личности прогрессивных политических взглядов, см.: *Mehring. Vita di Marx*. Op. cit. P. 9–10, где автор акцентирует внимание на двойственном отношении Людвиг к громоздкому, угнетающему, но новаторскому французскому присутствию (такому эфемерному наполеоновскому протекторату, как «Вестфальское королевство»). Возможно, Джорджо Паскуали (1885–1952) вспомнил об этом посвящении диссертации Маркса, когда он посвятил свою самую важную книгу (*Storia della tradizione e critica del testo*, 1934) Джироламо Вителли и Эдуарду Шварцу, родившимся в 1849 и 1855 годах, как «друзьям отца».

Открывающие торжественное Предисловие слова явно указывают на то, что оно было написано намного позже завершения диссертации: «Форма этой работы (*Abhandlung*) была бы, с одной стороны, в большей мере строго научной (*streng wissenschaftlicher*), с другой стороны, в некоторых своих частях, менее педантичной (*minder pedantisch*), если бы она не предназначалась первоначально (*primitive Bestimmung*) для докторской диссертации»<sup>1</sup>. Разница во времени четко обозначена выражением, причем целиком обращенным к прошлому («если бы она не» и т. п.), таким как *primitive Bestimmung* («первоначальное предназначение»). Смысл такого вступления в том, что стиль и структуру работы нельзя теперь изменить, потому что тогда речь пойдет о ее полном переписывании, поэтому она представлена такой, какая она есть, хотя и предназначена для «второй жизни», а именно для печати; в качестве докторской диссертации она уже выполнила свою задачу.

Здесь явно подразумевается, что *теперь* назначением работы является ее публикация. Об этом прямо говорится в так называемом «Наброске к Предисловию» (как его называют издатели), написанном Марксом от руки на пустом месте внизу последней страницы последней главы второй части<sup>2</sup>. Вот как он начинается: *Die Abhandlung, die ich hiermit der Öffentlichkeit übergebe, ist eine alte Arbeit* («Труд, который я предлагаю общественности, это старая работа»)<sup>4</sup>.

Словосочетанием «старая работа» Маркс подчеркнул, возможно, даже в большей степени, временную удаленность от того момента, когда данная работа выступала как докторская диссертация. «Старая работа» – это еще более красноречивое

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Предисловие. С. 152.

<sup>2</sup> В русском втором издании этот фрагмент называется «Набросок нового предисловия к работе "Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура"».

<sup>3</sup> Маргинальный вариант *dem Publikum*.

<sup>4</sup> Маркс К. Набросок нового предисловия к работе «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». С. 234.

выражение, но по сути равноценное «первоначальному предзнаменению» (*primitive Bestimmung*). Таким образом, по наиболее правдоподобной гипотезе данный «набросок» представляет собой альтернативную версию начала нынешнего Предисловия (неправильно включенного в издание и нарушающего традиции диссертации, так как на самом деле он представляет собой отдельный текст, оказавшийся неиспользованным из-за того, что работа не была опубликована).

В черновике («наброске»), пытаясь объяснить, по каким причинам не удалось переписать работу, Маркс указал на «политические и философские занятия (*Beschäftigungen*) совсем другого рода (*ganz andrer Art*)»<sup>1</sup>, которые не позволяют ему посвятить себя «общему изложению эпикурейской, стоической и скептической философии»: поэтому решение состоит в том, чтобы «предложить общественности» работу, какая она есть. Данное решение провозглашено в Предисловии (и реализовано), в нем Маркс обещал: «Остальное я сделаю позже». Одна и та же ситуация, одно и то же принятое решение. Кроме того, «набросок» показывает нам, что юный Маркс уже занимался политической и философской деятельностью, не имеющей отношения к античной философии (*ganz anderer Art*). Вот хронологическая подсказка: в 1842 году Маркс занялся политической журналистикой, начав с длинной статьи «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (январь 1842 года)<sup>2</sup>, но не смог ее опубликовать<sup>3</sup>; в середине 1841 года вместе с Бруно Бауэром он попытался основать журнал критики религии, а в начале 1842 года принял участие в подготовительной работе *Rheinische Zeitung* в Кёльне. Вот почему он говорит о «политических и философских занятиях».

Поскольку отказ от публикации диссертации следует рассматривать в связи с уходом Бруно Бауэра из преподава-

<sup>1</sup> Маркс К. Набросок нового предисловия к работе «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». С. 234.

<sup>2</sup> Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1955. Т. 1. С. 3–27.

<sup>3</sup> Она появится в Швейцарии в феврале 1843 года.

тельской деятельности в Бонне (в марте 1842 года он был снят с доцентуры), вероятнее всего, «набросок» и «Предисловие» по времени близки к репрессивным мерам, лишившим Маркса возможной карьеры в университете<sup>1</sup>.

До сих пор мы использовали «набросок» по привычке. Но если мы рассмотрим рукописный лист, содержащий настоящий черновик предисловия со всеми исправлениями и вычеркиваниями, мы можем с полным основанием заявить, что это является «полным» черновиком: в нем изложено практически все, что Маркс намеревался высказать в этом предварительном тексте. Первый абзац истерзан вариациями и вычеркиваниями, в последнем нет вмешательств. Но решающим элементом являются вычеркнутые второй и третий абзацы, которых нет в МЕГА2 (I.1, 1975. S. 92)<sup>2</sup>.

Во втором абзаце, затем зачеркнутом вертикальными штрихами, то, что во второй версии стало «политическими и философскими занятиями» (*politische und philosophische Beschäftigungen*), было названо *Berufsgeschäft* и *Berufstätigkeit*, т. е. профессиональной деятельностью, трудовыми обязательствами, работой. Таким образом, это было написано исходя из того, что автор занимается *Beruf*, «профессией»: что, по всей вероятности, является желаемым обязательством «свободного профессора» в Бонне. А *politische und philosophische Berufstätigkeit* может быть только предполагаемым журналом критики религии, который должен был быть запущен вместе с Бауэром. Таким образом, судя по всему, этот абзац был написан в то время, когда оба проекта (до марта 1842 года) считались все еще актуальными.

Не менее актуален и третий абзац, впоследствии полностью удаленный, в котором открыто и иронически критиковались

<sup>1</sup> Поэтому предложенный анализ не является убедительным для Шмидта, который исключил всякую связь «фрагмента» с целью публикации и заявил об *eine nicht genau datierbare Vorarbeit* (Philologus. 1977. № 121. P. 274, прим. 8, также: Philologus. 1969. № 113. P. 144–145).

<sup>2</sup> Вместо этого они правильно представлены в МЕГА1 I 1, 2, (1927) S. 327. См. изд. Rowohlt (*Marx K. Texte zu Methode und Praxis*. I, Hamburg: Rowohlt, 1966. P. 189).

«школьные философы» и «школьные учителя» (*Schulphilosophen* и *Schulmeister*), а также «ученые историки из...» (*gelehrte Geschichtsschreiber der*, буквально: «пишущие историю») (следовательно, Риттер, Преллер и, возможно, сам Гегель)<sup>1</sup>, которые не понимали величия послеплатоновской философии и говорили о ней как об «упадке» (*Verfall*). И только в свете этого абзаца мы можем понять следующий, который начинается так: «Только теперь настало время (*Es ist erst jetzt die Zeit gekommen*), когда поймут системы эпикурейцев, стоиков и скептиков». Он кратко сформулировал основной тезис («Это – философы самосознания») и завершил предисловие фразой, за которой, вероятно, не последовало ничего другого: «Эти строки (*diese Zeilen*) по меньшей мере покажут, как мало эта задача [правильно понимать эти философские системы] решена до сих пор»<sup>2</sup>.

Выражение «эти строки» резюмирует вышесказанное, оно не предвещает (отсутствующее) продолжение предисловия: маловероятно, что Маркс намеревался добавить к предисловию более или менее обширное обсуждение других интерпретаций и опровержение ученых, которых сразу же назвал «школьными философами», «пишущими историю философии учителями» (*Schulphilosophen, Geschichtsschreiber der Philosophie, Schulmeister*), которые, как Маркс попытался «показать» (*klar machen*) – тоже в контексте Предисловия, – неправильно поняли суть трех философских систем «самосознания» (определение, восходящее к Гегелю!). Если, с другой стороны, рассматривать три предложения, составляющих последний абзац, в их логической последовательности, становится понятно, что они предвещают не продолжение Предисловия, а саму диссертацию:

1) абзац открывается торжественным объявлением «настало время (*Es ist jetzt die Zeit gekommen*)». Обратите внимание, среди прочего, что точно такое же вступление можно найти в последнем абзаце краткого предисловия Коммунистического манифеста (*Es ist hohe Zeit, daß die Kommunisten ihre Anschau-*

<sup>1</sup> Это следует из другого Предисловия.

<sup>2</sup> Маркс К. Набросок нового предисловия к работе «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». С. 234.

*ungsweise [...] vor der ganzen Welt offen darlegen* u. a., «Пора [т. е. настало время] уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды и т. д.». Параллель сама по себе показательная.

2) Он продолжал описание содержания: «Это – философы самосознания»<sup>1</sup>. Точно так же в Предисловии (вступительной части) «Манифеста» следует краткое указание содержания: разоблачить «призрак», выдуманный противниками.

3) Таким образом, в третьем предложении Маркс объявил, что последующая часть покажет, что его предшественники потерпели неудачу.

То, что последующая часть должна доказать истину положения («это – философы самосознания»), находит соответствие в том факте, что уже с первой главы первой части (*Gegenstand der Abhandlung*) речь идет именно об этой теме «*Daß diese Systeme zusammengenommen die vollständige Konstruktion des Selbstbewusstseins bilden* и далее). Трудно поверить, что все это неоднократно обсуждалось в *Vorrede* впервые. Отсюда следует, что предпочтительнее считать, что под *diese Zeilen* Маркс с научной скромностью подразумевал именно последующую дискуссию, которая входит в предмет первой главы.

Таким образом, мы имеем дело не с «наброском», и то, как Давид Рязанов (в МEGA1) правильно напечатал текст, испещренный вариациями и зачеркиваниями, служит доказательством этого<sup>2</sup>. Столь же ясно, что мы имеем дело с более ранним черновиком, чем полное и законченное Предисловие, вершиной которого является возвеличивание Прометея (и фиктивно датированное «мартом 1841 года»). Начало одинаковое, в обоих черновиках объявляется временное «расстояние» от тогда уже удаленной дис-

<sup>1</sup> *Es sind die Philosophen des Selbstbewusstsein* (это – правильный вариант текста, предложенный МEGA1. В МEGA2 I.1. S. 92 – Philosophien. Редакторы издания Rowohlt (1966) соответственно следовали за МEGA1, а переводчики Editori Riuniti (I, 1980. P. 103) следовали за МEGA1, однако отмечается другой вариант текста в примечании.

<sup>2</sup> Представление об этом тексте в МEGA2 I.1. S. 92, вводит в заблуждение. В нем варианты исчезли, а ввиду крайней краткости получившегося текста есть смысл в предположении, что речь идет о «наброске».

сертации. Тот факт, что в черновике (так называемом «наброске») говорится о «политических и философских работах», показывает, что Маркс, пока писал данный вариант текста, полагал, что его трудоустройство в университете (*philosophische Berufsbeschäftigung*) все еще возможно, в то время как нет ссылок на это в окончательном варианте Предисловия, которое представляет собой преимущественно текст бунтарского характера.

## 10

Непонимание композиционной хронологии диссертации, убеждение, что Предисловие было рождено «одними родами» с «диссертацией» и сразу стало ее составной частью, привели к недоразумениям: особенно среди тех, которые читали одно только Предисловие<sup>1</sup> к диссертации, и на основании этого сделали выводы насчет содержания и смысла всей диссертации. Так было в случае с вышеупомянутой неудачной биографической книгой Карра, и совсем недавно в случае с самой последней (2020) работой на эту тему. Речь об обширном труде Патрика Рейнарда, опубликованном под его редакцией в коллективном томе о влиянии Маркса на *археологию*<sup>2</sup>.

Данная книга отличается добрыми намерениями и является частью «работы по восстановлению» глубоко гуманитарного ядра образования и мировоззрения Маркса. Но в этом случае редактор полностью ориентировался на одностороннюю работу Панайотиса Кондилиса 1987 года<sup>3</sup>, посвященную почти исключительно Предисловию<sup>4</sup>. Таким образом, целью всей докторской диссертации стала борьба с религией, ведущаяся во имя превосходства философии и под знаком Прометейя. Следовательно, вся глава, посвященная докторской диссертации, озаглавлена «Идеал Прометейя». Экстравагантностей тоже хватает, таких как, например, обескураживающее утверждение,

<sup>1</sup> Или имеют об этом косвенное представление.

<sup>2</sup> Aus dem Tempel und dem ewigen Genuss des Geistes verstossen? hrsg. von Claudia Deglau, Patrick Reinard. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. P. 110–118.

<sup>3</sup> Marx und die griechische Antike. Heidelberg: Manutius Verlag.

<sup>4</sup> Однако систематически называемая *Vorwort* (с. 113 и далее).

что Демокрит являлся «поздним» мыслителем, следовавшим за Платоном и, возможно, даже за Аристотелем (с. 111). Хотя – на основании статьи В. Ниппеля (2013 г.) – признается (с. 111 и примечание 25), что в основе докторской диссертации лежит тщательная филологическая работа по греческим и латинским источникам и диссертация представляет собой «выдающееся достижение в области филологии», в то же время в ходе работы исследование юного Маркса об Эпикуре и Демокрите «понижается до предлога» порассуждать о настоящем (с. 115): опять на основе работы Кондилиса и остроумного заключения в последней странице диссертации, согласно которому Эпикур считался «величайшим греческим просветителем» (с. 114)<sup>1</sup>.

Опираясь на Предисловие, автор концентрировал внимание на ссылке Маркса на книгу своего друга Карла Кёппена<sup>2</sup> [1808–1863] о Фридрихе Великом и его противниках. Между прочим, стоит обратить внимание, что уже эта небольшая академическая ссылка на «письмо моего друга Кёппена» должна была создать мнение, что Предисловие не могло быть частью диссертации, представленной Комиссии. Однако Кёппен – исходя из ссылки Маркса в Предисловии – заговорил о «связи» постаристотелевских философий «с греческой жизнью». Со своей стороны, Рейнард из работы Г. Стедмана Джонса<sup>3</sup> 2017 года узнал, что Кёппен рассказывал о твердой приверженности Фридриха Прусского Эпикуру, и сделал из этого вывод, что чтение этой книги якобы было третьим фактором, побудившим его «тщательно заняться (*sich ausführlich zu beschäftigen*) Эпикуром» (с. 114). В действительности доброжелательный Кёппен несколько риторически написал: «Эпикуреизм, стоицизм, скептицизм составляют мускулы, нервы и внутренности древнего организма, чье непосредственное, естественное единство было основой древней красоты и этики; и они растворились с его смертью»<sup>4</sup>. Во всяком случае, именно данная оцен-

<sup>1</sup> Наиболее уместно Теодор Гомперц (*Griechische Denker*) уподоблял интеллектуальное движение софистики эпохе Просвещения.

<sup>2</sup> Ошибочно назван Кёппером (с. 14, а также в оглавлении с. 437).

<sup>3</sup> *Marx Karl*. Die Biographie. Frankfurt am Main: Fischer.

<sup>4</sup> Friedrich der Grosse und seine Widersacher. Leipzig: Wigand, 1840. S. 39.

ка побудила Маркса написать в запоздалом *Предисловии*, что Кёппен уловил «связь этих философий с греческой жизнью». Достаточно было просмотреть том I.1 (1975. S. 932) МЕГА2, чтобы в этом удостовериться. Но Рейнард продолжал пользоваться МEW<sup>1</sup> на протяжении всего своего текста, хотя вначале он заявлял (с. 111), что цитировал докторскую диссертацию по изданию Менде–Шмидта (которое фактически воспроизводит рязановское издание первой МЕГА), не указывая, однако, год издания. В общем, на основе исследований, доступных в 2020 году, можно было бы сделать лучше, чем ограничиться первой и последней страницами текста.

## 11

Прежде чем продолжить, стоит уточнить, что в диссертации Маркса мы имеем появившуюся в более поздние времена неполную копию окончательной версии (десять брошюр по 12 листов каждая) и заметный фрагмент (семь тетрадей) подготовительного «строительного материала», содержащий даты, которые нам позволяют определить темпы развития работы и, следовательно, авторской мысли по мере формирования текста. Имеется семь подготовительных тетрадей, но, как было отмечено, могло быть и больше<sup>2</sup>. Работа развивалась в течение нескольких лет: со второй половины 1838 года по март 1841 года. В эти интенсивные и быстрые годы отмечается созревание размышлений Маркса о предметах исследования, которыми он занимался, как он сам дал нам понять в переломном письме отцу от 10 ноября 1837 года. Не следует рассматривать «Тетради» и *диссертацию* как единый целый документ, упус-

<sup>1</sup> Marx-Engels-Werke. Распространенное и часто цитируемое Собрание сочинений Маркса и Энгельса на немецком языке, т. н. «Синие тома». Издавались с 1956 г. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (т. 1–42), Институтом истории рабочего движения (т. 43) и Фондом Розы Люксембург (т. 44, 1999) в издательстве Dietz Verlag в Берлине.

<sup>2</sup> Musto M. Ripensare Marx e i marxismi. Roma: Carocci, 2011. P. 41, n. 58 (что, в свою очередь, отсылает к отметке Максимилиана Рубеля. Очевидно, что и так называемая «Берлинская тетрадь» (I, датированная «1840 г.», содержащая переводы «О душе» Аристотеля, отсылает к подготовительному «рабочему объекту» диссертации).

кая из виду диахронию, разный характер и разную функцию составляющих частей.

Целесообразно поэтому обратить внимание на то, что «Тетради» все-таки являются подготовительными к составлению диссертации материалами: они представляют собой не только сбор подготовительных материалов и предварительную подшивку текстов, но и определенные этапы проработки, концептуально более ранние (а потому и разные) по отношению к проработке окончательного текста. Это относится, например, к длинному мучительному рассуждению (в четвертой тетради, без даты), следующему за отрывками из пятой книги Лукреция: очень непростой текст о близости в то время Маркса к Гегелю<sup>1</sup>. И это также относится к рассуждению в пятой тетради, датированной летом 1839 года, о местах из Лукрецией (II, 185 и последующие), касающихся *отклонения*: текст, черновой характер которого примечателен по сравнению с главой I части II окончательной версии.

Во втором случае мы уже можем отметить попытку сделать *отклонение* объединяющим элементом всей эпикурейской философии: как этики, так и теологии. В другом, помимо провозглашения Гегеля «нашим учителем», Маркс дал упрощенную оценку ученикам («некоторые гегельянцы, неправильно понимающие нашего учителя»); также выразил идею, что после великой «всеобъемлющей» или «мировой» философии (*Weltphilosophie*) последующая за ней философия «разрывалась»; в связи с этим Маркс предложил сравнение с послеаристотелевскими школами: подобно тому как после Аристотеля «могли появиться... Зенон, Эпикур и даже Секст Эмпирик», так и после Гегеля идут «попытки новейших философов, бесконечно жалкие в большей своей части»<sup>2</sup>.

А нам хорошо известно, что заключение диссертации (о чем Маркс заявляет в *Предисловии*) идет в противоположную сторону: в нем постаристотелевские философии представляют

<sup>1</sup> См.: Маркс К. Тетради по эпикурейской философии. Тетрадь четвертая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 97–98.

<sup>2</sup> Там же. С. 110.

собой «ключ к истинной истории греческой философии». Верно также и то, что уже на страницах *Пятой тетради* можно угадывать будущее направление в своеобразной ссылке на Фемистокла, который, столкнувшись с неминуемой персидской угрозой, «побудил афинян, когда Афинам угрожало опустошение, совершенно покинуть город и основать новые Афины на море, в иной стихии»<sup>1</sup>.

Встает вопрос: в своей новаторской *докторской диссертации*, которую мы можем наблюдать и изучать в ее возникновении, создании и появлении, Маркс «остался полностью в пределах идеалистической гегелевской философии» (как утверждал его биограф Франц Меринг<sup>2</sup>) или нашел свой оригинальный маршрут?

Огюст Корню (1888–1981) отметил, что *докторская диссертация* доказывает, что Маркс, работая над этим исследованием, дистанцировался как от Гегеля, так и от младогегельянцев и пришел к своей собственной концепции (на которую, возможно, также оказал влияние Шеллинг) «взаимодействия разума и природы» (*Wechselwirkung von Geist und Natur*)<sup>3</sup>. Не забудем, что для написания «Клеанта» Маркс «несколько ознакомился с естествознанием (*Naturwissenschaft*), Шеллингом, историей»<sup>4</sup> и что он, конечно, был знаком с докторской диссертацией Гегеля «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга» [1801], которое, безусловно, вдохновило название его диссертации.

*Wechselwirkung*, т. е. «действие», взаимная «действенность» между «духом» и «миром» (т. е. материальной и человеческой реальностью: «мир» по сути). И нет сомнений, что страницы диссертации, посвященные оригинальной интерпретации

<sup>1</sup> См.: Маркс К. Тетради по эпикурейской философии. Тетрадь четвертая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 97–98.

<sup>2</sup> *Vita di Marx* [1918], trad. it. di F. Codino e M.A. Mancorda. Roma: Editori Riuniti, [1966] 1972. P. 33.

<sup>3</sup> Рецензия к изд.: Mende-Schmidt [1964] Doktordissertation von Karl Marx. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie» XIII. 1965. P. 525.

<sup>4</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 40. М.: ИПЛ, 1975. С. 16.

*отклонения* (глава I части II), подтверждают данный диагноз. Однако, возможно, определение «нового, но все еще идеалистического мировоззрения», которое предложил Корню, не совсем уместно. В этой гиперлукрецианской интерпретации *отклонения* уже выделяется антимеханистическое видение реальности. Его выход из абсолютного идеализма лежит не в направлении сциентистского материализма: об этом «говорит» и интерес Маркса к различным многочисленным книгам, о которых Маркс рассказал в письме к отцу, и интерес к тем текстам, сведения о которых можно вывести или получить из подготовительных тетрадей – не только из «Тетрадей по эпикурейской философии», но и из «Берлинских тетрадей», где представлены фрагменты из Лейбница, Юма («Исследование о человеческом познании»<sup>1</sup>) и снова (и в первую очередь) Спинозы.

Поэтому нас не должно удивлять то, что Маркс, при яркой защите Эпикура, вовсе не связался с гегелевской полемикой против успеха атомистической теории в науке последующих столетий (*molécules*, о которых говорил и Локк, встречается – как было сказано в свое время – в «Лекциях» Гегеля, а не только в редакции Мишле). Это не то *воплощение* Эпикура, которое заинтересовало Маркса.

## 12

Как уже было сказано<sup>2</sup>, Гегель в своих «Лекциях по истории философии» относился к современной физике и ее отдаленным истокам в греческом атомизме с едва скрываемым презрением. Как нам известно, надо сослаться на редакцию Мишле. И если уже в издании 1833 года современная физика подвергалась критике, так как она является результатом подражания философу, «неспособному мыслить», такому как Эпикур, то в следующем издании, 1840 года, тон стал еще жестче. Исходя из большого внимания, которое Мишле уделяет этому аспекту, можно утвердить, что такая суровая оценка современной науки

<sup>1</sup> В нем он сосредоточил внимание на размышлении в защиту философствования (Предисловие, датированное «март 1841 г.»).

<sup>2</sup> См. выше (Часть I).

действительно была одной из доминирующих тем уроков, которые Гегель посвятил Эпикуру.

Маркс, как отмечалось ранее, не затрагивает в своей диссертации ни этого аспекта, ни такой своеобразной, несколько ретроградной и уже в свое время анахроничной позиции<sup>1</sup>. Поэтому стоит вкратце проследить данный конкретный вопрос о «принятии» атомистической физики и учений Лукреция.

Благодаря новому открытию и возрождению Лукреция и несмотря на навязанную временем осторожность, эпикурейский атомизм со всеми его противоречиями тем не менее способствовал рождению современной науки: «великий лукрецианский сезон семнадцатого века»<sup>2</sup> начал движение, можно сказать, начиная от предвосхищающих интуиций Джордано Бруно<sup>3</sup> до Гассенди и Ньютона.

В контексте возобновившегося взаимопроникновения философской и научной мысли (сначала в позитивистском смысле, а затем в качестве реакции на него) возродилось внимание к античному атомизму. Во введении к своей юношеской ценной лукрецианской антологии Анри Бергсон (1859–1941) вслед за Цицероном назвал отклонение «ребяческим» и неоднократно клеймил Эпикура за то, что ему казалось полным невежеством в научной сфере<sup>4</sup>. Эпикур, написал он, «презирает науку в целом (*méprise les sciences en général*)».

В 1891 году в *Année Philosophique* Франсуа Пийон (1830–1913) опубликовал обширное исследование «Историческая эволюция атомизма (*Évolution historique de l'atomisme*)»; это тот самый Франсуа Пийон, который был ответственным за

<sup>1</sup> Для получения краткой, но качественной картины исторического развития атомистических теорий до XX века полезен обзор, проведенный *Atomismo // Enciclopedia italiana*, V, 1930. P. 234–235. Он является автором также статьи «*Democrito*». Очень ценный – общий критический анализ, изложенный Монте Джонсоном и Катериной Уилсон в недавнем выпуске *The Cambridge Companion to Lucretius* (University Press, Cambridge 2007): *Lucretius and the history of science* (P. 131–148, specie 145–147).

<sup>2</sup> См.: *Gambino Longo C. La renaissance de Lucrèce // «Cahiers Saulnier»* 27, 2010. P. 185.

<sup>3</sup> Бруно изучал поэму Лукреция в Париже в 1585 г. на экземпляре, принадлежащем аббатству Сен-Виктор.

<sup>4</sup> *Extraits de Lucrèce*, Delagrave, Paris 1884. P. XIII e XVIII–XIX.

науку и философию в «Большом словаре XIX века» (*Grand Dictionnaire du XIX siècle*) Пьера Ларусса. Продолжая ценную работу Пийона, Эмиль Бутру (1845–1921) несколькими годами позже описал философско-научные споры об «атомистических» теориях (Локк, Мопертюи, Лейбниц, Ампер, Коши, Геккель) в работе 1895 года «Об идее естественного закона в науке и философии (*De l'idée de loi naturelle dans la science et la philosophie*)». А Лукреция всегда вовлекали в многовековые дебаты.

В какой-то момент при помощи наиболее совершенных современных приборов мы получили ощущение, будто реально «увидели» атомы. Великие теоретики атомизма вплоть до Максвелла, Дальтона, Больцмана «пришли бы в восторг от этих осязаемых доказательств своей веры», написал Эрвин Шредингер<sup>1</sup>. А Нильс Бор (1885–1962) смог заявить на конференции в 1929 году, что «все сомнения относительно реальности атомов были (таким образом) устранены»<sup>2</sup>.

В 1924 году Альберт Эйнштейн (1879–1955) открыл свое Предисловие к лукрецианскому изданию Германа Дильса (1848–1922) следующими несколькими антиисторическими упреками: «Лукреций не имел ни малейшего представления о результатах современной науки о природе (*die heutige Naturwissenschaft*), даже о тех, которые мы изучаем в детстве, еще до того как можем рассмотреть их с осознанным и критическим духом»<sup>3</sup>. А вот Жан Перрен при получении Нобелевской премии в 1926 году произнес речь «О прерывном строении материи», в которой прямо связал свою работу с древним атомизмом.

<sup>1</sup> *Nature and the Greeks*. Cambridge: University Press, 1954. P. 87. См. также перевод на французский: *La nature et les Grecs*. Paris: Seuil, 1992. P. 197.

<sup>2</sup> *Атомная теория и главные принципы, лежащие в основе описания природы*, в: *Atomic Theory and the description of Nature*. Cambridge: University Press, 1934. P. 102–119.

<sup>3</sup> Предисловие Эйнштейна находится на сс. VIa–VIb II тома издания (Weidmann, Berlin, 1924: Lateinisch und Deutsch). Нумерация страниц показывает, что Предисловие было добавлено в последний момент. Издание появилось посмертно: Дильс – большой знаток античной науки – умер в июне 1922 года.

Двумя годами позже в Лондоне (1928) появилось пятое издание достойной внимания монографии по Лукрецию Хью Эндрю Джонстона Манро (1819–1885)<sup>1</sup>, в котором – по сравнению с предыдущими – было представлено новое обширное введение физика из Лондонского университета Эдварда Невилла Андраде да Кошты (1887–1971) под названием «Научное значение Лукреция» (с. III–XXII). Андраде да Кошта незадолго до этого опубликовал работы «Структура атома» (1923) и «Атом» (1927) и известен, среди прочего, как сотрудник Резерфорда в исследованиях спектра гамма-излучения. К концу своего обширного введения Андраде да Кошта подвел итоги: высоко оценил дальновидность взглядов Лукреция на структуру (неразрушимую, в вечном движении и т. д.) атома. Он написал: «Недавно нам пришлось пересмотреть принцип неразрушимости, который в девятнадцатом веке постулировался для атомов; но [...] разрушение ядра происходит только в исключительных обстоятельствах (*We have recently had to modify the indestructibility which the nineteenth century claimed for atoms; but [...] the fracture of the nucleus take place only in exceptional circumstances*)» – и добавил, что огромную массу экспериментальных знаний, составляющих основу физики и химии, «даже сегодня можно объяснить в терминах неразрушимых атомов (*can be explained in terms of unbreakable atoms even to-day*)». И наконец: «Атомы и пустота – это все еще представления (*conceptions*), с помощью которых мы строим наши теории».

У Эйнштейна, возможно, вызвали раздражение неувязка «древнее – настоящее», а также поиск внешнего отдаленного источника; Андраде проявлял непретенциозную симпатию к единственному подлинному и цельному документу античного атомизма и к его долголетию.

Эйнштейн счел «впечатляющими» (*in bonam partem*) непоколебимую веру, которую исповедует Лукреций, «в идею того, что космос поддается пониманию и управляется причинными связями», и его убежденность «в способности доказать, что все основано на закономерном движении

<sup>1</sup> Тот Лукреций оказался *opus magnum* Манро (Том I появился в 1860 г.).

(*gesetzmässigen* [т. е. подчиненное закону, норме] *Bewegung*) неизменных атомов (*unveränderlicher Atome*)); и добавил, что Лукреций «руководствовался» прежде всего «желанием убедить своих читателей в справедливости механическо-атомистического (*atomistisch-mechanisch*)<sup>1</sup> видения физической реальности (*Weltbild*)». Он также признал, что Лукреций «вообразил мир» с «независимым» умственным отношением и питал «натуралистические и спекулятивные интересы». И, возможно, в этой оценке «независимости» Лукреция подразумевается оценка того, как Лукреций выразился по поводу «божественности». Однако он прямо не упомянул об этом, напротив, когда он говорил о «благоразумии» Лукреция по отношению к своей аудитории (римским «читателям»), он утверждал: то, что Лукреций «не осмеливается провозгласить открыто», было якобы его «механистически-атомистическое видение», и это благоразумие якобы обусловлено тем, что «римские читатели» «интересовались главным образом практическими вопросами»<sup>2</sup>. По правде говоря, Лукреций только и делал, что навязчиво повторял свое «механистически-атомистическое» видение; а что касается «римских читателей», то справедливо полагать, что Лукреций обращался – по крайней мере, в первую очередь – к элите, заведомо интересующейся философией и поэзией, значительными представителями ко-

<sup>1</sup> Однако, судя по всему, он не учитывал обсуждения отклонения и тем более стихи II, 251–293. Очевидно, не имеет смысла упрекать Эйнштейна в том, что он не читал докторскую диссертацию Маркса (которая к тому же была издательской новинкой 1927 года), напротив, удивляет его пренебрежение тем, что можно считать единственным нововведением Эпикура в области физики (обсуждаемым Бергсоном и считающимся «нелепым» отклонением): возможно, он считал это неуместной попыткой, нереалистичным уходом от механистического мировоззрения Демокрита. Однако во второй части своей краткой работы Эйнштейн не ошибся, полагая, что «главная цель (*Hauptziel*)» работ Лукреция находится в области этики: освободить человечество от религиозных предрассудков и суеверий, «порабощающих нас» («*die Befreiung des Menschen von der durch Religion und Aberglauben bedingten sklavischen Furcht*»).

<sup>2</sup> Он, кажется, не принял во внимание полемику Лукреция против испорченной и развращающей политики и против нелепой религии с ее обрядами (книги III и V).

торой являются Цицерон<sup>1</sup> и Корнелий Непот<sup>2</sup> (единственные современники, которые упомянули его).

С другой стороны, оказалась однозначной оценка Вольтера, который, как написал о нем Констан Марта (1820–1895), «высмеивает физику Лукреция [например, в статье «Материя» в философском словаре<sup>3</sup>], превознося достоинства и моральные последствия, которые из этого вытекают»<sup>4</sup> (*se moquait de la physique de Lucrèce* [например, в статье Matière в Dictionaire philosophique] *en exaltant le mérite et les conséquences morales qui en décolulent*). И примечательно, что такой замечательный физик и сильный популяризатор самых передовых достижений современной физики, как Карло Ровелли, представив в своих удачных «Семи коротких уроках» теоретико-гипотетическую картину, весьма далекую теперь от «наивного» античного атомизма, завершил «Лекции» посвящением Лукрецию, в первую очередь нравственному мыслителю Лукрецию<sup>5</sup>.

Но при более внимательном рассмотрении данный «отрыв» от «буквального смысла» эпикурейско-лукрецианского атомизма и вместо этого утверждение «*моральных последствий, которые из этого вытекают*», по выражению Марта, уже можно найти на коротком пути Маркса от написания диссертации к яркому Предисловию, написанному вскоре после получения докторской степени. В этом Предисловии Маркс говорил уже не об атомах, а о чем-то другом. Он говорил словами Юма о «праве» философии возбудить «скандал» (ее не следует обвинять «в выводах»<sup>6</sup>) и о философии Эпикура как о разрушителе – во имя Прометея – «всех богов». И этому Прометею, отвергающему обман богов и страдающему, но не поклоняющемуся, Маркс остался верен до конца своих дней.

<sup>1</sup> Ad Quintum fratrem, II, 9, 3.

<sup>2</sup> Жизнь Аттика, 12, 4.

<sup>3</sup> См. издание: Fouquet, Paris, 1821, VI. P. 466.

<sup>4</sup> Martha C. Lucrece, Hachette. Paris, 1869. P. 253.

<sup>5</sup> Sette brevi lezioni di fisica. Milano: Adelphi, 2014. P. 83–84.

<sup>6</sup> В переводе Софии Церетели – «заклечениях».

### ЧАСТЬ III

#### История неизданного

##### 1

Когда Маркс собирался приступить к работе над диссертацией, он уже посетил восемь семестров и имел блестящую студенческую карьеру. Из приложений к его заявлению, представленному в связи с «повышением квалификации», мы получили полное представление о курсах, которые Маркс посещал в различные семестры в Бонне, а затем в Берлине. Вот несколько примеров: 1) «мифология греков и римлян» (проф. Велькер<sup>1</sup>, оценка: «с исключительным усердием и вниманием (*mit vorzüglichem Fleisse und Aufmerksamkeit*)»); 2) «гомеровский вопрос» (проф. Шлегель, характеристика: «трудолюбивый и внимательный (*fleissig und aufmerksam*)»); 3) «Элегии Проперция» (проф. Шлегель, то же мнение); 4) «Пандетт» (проф. Савиньи, оценка: «трудолюбивый (*fleissig*)»); 5) «уголовное право» (проф. Ганц, заключение: «превосходно трудолюбивый – (*ausgezeichnet fleissig*)»); 6) «общая география» (проф. К. Риттер, оценка: «*belegt*», т. е. просто «записанный в группе») и т. д.

Пока Маркс еще работал над диссертацией, Бруно Бауэр более года уговаривал его поторопиться «с этим проклятым экзаменом» (декабрь 1839 г.), чтобы он как можно скорее смог полностью посвятить себя «своей работе по логике» (*ma-che doch nur [...], daß Du mit dem lumpigen Examen fertig wirst und Dich ganz ungehindert Deinen logischen Arbeiten hedgeben kannst*<sup>2</sup>).

<sup>1</sup> Как можно заключить из этих кратких оценок, Маркс посещал курс Велькера с особой приверженностью и, казалось бы, с взаимным удовлетворением. Может быть, страсть к Прометею появилась у самого юного Маркса именно вслед за учением Велькера, предпринявшего полное восстановление (на основе фрагментов) всей Эсхиловой трилогии, завершившейся «Освобожденным Прометеем»: освобожденным от цепей, наложенных Зевсом, которыми он приковал Прометея к скале. И именно освобождение пролетариата от его цепей достигло кульминации в «Манифесте» 1848 года.

<sup>2</sup> MEGA2III. 1. S. 336.

В письме, датированном тремя месяцами позже (30 марта 1840 года), когда Маркс еще собирался сдавать экзамен в Берлине (лишь в последнюю минуту было принято решение в пользу Йены), Бауэр снова недооценил трудность экзамена: «он об Аристотеле, Спинозе и Лейбнице, длится не более четверти часа, это чистая формальность»). Поспешность с публикацией, чтобы потом осуществить *Promotion* (защиту диссертации), а затем получить «Habilitation» (*venia docendi* – хабилитация, право преподавания) связано с общим планом пригласить Маркса в Бонн, где преподавал Бауэр. А еще Бауэр давал ему советы, как вести себя в этой среде (с коллегами мы говорили только о «погоде»: *von Wetter und dergl.*). А тем временем появилась идея создать совместный журнал, который получил бы название *Archiv des Atheismus*<sup>2</sup>. В июле 1840 года (письмо Бауэра к Марксу от 28 июля) также обсуждался выбор типографа-издателя для еще одной работы Маркса. И Бауэр<sup>3</sup> упросил своего друга указать *ob das Buch existiert, ob es fertig ist, wie viel Bogen die Schrift betragen wird*, т. е. указать точные размеры работы (и даже гонорар!). В том же письме, перед приветствием, Бауэр еще раз призвал Маркса поторопиться с диссертацией, которую он определил как «вялое изучение бессмыслицы (*saumselige Behandlung eines Unsinnns*)», не колебаться и не задерживаться (*zaudern*) «с подлинным фарсом, таким как экзамен (*eine blosse Farce wie das Examen*)».

12 апреля 1841 года, когда Маркс уже отправил свою диссертацию в Йену и до того, как профессорская комиссия приняла решение (15-го числа), Бауэр – который получил от Маркса, хоть и частично, сведения о содержании того Предисловия, которое молодой друг намеревался поставить в начале печатного издания, – дал Марксу совет: он сухо требовал от него не вносить в это Предисловие отсылку (которая в итоге, наоборот, по-

<sup>1</sup> MEGA2 III.1. S. 343.

<sup>2</sup> См. письмо Бауэра от 28 марта 1841 г. (MEGA2 III.1. S. 352).

<sup>3</sup> MEGA2 III.1. S. 349. Планируемая полемически-саркастическая работа о неумелой попытке проф. Гермеса совместить Канта с католической верой. См.: Ibid. III.1. S. 745.

лучила широкое и значительное место во всем Предисловии) к стиху Эсхила: «По правде, всех богов я ненавижу»<sup>1</sup>. Однако понятно, что Бауэр имел в виду еще не написанный текст: «Вы ни в коем случае не должны включать в свою диссертацию этот стих Эсхила и совершенно не вносить в нее ничего, что выходит за рамки философского образа мышления».

Поскольку в нашем распоряжении остались только письма Бауэра к Марксу, а не письма Маркса к Бауэру (который их, по-видимому, не сохранил), нам не известно точно, что конкретно Бауэр получил от своего младшего друга, когда в ответ призвал его быть осторожным: уже конкретный набросок или, может быть, лишь намек на намерение найти хорошее применение этому стиху и фигуре Прометея, надолго вдохновившего воображение Маркса. Дело в том, что Маркс сохранил в Предисловии центральную роль этого стиха и всю мощь ссылки на Прометея Эсхила и на Прометея, «мученика» и «святого». Антирелигиозный аспект, явный и преобладающий в Предисловии, еще не проявлялся в «теле» диссертации, за исключением последней страницы, закрывающей работу лукрецианским гимном Эпикуру, освободившему человечество от *религии*. Но данная тема, напротив, была освещена в переписке с Бруно Бауэром, который ласково «нависал» над Марксом в те месяцы, когда завершалась работа над диссертацией.

Между тем, как уже говорилось, политическая обстановка в Пруссии изменилась. Уже в июне 1840 года министром по делам религии, образования и здравоохранения стал консерватор Иоганн Альбрехт Фридрих Эйхгорн (1779–1856), враждебно настроенный по отношению к гегелевской школе, в частности к младогегельянкам. В письме Марксу от 31 марта 1841 года Бауэр с гордостью заявил: «Я работаю над книгой, в которой выступаю против направления правительства»<sup>2</sup>.

Однако вскоре Бауэра отстранили от преподавания; надежда на приглашение Маркса в Бонн не оправдалась, и первоначаль-

<sup>1</sup> Цит. по: Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. С. 153.

<sup>2</sup> MEGA2 III.1. S. 355.

ный план отправить должным образом отредактированный текст диссертации в печать отменился<sup>1</sup>.

Бауэр не очень интересовался филологическими тонкостями своего друга Карла. Он побудил Маркса, как нам известно, поторопиться с этой «вялой (*saumselige*) диссертацией», чтобы решить вопрос – и для такой цели была бы необходима публикация – о получении права преподавания<sup>2</sup>. И именно для того, чтобы ускорить время и как можно скорее осуществить общие проекты, Маркс в конце концов решил представить диссертацию уже не в Берлин, а в Йену, в старинный университет Великого Герцогства Саксен-Веймарского, в котором не требовалось личное присутствие соискателя на докторскую степень<sup>3</sup>. Профессорская комиссия оценила работу и высказала свое мнение. Показателем первоначального намерения явиться в Берлин, как было справедливо отмечено, является также написанный целиком на латыни абзац в одной из подготовительных тетрадей (четвертой «Тетради по эпикурейской философии»<sup>4</sup>). В Берлине было необходимо, чтобы часть докторской диссертации была написана на латыни.

Вне комиссии академическим сторонником Маркса в г. Йене был Оскар Людвиг Бернхард Вольф, профессор литературы, причудливый ученый и восторженный *Volklied*er, а также писатель-сатирик. Сохранилось письмо Маркса к Вольфу, датированное следующим днем после отправки дис-

<sup>1</sup> Много лет спустя произошел полный разрыв между Марксом и двумя братьями Бауэрами. Но уже в 1843 году работа Маркса «К еврейскому вопросу» (критика Бауэра) разорвала дружбу.

<sup>2</sup> Так, еще раз в письме, впервые упомянутом, от 31 марта 1841 года.

<sup>3</sup> Вильфрид Ниппель пренебрежительно назвал его «Докторфабриком» (на с. 1013 цитируемой ниже статьи (примечание 198)). Менее убедительно предположение о том, что Маркс из политических соображений избрал бы «иностранный университет» (eine fremde Universität): так как Йена не входила в состав королевства Пруссии: так рассуждали Эрхард Ланге и Инге Тауберт в работе *Die philosophische Bedeutung der Doktordissertation von Karl Marx*, включенной в том *Die Promotion von Karl Marx*, Jena 1841, Eine Quellenedition. Berlin: Dietz Verlag, 1983. S. 30–31.

<sup>4</sup> См.: *Schmidt E.G.*, MEGA2 IV.1, Bemerkungen // *Klio*: 1980. № 62. S. 280–283. Менее убедительна гипотеза Шмидта, согласно которой первоначальным замыслом диссертации должно было стать сравнение Аристотеля (а не Демокрита) с Эпикуром.

сертации<sup>1</sup> (диссертация была направлена Марксом председателю комиссии, декану факультета Карлу Фридриху Бахману). Представленная 6 апреля 1841 года диссертация получила очень благосклонную оценку и была одобрена 15 апреля.

Немалой заслугой сотрудников Йенского университета в ранний послевоенный период было восстановление архивной документации, касающейся защиты (Promotion) Маркса. (Архив университета серьезно пострадал «в результате англо-американских бомбардировок»<sup>2</sup>). Это позволило восстановить ход всех событий в их официальных аспектах.

Весьма торжественную надпись на дипломе открывают пышные титулы основателя – в 1557 году – Йенского университета Фердинанда I, «римско-германского императора», далее следует текст о присуждении «степени доктора философии известному и высокообразованному мужу Карлу Генриху Марксу (*doctoris Philosophiae honores viro prae nobilissimo atque doctissimo Carolo Henrico Marx*)», а также дарование прав и привилегий звания, знаков и украшений ума, доктрины и испытанного достоинства (*dignitatis iura et privilegia, ingenii doctrinae et virtutis spectatae insignia et ornamenta*)<sup>3</sup>. Маркс даже обратился к Вольфу еще до заседания Комиссии, так как «он хотел ускорить выдачу диплома». Но Вольф, не будучи *ординарным профессором*, не входил в состав Комиссии. Затем, обращаясь с заявлением о приеме – в обязательном порядке – на латыни к декану философского факультета Йенского университета, он совершил оплошность, попросив у *комиссии* «степень ма-

<sup>1</sup> MEGA2 III.1. S. 20 (письмо от 7 апреля 1841 г.). в письме Маркса к проф. Оскару Людвигу Бернхарду Вольфу вообще не встречается запрос на рекомендацию, а скорее довольно необычная просьба о том, чтобы Вольф принял меры для обеспечения того, чтобы диплом был отправлен кандидату как можно скорее. Благодаря факсимильному изданию двенадцати документов, относящихся к этой Promotion, нам известно, что письмо было отправлено из Берлина (где в то время находился Маркс) 7 апреля, а его прибытие в Йену отмечено почтовой печатью 9 апреля.

<sup>2</sup> См.: *Die Promotion von Karl Marx*. Jena, 1841, op. cit. S. 34. Документация была вывезена в Москву, а затем передана в фоторепродукции учреждениям культуры ГДР.

<sup>3</sup> Документ воспроизведен в MEGA2 I.1. S. 17. Также был опубликован в Йене под редакцией Университета в 1964 году (S. 24), в еще более удобочитаемой форме, в (частичном) издании диссертации, которое мы обсудим позже.

гистра» (т. е. свободного профессора), в то время как он мог претендовать только на звание доктора. На это указывал декан Карл Фридрих Бахман<sup>1</sup>, который, однако, предлагая Комиссии чрезвычайно положительное заключение о диссертации («диссертация свидетельствует как об уме и проницательности, так и о начитанности кандидата»), сводил к минимуму оплошность (вызванную, как написал он, «незнакомством с уставом факультета») и предлагал другим уполномоченным не принимать их во внимание. Успех был полным; но следует не забывать, что, очевидно, Комиссия не прочитала бурное Предисловие: к диссертации было приложено только иное вступительное слово, торжественное и ласковое предисловие и письмо, содержащее посвящение Людвигу фон Вестфалену<sup>2</sup>.

Однако, еще не добившись этого успеха, Маркс готовился ко второму испытанию (и потому к доработке диссертации

<sup>1</sup> См.: Рекомендательный отзыв декана философского факультета проф. К.Ф. Бахмана о докторской диссертации Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 654; Письмо Маркса (на немецком языке) к Бахману см.: Маркс – Карлу Фридриху Бахману. В Йену // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 235.

<sup>2</sup> Относительно данного промежутка времени, которое может показаться слишком коротким (и который привел подозрительного В. Ниппеля к предположению, что уполномоченные не читали диссертацию и поэтому выразили простое согласие с «kurze Stellungnahme» декана) следует обратить внимание на то, что, очевидно, «подготовительные тетради также не были представлены в комиссию: всего 80 страниц изд. MEGA2 (I.1) не была сложной задачей на неделю с 6 по 13 апреля. (*Nippel Wilfried. Marx und die Antike. Eine unveröffentlichte Dissertation und Randbemerkungen in einen monumentalen Torso // Kultur(en). Formen des Alltäglichen in der Antike, Festschrift für Ingomar Weiler zum 75. Geburtstag, hrsg. von P. Mauritsch, C. Ulf, Graz: Grazer Universitätsverlag, 2013. S. 1014.*) Помимо декана *der Zeit* Бахмана, факультет, собранный в качестве отборочной комиссии, состоял из восьми профессоров. Все восьмеро получили значительное вознаграждение за данную услугу, но один из них, Эйхштедт, не подписал краткую формулу положительного ответа на просьбу декана одобрить (с большой признательностью) диссертацию. Остальные семеро: Х. Люден, Ф. Хэнд, Дж.В. Деберейнер, Э. Рейнхольд, Дж.Ф. Фрайс, К.В. Геттлинг, Ф.Г. Шульце. В комиссию вошли самые разные специалисты: Карл Вильгельм Гёттлинг (1793–1869) был филологом-классиком, Эйхштедт был латинистом, Якоб Фридрих Фрис – философ-неокантианец (1773–1843), Фридрих Готтлоб Шульце (1795–1860) преподавал экономику сельского хозяйства, Эрнст Рейнхольд (1793–1855) преподавал логику и метафизику.

в целях публикации). Еще 28 марта 1841 года, т. е. за восемь дней до отправки диссертации Бахману, Бауэр в письме уже отправил Марксу статьи Устава Боннского университета, касающиеся процедуры экзамена «на получение права на преподавание»<sup>1</sup>. А в следующем письме (от 31 марта) он дал ему ряд практических советов по размещению в Бонне и снова по процедуре экзамена. *Postscriptum* показателен: «Было бы абсурдно, если бы Вы посвятили себя деловой карьере. Теория теперь является сильнейшей *практикой* (*Die Theorie ist jetzt die stärkste Praxis*), и мы еще не можем даже предсказать, с каковым и каким большим значением она станет *практикой!*»<sup>2</sup>

До сих пор мы несколько раз говорили об отношениях Маркса с гораздо более старым и уже «оседлым» Бауэром и о не столь утонченно-патерналистском отношении его самого к Марксу. Однако друзья и сверстники смогли ясно увидеть, насколько неравными были эти отношения и насколько Бауэр, в свою очередь, пользовался вулканическим интеллектом и всеядной культурой Маркса. Карл Фридрих Кёппен, бывший на год старше Бауэра и очень искренне привязанный к гораздо более молодому Марксу, выразил в весьма обширном письме от 3 июня 1841 г. определенное ироническое разочарование тем, как Бауэр усвоил размышления Маркса об истинной сути Византийской империи, и прокомментировал: «Ты – журнал мыслей, рабочий дом (*Du bist ein Magazin von Gedanken, ein Arbeitshaus*)»<sup>3</sup>. То, что вскоре после этого, рецензируя «Еврейский вопрос» Бауэра<sup>4</sup>, Маркс дистанцировался от него, станет более понятно в контексте отношений, которые мы здесь описали<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> MEGA2 III.1. S. 352–353. Из этих уставов нам стало известно, что кандидаты также могли представить свои работы в рукописной форме (очевидно, каллиграфической).

<sup>2</sup> MEGA2 III.1. S. 354–355.

<sup>3</sup> MEGA2 III.1. S. 360.

<sup>4</sup> Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1955. Т. 1. С. 382. Написано в феврале 1843 года, опубликовано в *Deutsch-Französische Jahrbücher* в феврале 1844 года.

<sup>5</sup> В упомянутом выше длинном письме Кёппен даже обвинил Бауэра в «иезуитизме». Из писем Бауэра к Марксу видно, что Кёппен не пользовался симпатией Бауэра.

Поскольку диссертация не была опубликована, необходимо задаться вопросом, как она была сохранена и в каком виде дошла до нас. Попробуем проследить историю текста.

В дополнение к автографу (утраченному) имелось две рукописные копии, обе написанные рукой писца-каллиграфа<sup>1</sup>: одна была отправлена декану Карлу Фридриху Бахману, а другую Маркс оставил для себя.

Копия, представленная Комиссии, так и не была найдена ни в архиве философского факультета в Йене, ни где-либо еще. Речь не о *Kriegsverluste* – потерях из-за бомбардировок Второй мировой войны: тщетные попытки найти данный образец датируются гораздо более ранним периодом<sup>2</sup>. О причинах исчезновения экземпляра, представленного в Комиссию, можно только догадываться. Предположение Эрнста Гюнтера Шмидта<sup>3</sup> – гениальное и правдоподобное. В тщательно задокументированной монографии о тексте и судьбе докторской диссертации Маркса Шмидту удалось восстановить состав Комиссии и доказать, что среди девяти (включая декана) профессоров – членов Комиссии – был также латинист Генрих Карл Абрахам Эйхштедт (1772–1848), участвовавший в работах (фактически он подписал сбор вознаграждения), но не подписавший итоговую оценку (*Gutachten*). Эйхштедт был очень влиятельной личностью, профессором «филологии и красноречия» в г. Йене с 1797 года, основателем *Allgemeine Litteraturzeitung* в г. Йене; его боялись в университетской среде как доверенного лица Веймарского двора. Он был издателем (1801) произведений Лукреция в течение нескольких лет, и эти издания наиболее широко использовались в Германии до выхода изданий Лахмана (1850) и Бернайса (1852); данным изданием пользовался также Маркс для своей диссертации. «Неудивительно, – написал Э.Г. Шмидт, – что именно он взял руко-

<sup>1</sup> Об этом усердном (неизвестном) «сотруднике» Маркса ср.: МЕГА2 I.1. S. 885, а также: *Schmidt E.G. Neue Ausgaben der Doktordissertation von Karl Marx, «Philologus»*. 1977. № 121. S. 283.

<sup>2</sup> Институт Маркса–Энгельса в Москве выделял средства в поддержку «охоты» за рукописью.

<sup>3</sup> Об этом достойном ученом мы будем говорить позже (§ 7).

пись диссертации себе и потом уже не вернул ее на факультет»<sup>1</sup>. В конце концов, отметил он, это не было необычной практикой на том факультете. И весьма положительная оценка декана, должно быть, вызвала у него интерес.

А экземпляр, который автор оставил для себя, сохранился (частично); в нем представлено большое количество собственноручных Марксовых поправок чернилами (фиолетовыми), отличными от тех (черных), которые использовал переписчик. (Как уже было сказано, неверная дата «март 1841 г.», поставленная в конце «Предисловия», также указана фиолетовыми чернилами.) Как новую дату, так и зачеркивание Маркс должен был внести также ввиду плана публикации, которой, однако, как уже было сказано, не состоялась. Сохранившаяся рукопись (листы которой написаны как на лицевой, так и на оборотной стороне) состоит из десяти тетрадей, шесть из которых содержат текст, а четыре – примечания. Текст неполный. Как можно заключить из оглавления (к счастью, сохранившегося), главы IV и V части I отсутствуют, как и все Приложение («Критика плутарховской полемики против богословия Эпикура»), состоящее из шести абзацев, как указано в оглавлении. Сохранилось много примечаний (к § 1–3), полных авторских фрагментов.

Неполнота подтверждается тем фактом, что переписчик оставил пустыми 33 страницы, соответствующие отсутствующим главам: следовательно, это не поврежденный экземпляр, а копия, включающая эти главы в измененном виде. Подобная текстовая ситуация вызвала бы затруднения, если бы мы думали, что эти две каллиграфические копии появились вместе. Вместо этого «каллиграфический» экземпляр для автора должен был быть составлен несколько позже (очевидно, на основе собственноручного текста) по сравнению с экземпляром, подготовленным для факультета. Иначе было бы непонятно поведение автора, который «допустил» две главы (для официального экземпляра) и одновременно не допустил их (для своего). Вместо этого складывается впечатление о том, что Маркс просил переписчика, когда тот вернулся к работе, отложить копирование тех частей,

<sup>1</sup> *Neue Ausgaben der Doktordissertation von Karl Marx // Philologus*. 1977. № 121. S. 283.

которые были отправлены автором на доработку. Однако эти части не были доработаны или, во всяком случае, их не удалось довести до финальной операции копирования.

Некоторые примечания к первым трем параграфам Приложения к Плутарху (они, по крайней мере в одном случае, представляют собой самостоятельные разработки в виде примечаний и черновых каталожных листков) являются собственноручными текстами Маркса<sup>1</sup>. Поэтому кажется правдоподобным полагать (также из-за бессвязного содержания последнего из этих примечаний по отношению к Плутарху, полностью касающегося Шеллинга и против него), что данные дополнения Маркс ввел *ex novo* (заново) и предназначал для публикации. Они не были скопированы секретарем-переписчиком: это подтверждает, что работа по копированию была прекращена, и это действительно можно заключить из 33 страниц, оставшихся пустыми в ожидании новой редакции IV и V глав части I. Следует отметить, что на всем протяжении в тексте этого экземпляра «диссертации» встречаются вмешательства и поправки от руки переписчика, чередующиеся с собственноручными вмешательствами Маркса: это означает, что и новый экземпляр текста, и его исправления появлялись одновременно.

Итак, то, что мы имеем и называем «Докторской диссертацией Карла Маркса», представляет собой незавершенную рукопись, в которой, помимо страниц, исписанных переписчиком, появились собственноручные тексты Маркса, а главы, подлежащие радикальному переписыванию, были опущены, зато осталось место, необходимое для размещения новой версии. То, что мы имеем, является неточной копией той диссертации, которая была представлена на философский факультет университета Йены, а «гибридом», более продвинутым, чем официальная копия, но неполным: неполная вторичная копия с исправлениями и дополнениями, подготовленная в более позднее время<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См. таблицу после с. 400 исследования Сабетти с переводом диссертации (La Firenze: Nuova Italia, 1962). В описании МЕГА2 (Bd. 1, Apparat. S. 885) данная «деталь» пропущена.

<sup>2</sup> Возможно, одной из первых новых частей была именно Vorrede, на которую ссылался Бауэр (неизвестно, насколько он ее знал) уже 12 апреля 1841 года.

Строго говоря, даже антиплутарховское Приложение могло появиться – хоть частично – позже, именно на втором этапе работы. Показательно, что в основной части диссертации нет ни ссылок, ни предварительных упоминаний Приложения, хотя с Плутархом автор часто ведет полемику. И вместо этого именно в (позднем) Предисловии отмечается предвосхищение темы, которую мы нашли в обширном рукописном примечании Маркса в § 3 Приложения, полемически направленной против Шеллинга. «В этой критике, – написал Маркс в Предисловии, – остается, помимо прочего, незатронутым также и то, насколько неправильна вообще точка зрения Плутарха, когда он привлекает философию пред судилище религии»<sup>1</sup>. И не случайно уже во втором примечании к § 1 Приложения Маркс использовал и процитировал «Систему природы» Гольбаха для опровержения идеи Плутарха о подчинении философии религии.

И, возможно, есть еще и внешний признак. На правом верхнем поле (каллиграфического) титульного листа встречается два быстрых примечания, рукой Маркса, второе из которых следует читать *Anhang* («Приложение»), а первое, скорее всего, *fertig* («готово»)². Данные беглые отметки – адресованные переписчику? – вполне могут согласовываться с гипотезой о рождении или включении Приложения в фазу доработки текста.

Тот факт, что в Приложении имеются примечания только к первым трем абзацам, которые, хоть отчасти, были написаны от руки Маркса и прежде всего представляют собой «отвлекающее» разделение по отношению к Эпикуру (живая полемика против Шеллинга и деструктивная критика знаменитых «доказательств существования Бога»³), все это, кажется, подтверждает недавнее возникновение Приложения.

Очевидно, такое предположение о композиционной стратификации, исходя из материального состояния рукописи, не является

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. Предисловие. С. 153.

<sup>2</sup> См. по этому поводу содержательное обращение: Schmidt E.G. // Philologus. 1977. № 121. S. 277. Шмидт уверен, что эти два слова не были написаны одновременно.

<sup>3</sup> С явной ссылкой на кантовское опровержение «онтологического доказательства».

самоцелью: оно важно, поскольку помогает проследить и понять быструю эволюцию мысли и убеждений Маркса (от письма к отцу к первой, а затем ко второй разработке диссертации).

Поскольку две каллиграфические копии были созданы в разное время, а вторая – с иными целями, чем первая, нам следует признать, что мы не знаем точно, как выглядела первая и официальная копия этой докторской диссертации, принятая с отличной оценкой Комиссией по предложению декана Карла Фридриха Бахмана.

Но нас наводят на мысль, что лояльный надворный советник Бахман (автор, среди прочего, в 1835 году весьма христианского «Антигегеля») вряд ли оценил бы явную антирелигиозную полемику Предисловия или заключительную отметку в § 3 Приложения.

Отметим на полях, что расположение этого текста в используемых печатных изданиях (MEW и MEGA2) в некоторых случаях вводит в заблуждение. В частности, не имеет смысла помещать – как угодно – в конец текста напичканный исправлениями и запоздалыми переформулировками черновик нового Предисловия: он размещен рукой Маркса на полях предпоследней и последней страниц VI тетради диссертации: внизу страницы на неисписанном месте<sup>1</sup>. Очень показательна текстовая ситуация, вновь подтверждающая образ теперь уже доктора Маркса, который в связи с подготовкой экземпляра к печати «возобновил работу на объекте», забрал материалы, над которыми он работал, и в откровенном виде добавил к ним и те убеждения, которые уже созрели у него по мере того, как работа шла и подходила к завершению, и те созревшие впоследствии или уже скрытые тогда.

Утонченная работа вокруг диссертации вскоре отошла на второй план, или, во всяком случае, у Маркса в то время появились другие дела. В письме Бауэра к Марксу от 26 января 1842 года говорится теперь о совершенно других заботах. Бауэр и Маркс только что опубликовали вместе (под своими совместными инициалами «Б.М.») «Учение Гегеля о религии и искусстве» и обсуждали возможность покупки других экзем-

<sup>1</sup> Факсимиле можно увидеть на странице 58 тома I.1 MEGA2.

пляров в дополнение к авторским. Бауэр настойчиво давил на Маркса: «Почему Вы больше не сотрудничаете с *Rheinische Zeitung?* (Рейнской газетой)». В том же январе Маркс был полностью занят написанием статьи (непринятой, но затем опубликованной Арнольдом Руге в Швейцарии в 1843 году) против новых положений прусского правительства о цензуре печати<sup>2</sup>. Дальнейшая доработка диссертации дальше не пошла. А 16 марта 1842 года Бауэр объявил Марксу, что он был освобожден от должности преподавателя и потому собирается покинуть Бонн: он поедет «в Берлин или куда-нибудь еще на Восток, чтобы указывать путь другим людям»<sup>3</sup>. Так и завершается данная история.

В настоящее время рукопись докторской диссертации по причинам, которые будут объяснены ниже, находится в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Адрес: Нахлас Маркс–Энгельс, А3.173.

### 3

Таким образом, стоит обратить внимание на то, *когда и какими методами* был обнаружен этот текст.

Маркс больше не думал о том, чтобы опубликовать «диссертацию». Так же как и Энгельс, который пережил его на 12 лет, дожив до 1895 года, и приложил руку к неопубликованным работам своего друга. Первым посмертным изданием сочинений Маркса был результат переработки материалов, именовавшихся тогда вторым (1885) и третьим (1894) томами «Капитала» в виде единого завершенного труда (того, чем они изначально не являлись). Данная операция уже только с филологической точки зрения оказывается тревожной. В те годы *Nachlass* (наследие) – беспорядочная масса неопубликованных текстов – все

<sup>1</sup> MEGA2 III.1. S. 369.

<sup>2</sup> Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая): Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИГЛ, 1955. Т. 1. С. 30–84. (5 мая 1842 г. в *Rheinische Zeitung* (Beiblatt) появилась его неподписанная статья на ту же тему.)

<sup>3</sup> MEGA2 III.1. S. 371. В том же письме он заговорил о недавней смерти Людвиг фон Вестфалена.

еще находилось у его дочери Элеоноры (которая умерла в возрасте сорока лет в 1898 году). Но очевидно, что «заправлял» этими неопубликованными произведениями Энгельс.

В 1902 году Иоганн Генрих Дрец (1843–1922), исторический «официальный» издатель Немецкой социал-демократической партии (СДПГ), опубликовал в Штутгарте первый том из четырех, озаглавленный «Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассалья» под редакцией Франца Меринга (1846–1919), какое-то время воинствующего последователя Лассалья. (Не следует забывать, что именно с Эрфуртской программой [1891] СДПГ окончательно «выбрала» Маркса и «убрала» Лассалья.)

В этом первом томе на страницах 63–118 была размещена докторская диссертация Маркса, но в нем отсутствовали тетради с подготовительными материалами. Это было возможно, потому что Меринг имел доступ к наследию Маркса, находившегося в то время у Лауры Лафарг, второй дочери Маркса и жены французского социалиста Поля Лафарга<sup>1</sup>. Меринг долгое время был усердным сотрудником социал-демократического журнала «*Die Neue Zeit*», которым руководил крупный теоретик левых социал-демократов, а также сторонник и бывший секретарь Энгельса Карл Каутский (1854–1938). Хотя в прошлом Меринг – как он сам написал в «Жизни Маркса» – был на стороне Лассалья (основателя партии) против Маркса<sup>2</sup> в партийных спорах, Лаура Лафарг очень верила в Меринга и восхищалась его глубокой честностью и преданностью памяти Маркса. В 1910 году, например, Лаура хотела и даже требовала, чтобы Меринг участвовал в большом проекте – издании переписки Маркса – Энгельса (*Briefwechsel Marx-Engels*), которое завершилось в 1913 году под руководством Бернштейна (1850–1932) после смерти Лауры. Между тем наследие Маркса и Энгельса также, по крайней мере частично, перешло в архив Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

<sup>1</sup> Оба покончили жизнь самоубийством в г. Дравее, где они жили, в 1911 году. Меринг упомянул их в «*Neue Zeit*» (1911–12. № 30. S. 337–343).

<sup>2</sup> См.: *Mehring F. Vita di Marx*, trad. Op. cit. P. XLVI.

Меринг возлагал надежды на доверительные отношения с Лаурой Лафарг, которая «с целью публикации доверила ему некоторые сокровища литературного наследия Маркса», в том числе письма Лассалья к Марксу<sup>1</sup>. После работы над четырьмя томами «неопубликованного» (первый из которых, как уже было сказано, включает в себя докторскую диссертацию) и после непростого участия в проекте *Briefwechsel* Меринг начал готовиться к запланированной публикации биографии Маркса («Карл Маркс – история его жизни»), для чего он также воспользовался помощью Розы Люксембург (чья помощь оказалась очень значительной при написании главы XII части III, благодаря которым содержание книг II и III «Капитала» получило «популярность» (текущие «конспекты» резюмировали том I, который Маркс издал при жизни). Но данная биография, еще до того как была завершена и опубликована, подверглась критике Каутского – как «политической» (ее признали слишком снисходительной к Лассалю и Бакунину), так и этической (воспользовался добрыми намерениями Лауры Лафарг и обманул доверие). И этого было недостаточно. Потом была проведена масштабная атака (почти 60 страниц в «*Neue Zeit*»), порученная Каутским Давиду Борисовичу Рязанову. Меринг в предисловии (от марта 1918 года) к «Жизни Маркса» обвинил Рязанова в *Gewissenlosigkeit* («бессовестности») и *Sinnlosigkeit* («глупости»). И Каутского, и Рязанова он назвал *zwei Zionswächter des Marxismus* («двумя сионскими стражами марксизма»<sup>2</sup>) и обвинил их обоих в *Gesinnungsterrorismus* («идеологическом терроризме»).

И он уверял читателя, что сам не дал себя запугать и не изменил своей трактовки «ни на волосок». «Я представлял, – написал он, – отношения Лассалья и Бакунина с Марксом в соответствии с условиями исторической правды, не принимая во внимание (*unter gänzlichen Missachtung*) партийную легенду (*der Parteilegende*)».

<sup>1</sup> *Mehring F. Vita di Marx* (Introduzione, datata “marzo 1918”). Op. cit. P. XLVI.

<sup>2</sup> Об этом см.: *Frigida F. I guardiani del monte Sion*, «*L'Osservatore Romano*» 28 giugno 2017.

А в абзаце, любопытным образом исчезнувшем в итальянском переводе Editori Riuniti [1966, 1972, 1976]<sup>1</sup>, он заговорил об этих своих критиках, возможно, в более общем смысле, как о «марксистских попах» (*Marxpfaffentum*). Он к этому добавил: «Если бы Маркс был тем скучным образцовым мальчиком (*Musterknabe*), каким они его выдумали, я бы никогда не стал писать его биографию!»<sup>2</sup>

Март 1918 года. Уже почти год (апрель 1917 года) «Союз Спартака», с которым тесно связан Меринг (книга посвящена Кларе Цеткин), был автономным политическим образованием (лидеры которого, Роза Люксембург и Карл Либкнехт оба находились в тюрьме) во все более острой полемике с «независимыми» социалистами (НСПГ), которые откололись от СДПГ и которых возглавляли такие лица, как Каутский<sup>3</sup>. Возмездие Мерингу за недостаточную «лояльность» Марксу также является результатом этих ожесточенных конфликтов.

Политический раскол между Розой Люксембург, Францем Мерингом, Кларой Цеткин, с одной стороны, и Каутским, с другой, скоро обострился еще больше. После «ноябрьской революции» Каутский будет работать рядом с «социалистическим» правительством, Люксембург и «Союз Спартака» окажутся в оппозиции.

В конце года (декабрь 1918 года) «Спартак» станет КПГ (Коммунистической партией Германии). Также имел значение тот выбор, который необходимо было сделать в отношении победы большевиков в России, и те решения, которые необходимо было в связи с этим принять; эта победа получила поддержку (хотя с немалыми критическими оценками) «Спартака»<sup>4</sup>, который в том числе и по этой причине стал КПГ, в то время как Люксембург запустила призыв к новому Интернационалу.

<sup>1</sup> См. издание 1972 г., с. XLVI.

<sup>2</sup> Этого тоже нет в итальянском переводе.

<sup>3</sup> См., в частности: *Badia Gilbert*. Le saprtakisme [пер. на итал. Savelli. Roma (1970) 1976]. P. 92–93.

<sup>4</sup> См. письмо Меринга Ф. от имени «Спартака» в ПКР. (3 июня 1918 г.), цитировано в: *Broué P.* Révolution en Allemagne [1971] [пер. на итал. Einaudi]. Torino, 1977. P. 121.

Давид Борисович Рязанов (при рождении – Гольдендах) (1870–1938), который ныне вошел в историю за его большие филологические заслуги в отношении наследия Маркса и, в данном случае, докторской диссертации, был трудно классифицируемым лицом в плане политических раскладов (в то время драматических, если не смертельных).

Атака, предпринятая Мерингом в марте 1918 года, может показаться обескураживающей. Но в тот момент Рязанов был больше известен не как «человек из Москвы» (каким он мог показаться позже), а как человек, обладающий качествами, присущими немецким социалистическим лидерам (у Каутского, а точнее, у СДПГ, находилось рукописное наследие Маркса–Энгельса). Поэтому, когда Меринг назвал его «сионским стражем партийной доктрины», он имел в виду приверженность Рязанова не столько русскому большевизму<sup>1</sup>, сколько ортодоксальности СДПГ/УСПД (и поэтому он связал его с высококвалифицированным идеологом Каутским). Но для Рязанова было важно именно рукописное наследие Маркса–Энгельса и та версия его, которую (может быть) он уже планировал издавать. Хорошо с ним знакомый анархо-коммунист психиатр Фриц Брубахер (1874–1945) писал, что он был способен совершить ночное путешествие в вагонах «четвертого класса» без отопления из Вены в Лондон для проверки запятой в рукописи Маркса<sup>2</sup>.

Сотрудничество Рязанова с ведущими членами СДПГ (которая являлась обладателем рукописного наследия Маркса–Энгельса) с целью публикации их произведений началось еще во время войны. Вернее, началось в Штутгарте в 1917 году у официального издателя<sup>3</sup> СДПГ Иоганна Генриха Дитца (1843–1922) с двумя томами сочинений *Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels*<sup>4</sup> (1852–1862) под редакцией Рязанова

<sup>1</sup> Он вступил в партию большевиков вместе с Троцким летом 1917 года.

<sup>2</sup> *Brubacher F.* 60 Jahre Ketzer. Ich log so wenig wie möglich, Selbstbiographie, Zürich [1935]: Verlagsgenossenschaft, Ruppli 1973. P. 183–184.

<sup>3</sup> Центральное партийное издательство СДПГ с 1906 г.

<sup>4</sup> Полное собрание сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

ва: оно явилось плодом его неустанных исследований, проводившихся в годы, предшествовавшие началу войны, после его освобождения из царской тюрьмы в 1907 году в архиве СДПГ и в Британском музее в г. Лондоне (здесь особое внимание уделяется коллекциям американских газет, с которыми Маркс и Энгельс сотрудничали в десятилетие 1852–1862 гг.).

В следующем, 1918 году, как уже было сказано, Рязанов опубликовал в журнале Каутского «*Neue Zeit*» («Новое время») критические тезисы объемом около шестидесяти страниц, сильно разозлившие Меринга. Тем временем Рязанов вернулся в Россию, вступил в партию большевиков, занимался развитием профсоюзных организаций, в частности профсоюза железнодорожников.

В 1924 году его друг Карл Грюнберг (1861–1940) стал директором *Института социальных исследований* во Франкфурте, который являлся с 1909 года учредителем журнала «Основные труды по социализму и социальной политике»<sup>1</sup> и директором с 1911 года периодического журнала «Архив истории социализма и рабочего движения», который выпускался в г. Лейпциге издательством «Хиршфельд». В этом журнале в томе XI (1925) появилось две статьи: Рязанова и Грюнберга. Рязанов возвещал о возникновении (в результате трудного процесса) издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса (которое скоро будет *Marx-Engels-Gesamtausgabe* [= *MEGA*]): «Последние сообщения о литературном наследии Карла Маркса и Фридриха Энгельса». Сразу же следом шла статья Грюнберга, в которой раскрывались некоторые из первых результатов проводимых исследований в контексте *рукописного наследия*: «Маркс как абитуриент», то есть как «гимназист» и автор язвительных, но и интересных текстов, таких как сочинения и другие материалы, связанные с экзаменом на аттестат (сочинение по немецкому языку, сочинение по религии, реферат на латыни).

Работа Рязанова («Последние сообщения...») включала среди прочего текст соглашения, к которому Грюнберг искусно подтолкнул Франкфуртский институт, руководство СДПГ

(в частности, не сильно восторженного Эдуарда Бернштейна) и Институт Маркса–Энгельса [МЭИ] в Москве (в лице Рязанова). Напрасно, даже по просьбе Ленина (своего современника), Рязанов пытался купить *рукописи*; вместо этого он получил возможность приступить к полному микрофильмированию материала. Верхушка СДПГ не имела намерения систематически и научно публиковать все наследие Маркса–Энгельса<sup>1</sup>, но в то же время являлась «ревнивым» хранителем наследия. Со своей стороны Рязанов, получивший «зеленый свет» на русскоязычное издание всех сочинений Маркса–Энгельса, был убежден, что издание на языке оригинала могло появиться только в Германии. Шедевром, благодаря мастерству и упорству двоих (Грюнберга и Рязанова), стало создание специального издательства с официальной штаб-квартирой во Франкфурте, тесно связанного с Институтом социальных исследований (но публикация должна была состояться в Лейпциге в издательстве *J.B. Hirschfeld*), для издания «Собрания сочинений Маркса и Энгельса [MEGA]»: «Архив Маркса–Энгельса – Издательское товарищество (*Verlagsgesellschaft mbH*) для содействия изданию полного издания Маркса–Энгельса» [MEAV]. Так и появился первый том MEGA во Франкфурте, издательство MEAV, в 1927 году под редакцией Рязанова. Экономическая поддержка компании фактически исходила от Института социальных исследований [IfS] через «Общество социальных исследований» (*Gesellschaft für Sozialforschung*) [Gfs], администратором которого был Феликс Вайль (1898–1975), а Фриц Поллок (1894–1970) был первым руководителем нового издательства. Отношения с советскими представителями в определенном смысле символизируют именно путь Поллока в те годы (конец 20-х – начало 30-х годов). Он оставался в СССР в 1927–1928 годах и окончил докторантуру в 1928 году, защитив диссертацию по плановой экономике: «Опыт плановой экономики в Советском Союзе 1917–1927 гг.».

<sup>1</sup> Об этом ср. также: *Hobsbawm E.* La fortuna delle edizioni di Marx e di Engels // AA.VV., *Storia del marxismo*, I, Einaudi, Torino 1978. P. 362; *Musto M.* Odissea e nuove prospettive dell'opera di Marx // *Alternative*. 2005. III, 4 (agosto-settembre). P. 152.

<sup>1</sup> См.: URL: <https://zdb-katalog.de/title.xhtml?idn=01371449X&view=full>

Еще в 1923 году Рязанов сообщил Ленину, что Бернштейн разрешил только издание на русском языке (советское)<sup>1</sup>. Для запуска этого «гибрида» был оговорен контракт, к которому Грюнберг добавил сноску, расширяющую достигнутый компромисс на дальнейшую инициативу (фактически МЕГА); в конце концов Грюнбергу было поручено перевести документ соглашения SPD-IfS-MEI на немецкий язык. Вот текст сноски: «Во время печати состоялись переговоры между Институтом Маркса–Энгельса в Москве и *Gesellschaft für Sozialforschung*, с одной стороны, и руководством СДПГ, с другой, в результате которых было основано в Франкфурте издательство [= MEAV], представляющее общий интерес, которое будет выпускать, опираясь на рукописи, находящиеся в архиве СДПГ, полное издание (*Gesamtausgabe*) сочинений Маркса и Энгельса примерно в 40 томах»<sup>2</sup>. Рязанову было необходимо введение MEAV для того, чтобы *Gesamtausgabe* вышло в Германии, а Грюнбергу это было нужно для преодоления парализующей враждебности и противодействия со стороны руководства СДПГ.

Естественно, данная работа не могла не оказаться тяжелой: издательское товарищество во Франкфурте, редакция в Берлине, типография в Лейпциге. Тем временем MEAV также издавал I и II тома Архива Маркса–Энгельса. Для организации работы штаб-квартиру MEAV пришлось перенести в Берлин, и второй том (1929) МЕГА вышел именно в Берлине (то же издательство, та же типография). Очень крепкая дружба между Рязановым и Грюнбергом вдохновила обоих на новые проекты: например, *Monumenta Socialismi Historica* («Исторические памятники социализма»), планировавшиеся Грюнбергом (с ссылкой на Моммзена). Также по инициативе Рязанова было достигнуто согласие Советского правительства (ноябрь

<sup>1</sup> См.: *Lenin W.I. Briefe. Bd. VII: November 1920-Juni 1921 / W.I. Lenin. – Berlin: Dietz, 1970. S. 65.*

<sup>2</sup> Точную и эффективную реконструкцию этой политико-редакционной статьи привел Томас Кучински (бывший руководитель Высшей школы Берлинской академии наук, ликвидированной после присоединения ГДР к Федеративной Республике): *Anfang und Ende der ersten Marx-Engels Gesamtausgabe // UTOPIE-kreativ. 2002. № 140, S. 545–561.* Тщательно документированная и необыкновенно убедительная статья.

1927 года). В начале 1929 года у Грюнберга случился инсульт, и его активная жизнь была прервана.

Рязанов почти в одиночку и благодаря своему международному авторитету поддерживал данное сотрудничество между советскими учреждениями культуры и немецкими социалистическими левыми. В 1927/1928 году Карл Форлендер, социал-демократический академик неокантианской направленности, подготовил биографию Маркса, которая была опубликована в Лейпциге в 1929 году, и сердечно поблагодарил в предисловии «Директора архива Маркса–Энгельса в Москве, профессора Рязанова», за тщательную подготовку корректуры тома I. 2 его большого критического издания работ [Маркса], поблагодарил профессора Карла Грюнберга «за помощь в поисках нескольких иллюстраций» и, наконец, выразил благодарность «архиву СДПГ в Берлине»<sup>1</sup>.

## 5

Именно в рамках такой сложной и выстраданной ситуации Рязанов при драгоценной поддержке Грюнберга смог продолжить работу и разыскать в архиве СДПГ те подготовительные материалы («Тетради») докторской диссертации Маркса, которые Меринг, видимо, посчитал ничтожными: семь очень плотных «Тетрадей по эпикурейской философии». Они ценны не только тем, что почти все датированы («зима 1839 г.», «летний семестр 1839 г.» и т. д.), но в первую очередь тем, что документируют способ работы Маркса с греческими<sup>2</sup> и латинскими текстами, постепенное формирование концептуальной структуры всей работы, а также то, как он все более и более зрело выдвигал критику против Гегеля, «теоретического противника» эпикуреизма. Рязанов также восстановил примечания

<sup>1</sup> Совершенно необычно, что Делио Кантимори в приступе гиперортодоксии испытывал необходимость сократить данную биографию Маркса и высмеять ее автора как «немецкого профессора» (и неокантианца вдобавок) в *Rinascita*. Ноябрь-декабрь 1946 г. (= *Studi di storia*. Torino: Einaudi. № 1. P. 227–237).

<sup>2</sup> По этому поводу приходит на ум смехотворная теория В. Ниппеля, согласно которой Маркс делал вид или хвастался, что знает греческий язык (*Anabases*. 2005. № 2. P. 19, n. 46: *Marx fanfaronne quelque peu...*).

к диссертации (но в издание он вставил не пространные места, а простое указание на отдельные отрывки).

Меринг имел доступ к бумагам Маркса, когда они еще находились у Лауры Лафарг: в 1902 году все эти материалы еще не попали в архив СДПГ. Намерение Меринга состояло в том, чтобы обнаружить важную находку: диссертацию, которая считалась утерянной. Подготовительные и научные материалы выходили за рамки его нефилологической точки зрения. Что же касается Рязанова, то весьма вероятно, что, когда он в 1925 году опубликовал в журнале Грюнберга «Последние сообщения...», а в том же номере Грюнберг опубликовал гимназические сочинения Маркса, он уже нашел новые драгоценные материалы по диссертации.

Однако такое издание еще было невозможно считать «полным» из-за решения не расшифровывать полностью греческие и латинские отрывки, цитируемые Марксом. Только предоставив их полностью, в том виде, в котором Маркс их выбрал, резюмировал и записал, стало бы возможно систематически идентифицировать использованные издания и любые вариации (преднамеренные или нет) по отношению к ним. У двадцатилетнего Маркса, занимавшегося критическим сбором материалов в 1838/39 году, уж точно не было собственной греко-латинской библиотеки. (Позже он образовал свою библиотеку, но, бежав из Германии, был вынужден оставить ее в Кёльне; и когда он добился, чтобы эту библиотеку прислали ему в страну изгнания, он обнаружил, что она была частично разграблена<sup>1</sup>.) Для работы над диссертацией он посещал берлинские библиотеки. Маркс прочел Эпикура с комментариями Пьера Гассенди к десятой книге Диогена Лаэртского (Лион, 1649), Плутарха в изд. Ксиландера, Лукреция в издании *cum notes variorum* (с различными примечаниями) под редакцией уже упомянутого Генриха Карла Авраама Эйхштадта (Лейпциг, 1801)<sup>2</sup>. Ситуация с Секстом Эмпириком менее ясна.

<sup>1</sup> См.: Augusto figlio di Dio. Roma; Bari: Laterza, 2015. P. 20–21.

<sup>2</sup> См. выше, § 2. Эйхштедт (1772–1848), глава Латинского общества, профессор в Йене, а затем в Веймаре, переписчик Гёте, оставил свое издание Лукреция незаконченным: второй том, который так и не был опубликован, предполагалось, что он будет содержать примечания Уэйкфилда и извлечения из материала основных предыдущих изданий.

Как он обнаруживал фрагменты? Маркс, по-видимому, не использовал собрание фрагментов греческих и римских философских текстов Генриха Риттера и Людвига Преллера, которое было только что опубликовано в Гамбурге (*Historia Philosophiae Graeco-Romanae ex fontium locis contexta, Perthes, Hamburg 1838*) и которое на страницах 40–54 содержит несколько фрагментов и свидетельств о Левкиппе и Демокрите (это номера 75–91 сборника). Цитаты не совпадают. Напротив, он использовал страницы о Демокрите из «Истории философии» Риттера (Гамбург, том I, 1829 г.): Маркс процитировал Риттера, подчеркивая свое несогласие с ним из-за его «отталкивающе морализующей манеры»<sup>1</sup> против Демокрита в пятой тетради. Последние страницы этой тетради он посвятил ему. Помимо собрания фрагментов Риттера-Преллера, в то время не существовало значительных коллекций фрагментов философских произведений. (Издание семьей Дидо большого собрания Муллаха<sup>2</sup> началось в 1860 году и продолжалось в течение десятилетия.) Таким образом, начиная с великих сохранившихся авторов (Диоген Лаэртский, Плутарх, Секст Эмпирик и, очевидно, Лукреций), Маркс в ходе своей работы создал зачаточную коллекцию фрагментов, «взятых» из этих авторов. Это не было его прямой целью, но на самом деле, особенно в случае с Демокритом, это достижение. Поэтому работа по определению изданий, использованных в многочисленных примечаниях к тексту диссертации<sup>3</sup>, была неоценимой. И поэтому можно сделать вывод, что первым действительно полным изданием является «второе МЕГА» [1975] (хотя и разделенное на тома I, 1–2 и IV, 1–2), которое мы сейчас обсудим.

<sup>1</sup> Маркс К. Тетради по эпикурейской философии. Тетрадь пятая // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 117.

<sup>2</sup> Фридрих Вильгельм Август Муллах (Friedrich Wilhelm August Mullach, 1807–1882) – немецкий классический филолог, византист и историк философии. Здесь речь идет о его знаменитых *Fragmenta Philosophorum Graecorum* (Фрагменты греческих философов), опубликованных семьей Дидо в Париже в 1860–1881 году. Трехтомник был первым собранием досократиков, а также содержал фрагменты более поздних авторов, в частности, Клеанта.

<sup>3</sup> Теперь в <sup>^</sup>МЕГА2 I, 1. S. 59–91.

Подготовка Рязановым издания не прошла гладко ни в смысле продвижения печати, ни с точки зрения сохранения оригиналов (т. е. *Nachlass*, принадлежащего СДПГ).

С 1929 по 1932 год тома МЕГА продолжали появляться в Берлине по описанной выше процедуре, при вынужденном сотрудничестве между Московским ИМЭ и архивом СДПГ (как известно, большая часть материала была микрофильмирована Рязановым в силу соглашения, заключенного при поддержке Грюнберга). В 1933 году все изменилось. СДПГ, которая чуть не стала нелегальной партией, предусмотрительно перевезла свой архив в Нидерланды, в Международный институт социальной истории (Амстердам), где он и находится по сей день. Берлинская серия прервалась, и последующие тома начали выходить в Москве. Первым из томов, вышедшим в Москве (под редакцией ИМЭ и с одобрения ЦК КПСС), является том VII, содержащий, между прочим, «Манифест» (М.: Л., 1933).

Между тем личное положение Рязанова резко ухудшилось. Арест Исаака Рубина, одного из его сотрудников, обвиненного в членстве в так называемом «меньшевистском центре» (или «Объединенном бюро меньшевиков»), в результате принудительных «признаний» привел к обвинениям в адрес самого Рязанова, который якобы скрывал в архиве института «секретные документы» того «центра». В начале февраля 1931 года он был освобожден от должности в Институте Маркса–Энгельса (ИМЭ), исключен из партии и переведен в Саратовский университет в качестве библиотекаря. «Обвиненный в госизмене, замешанный чисто произвольно в так называемом деле меньшевиков, – написал Борис Суварин, – пожилой ученый был отстранен от суда, что помешало ему защищаться; «его книги превратились в кашу, его издания сочинений Маркса и Энгельса были запрещены, основанный им институт был вновь поглощен Институтом Ленина»<sup>1</sup>.

На первый взгляд смущает то, как Троцкий в «Вестнике оппозиции» (1931. № 20. С. 7) утверждал, что вина подсудимых на «процессе о меньшевистском Центре» установлена

<sup>1</sup> *Souvarine B.* Stalin [1930–1935] [итал. перев. Адельфи] Milano, 1977. P. 649.

«неопровержимым образом» (хотя позже он изменил свое мнение по этому поводу в палинодии 1936 года<sup>1</sup>). Возможно, это объясняет, почему тенденциозно протроцкистский историк, такой как Эдвард Халлетт Карр, говоря о событиях последних лет, настаивал на сотрудничестве Рязанова с меньшевистской прессой, издававшейся в Германии<sup>2</sup>, и при любой возможности представлял Рязанова в негативном свете. Не менее показательно и то, что Исаак Дойчер даже в обширной трилогии о Троцком ни разу не упомянул Рязанова, несмотря на то что последний был едва ли не самой яркой в интеллектуальной сфере жертвой «Большого террора». Арестованный в 1935 году, вновь арестованный в 1938-м, Рязанов был судим и расстрелян в тот же день, 21 января 1938 года, на этот раз уже не как «меньшевик», а как «правый оппортунист-троцкист».

Издание МЕГА продолжалось без Рязанова до т. XII (1935), после чего оно было прервано и вместо этого продолжалось в русском переводе, а ИМЭ угас и слился с Институтом Маркса–Энгельса–Ленина согласно концепции «марксизма-ленинизма». С 1931 года Рязанова на руководящем посту Института Маркса–Энгельса в Москве сменил Владимир Викторович Адоратский (1878–1945), который также посвятил себя «теоретической» пропаганде, о чем свидетельствует его книжечка, переведенная в Лондоне (издательство Мартин Лоуренс) в 1934 году – о диалектическом материализме. Он был послушным человеком. (В книжечке он дистанцировался от Бухарина и от его «меха-

<sup>1</sup> См. по этому поводу правильную критическую оценку Роя Медведева: Неизвестный Сталин. Roma: Editori Riuniti, 1980. P. 124–125, 133 сн. 22.

<sup>2</sup> *Carr E.H.* The Interregnum, 1923–1924. London: MacMillan & Co., 1954, trad. it. col titolo La morte di Lenin. Torino: Einaudi, 1965. P. 91 прим. Речь о «Социалистическом вестнике», который стал все более антисоветской газетой. «Среди его постоянных осведомителей, – написал Карр, – фигурировал Рязанов, который всегда гибко относился к партийной дисциплине». На этот способ самовыражения, по-видимому, повлияли судебные акты: «был в числе осведомителей (антисоветского журнала)» и «партийная дисциплина» – два весьма показательных лексико-стилистических признака. Далее, говоря о губернской конференции ПКР в Москве (10 января 1924 г.), Карр ссылаясь на выступление Рязанова на этой конференции и определил его как «странное движение», не уточняя при этом характер данной «странности» (с. 309).

нистической» интерпретации марксизма.) Он также был опытным архивистом. Но подобного «профиля» нового директора оказалось недостаточно для спасения Института и МЕГА. Кроме того, издание на немецком языке и (до 1932 г.) в Германии по общей инициативе советского учреждения, Института социальных исследований (ИС), считавшегося близким к СДПГ, и архива СДПГ безнадежно противоречило «линии» «социал-фашизма» в 1929 году, что повлекло за собой полный разрыв, в частности, с немецкой социал-демократией (с естественной почвой «меньшевистской» эмиграции).

## 7

В послевоенной Германии – два германских государства образовались в 1949 году – вновь была поставлена цель полного издания на немецком языке сочинений Маркса и Энгельса после серьезного июньского кризиса 1953 года. В Германской Демократической Республике (ГДР) с 1956 года, еще одного чрезвычайно критического года, тома серии MEW (Marx Engels Werke) стали появляться с поразительной скоростью. Данные куратора не указаны: единственный куратор – «Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ [*Sozialistische Einheitspartei Deutschlands*]». В первом абзаце «Предисловия к немецкому изданию» уточняется, что это «немецкое издание соответствует (*hält sich*) с небольшими изменениями новому русскоязычному изданию под редакцией Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС» и что «критерии (*Prinzipien*), заявленные в Предисловии этого издания на русском языке, – упорядоченность материала, широта и т. д. – применялись также в немецком издании» (I, с. IX). В конце (с. XIX) сказано, что «на основании имеющихся оригиналов или фотокопий (*nach vorliegenden originalen oder Fotocopien*) текст проверен (*überprüft*)». Следуют два переведенных на немецкий язык предисловия ко «второму изданию на русском языке» (общее предисловие и предисловие к первому тому), оба датированные «Москва 1955 г.», в которых МЕГА (I, 1927–XII, 1935) вообще не упоминается<sup>1</sup>,

<sup>1</sup> Тем более они умалчивают о далеком (в 1955 г.) от «реабилитации» Рязанове!

а имеются ссылки только на предыдущее издание на русском языке, «рассмотренное XIII съездом КПСС [май 1924 г.]» и преподносимое как «единственное полное издание литературного наследия основоположников марксизма» (с. XXI).

Первый том (MEW, I) начинается с работы Маркса, написанной в 1842 году и опубликованной в 1843-м, о новых прусских законах о цензуре (с. 3–25). Материалы до 1842 года, включая докторскую диссертацию, отсутствуют. Они были восстановлены в 1968 году в «Дополнении» (*Ergänzungsband*). Причины первоначального исключения объясняются в Предисловии новым изданием на русском языке<sup>1</sup>, вышедшим в то же время: «Настоящее издание рассчитано на широкий круг читателей и не является полным, академическим изданием всех произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Так, во второе издание [аллюзия на первое, т. е. у Рязанова] не включены: докторская диссертация К. Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», памфлеты Ф. Энгельса «Шеллинг о Гегеле», «Шеллинг и откровение», «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса и др. Эти произведения будут выпущены отдельным изданием (*werden gesondert erscheinen*)<sup>2</sup>.

Но Предисловие (1955) к русскоязычному изданию несколько своеобразно с точки зрения порядка изложения. Через десять страниц – в конце – снова появляются сведения, касающиеся исключения текстов Маркса и Энгельса. Но на этот раз причины исключения названы. Вот они:

«В первый том настоящего издания не включены некоторые ранние произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, написанные ими с идеалистических, левогегельянских позиций: докторская диссертация Маркса “Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура”, философские памфлеты Энгельса против Шеллинга и некоторые публицистические работы. Не включена также незавершённая работа К. Маркса “Экономическо-философские рукописи 1844 года”. Те из ранних произведений Маркса и Энгельса, которые пред-

<sup>1</sup> МЭВ I, 1956. С. XXII.

<sup>2</sup> См.: Предисловие ко второму изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИЛЛ, 1955. Т. 1. С. VI.

ставляют интерес для узкого круга специалистов, будут выпущены отдельным сборником»<sup>1</sup>.

Ложный характер оснований для исключения проявляется тем, что рукописи 1844 года были исключены, поскольку они ранние работы, в то время как том включает другие сочинения, относящиеся к 1842–1844 годам.

Не менее неприятно и исключение докторской диссертации, поскольку та была «сочинена с идеалистической точки зрения». Обоснованное подобным образом исключение вызывало еще больше смущения, так как предыдущее издание на русском языке, выпущенное параллельно с рязановским изданием (MEGA1), включало диссертацию. «Второе» издание было выпущено в целях осуществления данного грубого «исключения», которое нашло точное отражение в MEW в самом его возникновении (в нем, однако, объяснили исключение диссертации не тем, что она якобы окрашена «идеализмом», а, скорее, тем, что она является «академическим» артефактом).

Такой выбор не мог не вызвать реакции. Это произошло по инициативе человека, взгляды которого были весьма нестандартными в среде западногерманских левых в 1960-х годах: Гюнтер Хиллман (родился в 1922 году и активно работал в КПГ, объявленной вне закона [1956] в Федеративной Республике Германии). За это Хиллман был заключен в тюрьму (1960). Получив докторскую степень в 1963 году под научным руководством Эрнесто Грасси (1902–1992), три года работал над достойным изданием ранних работ Маркса, тех, которые были исключены из MEW (vol. I): *Маркс К. Тексты о методе и практике* (Ровольд, Гамбург, 1966)<sup>2</sup>. Первый из трех томов содержит, на основе рязановского издания, докторскую диссертацию, сопровождаемую текстами и комментариями в достойном количестве (на с. 199–201 имеется острый параграф «К изданию СЕПГ Маркса–Энгельса»). Не следует упускать из виду, что в данном случае

<sup>1</sup> Предисловие к первому тому // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1955. Т. 1. С. XV–XVI.

<sup>2</sup> Rowohlt's Klassiker der Literatur und der Wissenschaft (editi da Ernesto Grassi), *Philosophie der Neuzeit*, Band 7.

претензии от имени Маркса против догматизма СЕПГ исходят от коммунистического активиста с Запада, а не от СДПГ.

Хиллман справедливо отметил на этих страницах, посвященных MEW, что, помимо обещания (содержащегося в предисловии к русскоязычному изданию) выделить будущий специальный том для исключенных произведений, в результате процедуры, принятой и одобренной MEW, сочинения Маркса были разделены на *vollgültige* («полновесные») и *minderwertige* (менее ценные), на основании таких критериев, как наличие остатков «идеализма» или «академический» характер некоторых из этих произведений. В действительности, несмотря на бессмысленный характер издания, одновременно полного и неполного, и произвольности, с которой применялось понятие «Ранние сочинения» (*Frühschriften*), исключение некоторых сочинений по той причине, что они были еще окрашены «идеализмом», является, по правде говоря, результатом крайне противоречивого понятия «марксизм-ленинизм». Как только появилась хорошо образованная школа «смешанной» мысли (марксизм-ленинизм<sup>1</sup>), она стала инструментом, с помощью которого можно измерить даже ту часть сочинений Маркса, которая оставалась вне данной новой традиции «смешанной» мысли. Это – абсурдно антиисторическая и откровенно догматическая концепция.

По факту посмертно была установлена «система мысли», определяемая как ленинизм, к которой в качестве «предыстории» было присоединено учение Маркса: Ленин размышлял над работами Маркса и хорошо их использовал, но потом пошел своими путями, прагматически отрицая – как это было естественно для политика, борющегося с действительностью – ранее утвержденные им самим или Марксом теоретические положения. Это не должно вызывать удивления: это вполне предсказуемый исторический феномен, подтверждаемый опытом, который повторяется каждый раз, когда мысль превраща-

<sup>1</sup> Он существенно отличается от учений Маркса; ведь хоть он и берет начало от некоторых краеугольных камней теорий Маркса, он потом направился к самостоятельным доктринальным и практическим разработкам. По этому поводу очень актуально введение Витторио Страды в переводе на итальянский работы Ленина «Что делать?» (Einaudi, Torino, 1971).

ется в действие, и, однако, стремится к сохранению системы мысли, утверждая – без особых угрызений совести – ее согласованность с действием. Так же обстоят дела, если привести известный пример с христианством-константинизмом (хотя речь идет о гораздо более длительной истории, вплоть до «тридентского» христианства и далее, и все еще в процессе). Подобные концепции, поскольку они никогда формально не отрицают отправной точки, имеют «ретроактивные» функцию и применение. Отсюда и парадоксальное рассмотрение сочинений Маркса, в то время, когда он сам был «зачислен» в теоретические рамки (и в историю!) «марксизма-ленинизма в Германии»: что является названием объемного труда в нескольких томах, изданных в ГДР с 1969 года, первый том которого явно был посвящен Марксу!...

Однако некоторые ученые, работавшие в ГДР и отличавшиеся филологической внимательностью, в сложном равновесии между благоразумием и наукой, не смогли ждать, пока материализуется *дополнительный том*, который наконец «оживит» (с. 257–372) докторскую диссертацию Маркса

<sup>1</sup> Осознание всего этого никоим образом не умаляет того факта, что «марксизм-ленинизм» сам стал практически-политическим и идеологическим фактором, и его существование признавалось как сторонниками, так и противниками – учеными, заинтересованными в живой политике и в «реальностях», которые политика создает по мере своего развития. Показательна история перевода в Италию для издательства «Sansoni» (Джованни Джентиле) в 1933 году *Geschichte des Bolschewismus* («Истории большевизма») Артура Розенберга, вступительная глава которой называется «Von Marx zu Lenin, 1848–1898». В итальянском издании (подготовленном в журнале Джентиле «Leonardo» рецензией Кантимори к немецкому изданию и вновь прокомментированном в журнале «La nuova Italia» самим Кантимори по случаю выхода перевода) название стало «*Storia del bolscevismo da Marx a Lenin*» [!]. Автор предисловия, кем мог быть сам Кантимори, во всяком случае, ссылался на некоторые высказанные им концепции – определенно заговорил о «большевистских идеях, от их возникновения у Маркса до их кризиса у Сталина» (р. III). Примерно так написал Кантимори, рецензируя немецкую версию книги Розенберга в «Leonardo» (1933. IV. P. 78): «...исходный пункт теории Маркса, а вместе с ней и большевистских идей». Также в переиздании (с предисловием Вольфа Джусти) для «Leonardo» (1945) название осталось прежним, как тем послевоенным временным названием издательства «Sansoni»; и, наконец, оно было изменено на настоящее («История большевизма») в переиздании для возрожденного «Sansoni» в 1969 году (предисловие Эрнесто Раджоньери).

са<sup>1</sup>. Диссертация Маркса была опубликована в 1964 году в уединенном и чисто академическом месте, таком как серия «Йенские речи и статьи» Йенского университета им. Фридриха Шиллера: это было аннотированное переиздание версии рязановского издания под редакцией Георга Менде и Эрнста-Гюнтера Шмидта<sup>2</sup>. Решение, принятое для «разблокировки ситуации», было по-своему блестящим: из двух кураторов первым был Георг Менде (1910–1983) – старый коммунист, репрессированный при Гитлере, позже проректор Йенского университета, а также директор Института философии, а главное – железный надзиратель «марксизма-ленинизма» (а также, что не помешает, *symptomatisch und intelligent*<sup>3</sup>); другой, Эрнст-Гюнтер Шмидт (1929–1999), очень сильный эллинист и филолог, глубокий знаток эллинистической философии, особенно Эпикура, но упорный член не СЕПГ, а ХДС Восточной Германии, и также по этой причине до 1987 года (!) отстраненный от заслуженного академического положения.

Что касается плавание, в случае Э.Г. Шмидта, между наукой и благоразумием, можно отметить, как в контексте высокоученого текстуально-критического вмешательства, такого как конструктивная рецензия в «*Philologus*» (1977) к переизданию *докторской диссертации* в контексте двух томов (I.1) новой MEGA, он не отказывался время от времени называть Маркса и Энгельса не по имени, а по официальной формуле, неоднократно повторяющейся во *Введениях* MEW и MEGA2: «*Основатели научного социализма*»<sup>4</sup>. И что любопытно, прослеживая

<sup>1</sup> В советском (русскоязычном) издании этот том вышел в начале 1956 года, меньше чем через год после выхода первого тома 2-го издания Сочинений, тиражом 60 тыс. экземпляров и в переплете, идентичном переплету 2-го издания. В среде исследователей он часто именуется «нулевым томом». См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.

<sup>2</sup> Мы ссылались на исследования последнего на предыдущих страницах. Издание было возрождено с улучшениями в 1968 году.

<sup>3</sup> Так Фридрих Мёбиус определил его в мемуарах 2001 года (*Wirklichkeit, Kunst, Leben. Erinnerungen eines Kunsthistorikers*. Jena: Verlag Bussert & Stadelers, 2001. P. 88).

<sup>4</sup> *Philologus*. 1977. № 121. P. 275. Обзор имеет первостепенное значение (P. 273–284),

историю предыдущих изданий, Шмидт не упомянул йенское издание, в работе над которым он сам участвовал («При участии и т. д.»), а также – и здесь, видимо, из-за обычной политической осторожности – аннотированное издание Хиллманна, переиздание для Ровольта (1966). Он упомянул свою предыдущую работу, снова в «Philologus» (1969), когда рецензировал «Дополнительный том», только что опубликованный *Dietz Verlag* в качестве приложения к MEW (с. 132, № 8). Однако он также полемизировал против Хиллмана и его издания (1966), почти открыто обвиняя его в плагиате (с. 133, примечание 3).

Издание Менде–Шмидта было «покрыто броней» благодаря присутствию Менде, который во вложенном в издание эссе (с. 9) определил докторскую диссертацию Маркса как «начальный шаг в его эволюции в направлении диалектического материализма»<sup>1</sup>. Таким образом, юный Маркс вернулся к общепринятому учению, но в то же время была имплицитно опровергнута главная причина (идеалистическая позиция – *Standpunkt*), побудившая редакторов нового русскоязычного издания, а следовательно, и редакцию MEW исключить докторскую диссертацию (уже включенную с 1927 году в MEGA1) из «полного» собрания сочинений Маркса.

В 1983 году данная концепция нашла подтверждение, и *докторская диссертация Маркса* была признана Эрхардом Ланге и Инге Тауберт «документом», свидетельствующим об *Entwicklungsabschnitt* (об определенном этапе развития) в творчестве Маркса, целью которого было достижение независимости от Гегеля, о чем Маркс уже писал в письме своему отцу от 10 ноября 1837 года<sup>2</sup>.

поскольку он вносит серьезные улучшения в текст (не только с точки зрения орфографии).

<sup>1</sup> Это также доминирующее понятие в главе, посвященной диссертации Маркса в первом томе уже упомянутой *Geschichte der marxistisch-leninistischen Philosophie in Deutschland*, 1.1, Dietz Verlag, Berlin 1969. С. 106–121.

<sup>2</sup> *Die Promotion von Karl Marx, Jena? 1841* op. cit., s. 7–8. – Достоинством данного тома является факсимильное воспроизведение всех документов, касающихся данной *Promotion*.

Потребовалось почти тридцать лет, чтобы определить место диссертации в творчестве Маркса. И тот факт, что были возможны такие разные ее оценки, является, безусловно, признаком тонкого и сложного характера этой работы. Более того, оценка советских издателей 1955 г., по правде говоря, совпадает с оценкой, которую Франц Меринг сформулировал в главе II (§ 4) своей «Жизни Маркса», и с оценкой изошренного и надменного англосаксонского критика Д. Маклеллана (*The Young Hegelians and Karl Marx*, London 1969, перевод на немецкий, Мюнхен, 1974), согласно которому, диссертация «не выходит за рамки того, что мог бы подумать типичный молодой гегельянец, относящийся с сильной симпатией к идеям Бруно Бауэра»<sup>1</sup>...

В действительности то, что мы ранее говорили (выше, часть II) о Марксовом истолковании *отклонения*, доказывает необоснованность интерпретации, связывающей работу Маркса с «идеалистическим мировоззрением».

Во всяком случае, именно в диссертации Маркс преодолел полярность Платона/Демокрита (или, иначе говоря, Канта/Ламетри). Маркс преодолел также то почти непреодолимое влечение к «сирене» Гегеля (*Felsenmelodie*), от которого, как сам признался в письме к отцу в ноябре 1837 года, не мог избавиться. Так что добрый Менде, хотя и не очень хорошо знакомый с древней философией<sup>2</sup>, был прав. А современным исследователям удалось даже выявить в диссертации начало (или, по крайней мере, одно из важных начал) дальнейшего развития творчества Маркса. Михаэль Генрих в недавнем (2018) томе «Карл Маркс и рождение современного общества»<sup>3</sup> четко опроверг точку зрения тех, кто «обвинил» автора докторской диссертации в «идеалистическом мировоззрении». Так, например, Норман Левин («Рассуждение Маркса с Гегелем», 2012) резюмировал смысл диссертации в следующих терминах: «*Kritik*»

<sup>1</sup> Эту «мысль» можно найти на с. 88 немецкого издания. Очевидно, что Маклеллан не читал подготовительных тетрадей.

<sup>2</sup> За исключением немногих статей о Платоне.

<sup>3</sup> Schmetterling Verlag Stuttgart [пер. на английский] (2019), Monthly Review Press.

ка должна быть связана с материализмом, и Эпикур также был примером того, как материализм и критика могут быть объединены. Тогда союз материализма и свободного самосознания обеспечил бы современной философии новую роль – критику действительности с материалистической точки зрения»<sup>1</sup>. Мартин Эйхлер (2015) увидел в диссертации «ключ» к пониманию всех трудов Маркса<sup>2</sup>. Очевидно, что можно и совершенно по-другому понимать преемственность между диссертацией и последующими работами Маркса и признать «усвоение» Марксом «концепции Гегеля о внутренне связанном и имманентно детерминированном характере концепций и человеческих практик» во всех последующих работах Маркса («теоретическое понимание капитализма, коммунизма и разделения труда»<sup>3</sup>). Но, по правде говоря, правильное понимание особенности «материализма» Маркса приведет к констатации, что две, казалось бы, противоположных интерпретации в конце концов сошлись.

## 9

Поэтому, осознавая важность этих исследований, мы возвращаемся к редакционной истории диссертации. Таким образом, в середине шестидесятых годов в ГДР, с одной стороны, выпустилась серия MEW, связанная с решением на время оставить в стороне юношеские сочинения, «пропитанные идеализмом», а с другой – состоялось осторожное и уединенное переиздание текста диссертации, которую Рязанов почти полностью и строго отредактировал в 1927 году. Это «разделение» будет преодолено в 1968 году с появлением «Дополнительного тома», ставшего позднее томом XL серии MEW<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Marx's Discourse with Hegel. New York, Palgrave Macmillan, 2012. P. 119. См. также: P. 14–115.

<sup>2</sup> Von der Vernunft zum West, Diss. Bielefeld 2015. P. 25.

<sup>3</sup> Browning, Gary K. Marx's Doctoral Dissertation: The Development of a Hegelian Thesis // Burns T.-Fraser I. (edd.), The Hegel-Marx Connection. New York: MacMillan, 2000. P. 142.

<sup>4</sup> Напомним: в СССР том «Из ранних произведений», идентичный по переплету томам 2-го издания Сочинений и включающий произведения, обещанные в пре-

В 1975 году, все еще в ГДР и все еще в Dietz Verlag, начало появляться новое *Gesamtausgabe*, отличающееся очень высоким филологическим уровнем, так называемое «новое MEGA» или MEGA2, работа над которым через пятнадцать лет была приостановлена в связи с исчезновением ГДР в 1990 году. Также и в этом случае причастность Московского института марксизма-ленинизма ощутима с первой же фразы первого абзаца Предисловия (I. 1, 1975. С. 19\*). Хотя все еще и здесь присутствует тяжелая прагматичная формулировка, тон сильно отличается от вступительного тома MEW. Например, там (с. XXI) сообщалось об издании под редакцией Каутского неопубликованных «Теорий прибавочной стоимости» Маркса, но с негодованием провозглашалось, что слова Маркса были «сфальсифицированы» Каутским: подобное экстравагантное обвинение исчезло в новом введении (MEGA2. Bd. 1. S. 30\*). Утверждается, что первое полное «издание» (точнее, сборник) было переведено на русский язык по решению XIII съезда РКП(б), но не уточняется, однако, что первая MEGA превратилась с ликвидацией Рязанова. И далее, наконец, речь пошла (с. 31\*–32\*) о первом MEGA. О нем в «стерильном» тоне заявлено, что «оно было начато (в *Angriff genommen*) Институтом Маркса–Энгельса, первоначально под руководством Д.Б. Рязанова, затем В.В. Адоратского»; что в него должны быть включены все «известные до того» сочинения Маркса–Энгельса, а также «рукописное наследие»<sup>1</sup>. Сразу же выяснилось, что «в подготовке первой MEGA, наряду с советскими сотрудниками института, принимали участие представители других коммунистических партий, прежде всего немецкие коммунисты, а также передовые ученые (*fortschrittliche Wissenschaftler*) из многих стран»; что до установления фашистской диктатуры в Германии тома печатались [предположительно] сначала во Франкфурте, потом

дисловию в первом томе, вышел на 12 лет раньше, в 1956 году. Эти же работы были повторены в 1975 году, в 40-м томе, по которому печатается настоящее издание. – Прим. ред.

<sup>1</sup> MEW воспроизводит только печатные произведения, в то время как *Ergänzungsband* использует преимущества MEGA1.

в Берлине<sup>1</sup>; что «редакционный план мог быть осуществлен лишь частично, между 1927 и 1935 годами» (причины кризиса и приостановки даже не были упомянуты); что тома «получили широкое распространение и высокую оценку». После чего внимание переключилось на русскоязычное издание, выполненное в 33 томах (1924–1941).

И довольно беспечно оказывается выдумка, разработанная редакторами итальянского издания Полного собрания сочинений Маркса–Энгельса (Editori Riuniti, Rome, I, 1980). В кратком общем введении к нему автор упомянул прямо только «новое MEGA» (с. VII), ничего не говоря ни о предыдущем (что делает «новое» не новым), ни о его инициаторе Рязанове, имя которого, однако, вдруг всплывает в примечании 15 с. 854 (рядом с непонятным обозначением «MEGA i-1,1»). В «Истории марксизма» Эйнаути, вышедшей двумя годами ранее, Хобсбаум говорил (I, с. 357) о «знаменитом [?] MEGA».

Но к этому времени редакторы Editori Riuniti достигли совершенства в неприятном искусстве недомолвок. Действительно, библиографическое примечание в конце «Жизни Маркса» Меринга гласит: «Историко-критическое издание сочинений Маркса и Энгельса, начатое в 1927 г. Институтом Маркса–Энгельса в Москве, было прервано в 1935 г. [...] Известно, что работа над продолжением данного издания, при поддержке Институтов марксизма-ленинизма в Москве и Берлине, уже возобновлена». Особенно ценно, что «уже». Неплохо даже то, что «известно».

## 10

«По мере того как большинство лидеров СДПГ отходило от марксизма, их интерес к полному изданию сочинений Маркса и Энгельса уменьшался в равной степени». Данный меткий анализ, осуществленный также задним числом, фигурирует в середине обширного неподписанного введения [1975] к новому MEGA<sup>3</sup>. По сути, это соответствует оценке, выраженной Эри-

<sup>1</sup> В действительности они всегда печатались в г. Лейпциге.

<sup>2</sup> В издании специальном (1972) «для читателей Rinascita» (Р. 545). И уже в первом издании 1966 года.

<sup>3</sup> MEGA2, Bd. 1, 1975. S. 30\*.

ком Хобсбаумом (1978)<sup>1</sup>, и из этого становится ясно, что история попыток и вновь предпринятых изданий работы Маркса и Энгельса была в первую очередь историей конфликтов внутри Германии. Анонимные предисловия 1975 года писались в годы наибольшей силы так называемого «социалистического лагеря»<sup>2</sup> и наибольшего престижа ГДР<sup>3</sup> и в то время, когда было консолидировано решение<sup>4</sup> СДПГ в пользу понижения «марксизма» до одного, но больше не единственного, из источников вдохновения партии (съезд в Бад-Годесберге 1959 году). Таким образом, это была понятная полемическая оценка со стороны такого официального учреждения, как Институт марксизма-ленинизма, возглавляемый ЦК СЕПГ: на основании уже двойного ряда полного собрания сочинений Маркса – Энгельса (теперь завершеного MEW и зарождающегося MEGA2), перед лицом инерции влиятельной социал-демократической партии, которая уже много лет находилась у власти в Федеративной Республике. Показательно и решение оставить принадлежащий СДПГ архив Маркса–Энгельса навсегда в Амстердаме. Поэтому во вступительном примечании к первому каталогу MEW (1966) вполне можно было утверждать, что «создание первого и наиболее полного немецкоязычного издания «*Marx-Engels Werke*» стало возможно благодаря Германской Демократической Республике «при братской поддержке московского Института марксизма-ленинизма».

Таким образом, Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), презрительно определяемая на Западе как *Die Zone* (то есть советская оккупационная зона), вернула себе Маркса с предельной торжественностью и при помощи научных аппаратов, создав новое MEGA. Ушло первенство СДПГ, от которого Рязанову и Грюнбергу приходилось уклоняться, долго размышлять и, наконец, основать издательство, то есть то, что «приду-

<sup>1</sup> *Storia del marxismo*, I. P. 362.

<sup>2</sup> От конференции в Хельсинки до падения Сайгона.

<sup>3</sup> Не в последнюю очередь благодаря «Восточной политике» Вилли Брандта.

<sup>4</sup> Несмотря на неомарксистский поворот «Jusos» (социалистическая молодежь, возрожденная с 1968 г.).

мали» в Москве, то они и создали на немецкой земле. *Nachlass* (рукописное наследие) постоянно находилось в Амстердаме<sup>1</sup>, а новое *Gesamtausgabe* (MEGA) появилось в Берлине, столице ГДР, с издательским брендом *Dietz Verlag*, когда-то «официальным издателем» СДПГ. Чего невозможно было предвидеть в 1975 году, это того факта, что через пятнадцать лет исчезнет ГДР, а на следующий год и СССР и что новое MEGA так же, как и первое, испытает на себе неожиданные удары истории.

Сегодня работа над MEGA2 продолжается благодаря международной «сети» IMES, *Internationale Marx-Engels Stiftung*, со «штаб-квартирой» в Амстердаме, в Институте социальной истории, который окончательно владеет *Nachlass*. Издателем-печатником является Вальтер де Грюйтер (Берлин), а учреждения, входящие в состав *Stiftung*, являются немецкими (среди прочего Фонд Эберта СДПГ) и русскими. Побуждение к продолжению деятельности исходило от газеты «Financial Times» от 15 июня 2018 года.

**Александр Сегал**

ДИССЕРТАЦИЯ КАРЛА МАРКСА  
КАКИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙТЕКСТ  
И КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

(Скромный опыт предисловия)

<sup>1</sup> Доступно ученым без ограничений и исключений.

### Как и зачем читать диссертацию К. Маркса?

К прочтению и изучению любого текста можно подойти как минимум двояко. **С одной стороны**, можно рассматривать текст с точки зрения *его* предмета: того, что в нем описывается. В нашем случае речь идет о сравнении двух философских систем древности. Сразу скажем, что с этой стороны работа К. Маркса достаточно изучена, весьма интересна – и она вовсе не школярская, как ее иногда пытаются представить. С точки зрения немецкой университетской («гумбольдтовской») традиции, к которой принадлежал и К. Маркс, работа абсолютно логична, полна и последовательна, а ее объем достаточен и соответствует бытовавшим в то время требованиям к квалификационным работам.

«Диссертация Маркса – содержательное и тщательное исследование, написанное одаренным молодым философом, находившимся под явным влиянием Гегеля, прекрасно знавшим предмет и читавшим источники на языке оригинала. Это работа многообещающего молодого человека, – пишет Том Рокмор. – В других обстоятельствах она была бы опубликована в виде книги соответственно обычной практике в немецких академических кругах – что Маркс и планировал сделать в качестве твердого шага к будущей научной карьере»<sup>1</sup>.

К сожалению, семейные обстоятельства и ужесточение политического режима в Пруссии довольно скоро поставили крест на академической карьере К. Маркса, однако заслуженный характер докторского диплома, полученного им 15 апреля 1841 года, не вызывает сомнения.

<sup>1</sup> Рокмор Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. С. 99.

Еще большую весомость и исследовательскую ценность придают Марксовой диссертации ее подготовительные материалы, «Тетради по эпикурейской философии», представляющие собой подробные, тщательно составленные и проработанные конспекты античных источников<sup>1</sup>.

Короче говоря, читатель, поставивший перед собой задачу сравнения философских систем Демокрита и Эпикура, может достаточно успешно это сделать на основании названных текстов.

**С другой стороны,** следует признать, что вопрос о научной ценности *диссертации* Маркса поднимается не в последнюю очередь потому, что речь идет о диссертации *Маркса*. Кто-то пытается доказать «научную слабость» и «недоученность» автора – и именно с этим увязать довольно быстрый и ранний его уход из академической науки в публицистику и журналистику. Кто-то, напротив, хочет «припасть к истокам», рассматривая самые ранние работы К. Маркса как незамутненный источник, Кастальский ключ его будущего учения. В обоих случаях речь идет уже не столько о предмете диссертационного исследования К. Маркса, сколько о самом К. Марксе как исследователе, об истоках и становлении его метода. Но в таком случае мы имеем совершенно другой *предмет*: «творческую лабораторию» исследователя, процесс становления и формирования научного метода. И одного-двух текстов Маркса тут явно недостаточно.

Современное «клиповое мышление», или «вики-знание», склонно к тому, *что* еще четверть века назад было охарактеризовано как «быстромыслие» (fast-thinking)<sup>2</sup>. Для fast-thinker'a вполне естественным будет, прочитав любой произвольно взятый текст, сказать: «Ну вот теперь я знаю Маркса (Энгельса, Ленина, Цицерона, Овидия, Конфуция etc.)». Но сказавший такое немедленно уподобится одному из трех слепцов из восточной притчи – тех, которых с целью ознакомления подвели к слону.

Гораздо правильнее взять *несколько* текстов и проследить по ним *эволюцию* взглядов автора, тем более если тексты пред-

<sup>1</sup> Маркс К. Тетради по эпикурейской философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С 21–140.

<sup>2</sup> Bourdieu P. Sur la television. Paris: Liber-Raisons d'agir, 1996.

ставляют собой исследовательские работы, а не художественные произведения. Однако в этом случае картина тоже будет неполной, особенно если тексты относятся к какому-то одному периоду творчества. В самом деле: в своем раннем периоде автор *еще не был* тем, чье творчество мы изучаем, в своем зрелом периоде автор *уже не тот*, что был в юности, когда начинал научные изыскания, – теперь он менее романтичен, но более мудр.

Но, с другой стороны, безоговорочная ориентация на зрелый период, поиски в раннем периоде *исключительно* тех элементов, «клеточек», ростков, в которых спрятана, свернута зрелая форма, приводит нас к позиции «филиации идей», т. е. фактически к отрицанию качественных изменений *предмета* и *процесса* исследования – и возникновения новых предмета и процесса. Поэтому, на наш взгляд, в ранних периодах следует не только искать то, *что* в них *уже* было из элементов будущего, зрелого периода, но и смотреть, чего *еще не было* на ранних этапах развития той или иной науки, школы, концепции. Но прежде чем развивать этот тезис, мы коснемся того, *как* на сегодняшний момент трактуют ранние работы К. Маркса.

### Два основных подхода к изучению наследия Маркса

Ранний Маркс был «открыт» в первую очередь благодаря выходу в свет в 1920–30-х годов первых томов русского и международного изданий Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса MEGA I (Marx-Engels-Gesamtausgabe) под редакцией Д.Б. Рязанова. Именно в них в 1927 году была впервые полностью опубликована докторская диссертация К. Маркса<sup>1</sup>, за четверть века до этого публиковавшаяся с сокращениями<sup>2</sup>.

А в 1932 году из того же MEGA научная общественность узнала и о Парижских тетрадах (Парижских экспертах)<sup>3</sup>, со-

<sup>1</sup> Marx K., Engels F. Historisch-kritische Gesamtausgabe. Werke. Schriften. Briefe (MEYA). Bd. 1, Hlbd. 1. Frankfurt am Main.

<sup>2</sup> Marx K., Engels F., Lassale F. Aus dem literarischen Nachlaß. Bd. 1. Stuttgart, 1902.

<sup>3</sup> Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Abt. IV. Exzerpte. Motizen. Marginalien. Bd. 2. Berlin, 1981. S. 301–579.

державших конспекты экономистов и служивших освоению Марксом «исходной научной информации»<sup>1</sup>, и о созданных на базе этой информации «Экономическо-философских рукописях 1844 года»<sup>2</sup>. Все они были написаны К. Марксом для «самоуразумения»<sup>3</sup> и при его жизни вместе с «Немецкой идеологией» (но по разным причинам) предоставлены «грызущей критике мышей»<sup>4</sup>. В дальнейшем именно эти материалы послужили для евромарксистов отправной точкой критики «позднего» Маркса и противопоставления ему Маркса молодого – «гуманиста» и «идеолога».

В конце 20-х годов XX века сомнения в научной и политической эффективности марксизма, в особенности его «ортодоксальной», советской марксистской школы, подтолкнули западных исследователей к поиску некоей гипотетической «точки», в которой марксизм, по их мнению, потерял аутентичность, а также к поиску самих критериев аутентичности. Долго искать не пришлось: предметом оживленных дискуссий европейских левых стали как раз ранние работы основоположников марксизма (в особенности «Экономическо-философские рукописи» 1844 года).

Первопроходцами здесь были, конечно же, представители Франкфуртской школы, сложившейся в 30–40-х годах XX века вокруг руководимого Максом Хоркхаймером Института социальных исследований. Стартовав в 30-е годы от философско-социологической «критической теории общества» (М. Хоркхаймер, Г. Маркузе), эта школа сделала центральным в своей философии культуры понятие «рационализация», восходящее к М. Веберу. Как отмечал советский исследователь Ю.Н. Давыдов, к концу 40-х гг. «анализ внутренних противоречий «Просвещения», отождествляемого с рациональным овладением природой вообще, становится ключом к пони-

<sup>1</sup> См.: *Лапин Н.И.* Молодой Маркс. 3-е изд., доп. ред. М.: Политиздат, 1986.

<sup>2</sup> *Marx K., Engels F.* Gesamtausgabe. Abt. I. Bd. 36. 1932.

<sup>3</sup> Ibid.

<sup>4</sup> *Маркс К.* К критике политической экономии: Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1959. Т. 13. С. 8.

манию культуры и общества Нового времени, и в частности массовой культуры и «массового общества» 20 в. («Диалектика Просвещения», *Dialektik der Aufklärung*, 1948, М. Хоркхаймера и Т. Адорно). Гегелевская диалектика преобразуется в антисистематическую «отрицательную диалектику»; одно из центральных мест занимает проблематика отчуждения<sup>1</sup> – как результат переосмысления К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» этой гегелевской категории.

Вторым важным этапом этого направления исследований творчества К. Маркса стало уже упомянутое сопоставление «раннего» и «зрелого» Маркса. В середине 1960-х Луи Альтюссер<sup>2</sup>, следуя методологии Гастона Башляра<sup>3</sup>, предложил рассматривать «Экономическо-философские рукописи 1844 года» в качестве линии «эпистемологического разрыва».

Напомним: Л. Альтюссер использовал идею Г. Башляра исключительно с целью апологии К. Маркса, а именно – чтобы показать *научность* зрелого Маркса в отличие от *идеологичности* Маркса молодого. Но задав дискурс сопоставления и противопоставления молодого и зрелого Маркса, Альтюссер не задавал (и, по-видимому, не собирался задавать) *критериев* Марксовой «аутентичности». В итоге каждая из неомарксистских школ нашла «своего» аутентичного Маркса – либо молодого гуманиста, либо зрелого «антигуманиста» (термин Альтюссера), а точнее, зрелого *теоретика*<sup>4</sup>.

В итоге разделение творчества К. Маркса на «гуманистический» и «теоретический» периоды, имевшее целью его защиту, привело к обратному результату: «эпистемологическому разрыву» всего европейского марксизма...<sup>5</sup> Именно с этого мо-

<sup>1</sup> *Давыдов Ю.* Франкфуртская школа // Новая философская энциклопедия. В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Ред. В.С. Степин. Т. 4. М.: Мысль, 2010.

<sup>2</sup> *Альтюссер Л.* За Маркса / Пер. с франц. М.: Практика, 2006. С. 49–51.

<sup>3</sup> *Башляр Г.* Новый научный дух / Пер. с франц.; Ред. А.Ф. Зотов // Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. С. 208.

<sup>4</sup> См.: *Сегал А.* Маркс и Барт – два пути критики буржуазного общества // Вестник Московского университета. 2019. № 5. С. 74. (Серия 7: Философия).

<sup>5</sup> См.: Там же.

мента на протяжении последующих двадцати лет (с перерывом на войну) сформировались нынешние разночтения в исследовании Марксова наследия.

Если следовать логике Альтюссера, то докторская диссертация К. Маркса однозначно попадает в «гуманистический» период – и именно так она и трактуется большинством европейских марксологов.

Довольно широко распространено мнение, что «открытие» текстов раннего Маркса и интерес к ним Франкфуртской школы, а затем и всего евромарксизма спасли марксизм от «советского догматизма» и «сталинизма», влили в него творческую струю и предложили альтернативное прочтение «позднего» Маркса, антигуманиста и теоретика. Однако если быть здесь до конца последовательными, то следует признать: догматическое восприятие *всех* текстов К. Маркса как *равнозначных, абсолютно истинных и неприкосновенных* ничуть не более догматично, чем репрезентация евромарксистами ранних текстов К. Маркса как *более* глубоких и «правильных». *Ирония истории* состоит в том, что при цитировании ранних работ К. Маркса «догматики» и «реформаторы» оказываются чрезвычайно похожими: для первых они неприкосновенны и потому *абсолютно* верны, а для вторых *максимально* верны, потому что неверны поздние тексты.

На сегодня категорическое противопоставление «раннего» и «позднего» Маркса, «гуманистического» и «догматического» марксизма остается чрезвычайно популярной парадигмой. Однако существует и *иной* подход к исследованию процесса становления и развития самого Маркса как ученого – и его *метода* научного исследования<sup>1</sup>. Этот подход разработан известным советским исследователем, профессором МГУ Виктором Алексеевичем Вазюлиным (1932–2012),

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). М.: МГУ, 1975; Βασιλιβ Β. Το ψιψνεσθ της μεθου επιστημονικής έρευνας του Κ. Μαρξ (λογική πτυχή), ΣΥΓΧΡΟΝΗ ΕΡΟΧΝ, 2020. Ρ. 440; Vazjulin V.A. Die Logik der Geschichte: Frage der Theorie und Methode. Nordenstedt: Books on Demand GmbH, 2011. S. 388.

и представлен в целом ряде его трудов<sup>1</sup>. Входя в число его учеников и последователей, мы представим здесь взгляд на ранний период творчества К. Маркса в значительной мере с позиций этой школы.

## Методологические основания

### Восхождение от абстрактного к конкретному

Мы остаемся в русле историзма и, плюс к тому, исходим из представления об обществе как развивающемся *органическом целом*, то есть о таком целом, «для которого характерна прежде всего внутренняя взаимосвязь (взаимодействие) сторон»<sup>2</sup>. Процесс его развития мысленно *воссоздается* методом *восхождения от абстрактного к конкретному*. Суть метода заключается в следующем: на начальном этапе, ухватив предмет на поверхности, в его непосредственности, мысль идет по пути от чувственно-конкретного восприятия к сущности, анализируя, разлагая предмет до совокупности простых определений, сторон, которые изучаются по преимуществу раздельно. В соотношении с *историей* становления органического целого на этом пути в *снятом* виде отображается процесс *образования* его исторических *предпосылок* и процесс его *первоначального возникновения*<sup>3</sup>. *Затем совершается как бы обратное движение – от сущности к ее проявлению* в непосредственном, на поверхности – т. е. к *явлению*. И наконец, сущность и явление рассматриваются в единстве как *действительность*. С точки зрения истории предмета на этом пути в снятом, преобразованном виде пред-

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект); Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М.: МГУ, 1968. С. 293, 328.

<sup>2</sup> Там же. С. 11.

<sup>3</sup> Термин «первоначальное возникновение» может на первый взгляд показаться тавтологичным, но на самом деле он имеет вполне рациональный смысл и обозначает момент, когда предмет как таковой, предмет как *тип* возникает *впервые* (см.: Вазюлин В.А. Логика истории: Вопросы теории и методологии. М.: МГУ, 1988). В дальнейшем он может возникать вновь и вновь, но это уже процесс повторного возникновения, или *воспроизводства*.

стает процесс *формирования нового* органического целого, «преобразования унаследованной основы возникшим новым органическим целым»<sup>1</sup>. Это есть путь научного *изложения*, путь категориального разворачивания предмета, причем не любого, а именно развивающегося в силу внутренних причин, в силу «самодвижения сущности».

Здесь следует указать на то, что *изложение результатов* исследования, его логики, и описание *процесса* исследования, его истории, существенным образом различаются. Процесс исследования не свободен от зигзагов и случайностей, на его ранних этапах исследователь с неизбежностью принимает за сущность промежуточные ступени анализа. А вот по итогам зрелого этапа исследования все предшествующие ступени выступают как закономерное движение к результату, как «этапы пути, уже разработанного и выровненного»<sup>2</sup>.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному применим к зрелому предмету и в зрелом процессе исследования. Демонстрировать его на примере одного из самых ранних текстов К. Маркса было бы некорректно, а потому обратимся к зрелому Марксу и в качестве примера применения названного метода возьмем «Капитал». Там ясно видно, что *настоящее*, т. е. современное автору состояние общественного производства отображается движением отнюдь не от товара к деньгам, как это часто представляется различными толкователями (в том числе и относящими себя к марксистским школам), а от денег к капиталу. Автор ведет читателя от *поверхности капитала* (товарно-денежные отношения), к его сущности (производство прибавочной стоимости), явлению (обращение капитала), а затем действительности капитала (формы единства процессов производства и обращения капитала). Но в ходе рассмотрения товарно-денежных отношений изложение предварительно совершает еще и «малый виток», пред-

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Логика истории: Вопросы теории и методологии. С. 24.

<sup>2</sup> Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. IV. Феноменология духа. М.: Институт философии АН СССР, 1959. С. 15.

ставляя поверхность, сущность, явление и действительность *товара* – исторической *предпосылки* капитала, преобразованной им в ходе формирования. А в третьем томе «Капитала» начинается рассмотрение *предпосылок* возникновения *нового* способа производства: качества, количества, меры *отрицания* капитала, – но не дается позитивная характеристика, поскольку самого нового объекта еще нет, его сущность пока не возникла. «Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т. е. уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому – как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя»<sup>1</sup>.

Таким образом, картина становления зрелого предмета (в нашем случае – творчества К. Маркса) как процесса закономерного созревания его предпосылок и преобразования унаследованной основы в качественно новый предмет предстает в то же время и как единство исторического и логического. Рассмотрим это соотношение подробнее.

#### **Историческое и логическое**

В ходе исследования любого развивающегося предмета имеют значение уровень (стадия) развития не только *самого предмета*<sup>2</sup> исследования, но и *науки, его изучающей, и самого исследователя*<sup>3</sup>. В нашем случае на первый план выходит рассмотрение представляемых здесь текстов в качестве *этапа* становления и развития К. Маркса как *исследователя* и теоретика, становления его методологии, инструментария исследования.

<sup>1</sup> Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). 2-я ред. Т. 1. Ч. 1. М.: ИПЛ, 1968.

<sup>2</sup> Здесь и далее для западного читателя, буде такой найдется, мы вводим следующее терминологическое соответствие: предмет исследования = subject; субъект-исследователь = actor.

<sup>3</sup> Сегал А. Формирование представлений К. Маркса о внутреннем источнике развития общества // Вестник Московского университета. 2018. № 6. С. 14–26. (Серия 7: Философия).

Мы исходим из того, что «всякий развивающийся предмет... проходит в своем развитии ряд закономерных стадий»<sup>1</sup>: от складывания *предпосылок* предмета, через *возникновение* самого предмета, через *преобразование* им унаследованной *основы*, – к развитию предмета на *адекватной ему основе*. Именно эту стадию мы будем называть «стадией зрелости... а предмет на этой стадии развития – зрелым предметом»<sup>2</sup>. *Достаточным* признаком зрелости предмета мы считаем возможность применять в его исследовании *метод восхождения от абстрактного к конкретному*. И *vice versa* – «первой необходимой предпосылкой применения способа восхождения... является наличие *зрелого* предмета»<sup>3</sup>.

Но «прежде чем станет возможным применение способа восхождения в качестве доминирующего способа, наука должна пройти путь от чувственно-конкретного к абстрактному»<sup>4</sup>. То же касается и субъекта (исследователя): в своем индивидуальном развитии он тоже не минует этого пути. Так или иначе, в той или иной форме, этот путь проходит *всякий* исследователь, *всякая* теория и *всякая* научная школа.

На раннем этапе исследования (либо на раннем этапе развития предмета/исследователя), последний воспроизводит незрелую форму, т. е. возникающую, но еще *не ставшую* сущность. При этом в ходе развития исследования за сущность могут приниматься несущественные отношения, поверхность. В случае, если предмет исследования достаточно созрел, но еще не сложился *метод*, происходит похожий процесс: сам исследователь в качестве предмета своего исследования рассматривает поверхность. Так о каком же предмете идет речь в рассматриваемом нами тексте?

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 4.

<sup>2</sup> Там же. С. 5.

<sup>3</sup> Там же. С. 11–12. Подробнее об этом см. в нашей статье «Формирование представлений К. Маркса о внутреннем источнике развития общества» // Вестник Московского университета. 2018. № 6. С. 14–26. (Серия 7: Философия).

<sup>4</sup> Там же. С. 12.

## Предметная дифференциация

Если мы будем рассматривать научную парадигму К. Маркса в порядке *возникновения* ее составных частей, то будет непонятно, *что* именно возникает: любая исторически более ранняя форма не имеет смысла, если не понимать, формой *чего* она является, *что* из нее произошло.

Поскольку речь идет о *раннем* периоде творчества К. Маркса, постольку категориальный строй, закономерности его исследовательской работы к этому моменту еще не сложились. Но, зная дальнейшую траекторию его научной деятельности, можно увидеть, из *чего* и во *что* происходило это развитие.

Процесс дифференциации предметных областей и периодическая рефлексия этого процесса, когда, по словам самого Маркса, он «удалялся с общественной арены в учебную комнату»<sup>1</sup>, придает картине развития Марксовой теории довольно сложную конфигурацию, далекую от упрощенных схем как «гуманистического», так и «догматического» марксизма. За подробностями отошлем читателя к работам Г.А. Багатурии<sup>2</sup>, Э.В. Ильенкова<sup>3</sup> и, конечно же, В.А. Вазюлина<sup>4</sup>.

К концу 40-х – началу 50-х годов XIX века, то есть в период, следующий за временем написания и защиты диссертации и за уходом К. Маркса из академической науки в исследование действительных общественных процессов, в фокусе исследовательской работы К. Маркса и Ф. Энгельса оказались **три раз-**

<sup>1</sup> Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 13. М.: ИПЛ, 1959. С. 5.

<sup>2</sup> Багатурия Г.А. Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1983. № 9; Багатурия Г.А. К вопросу о развитии марксистской теории формационного преобразования общества // Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009.

<sup>3</sup> Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 95.

<sup>4</sup> Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М.: МГУ, 1968; Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект); Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: МГУ, 1988.

**вивающихся предмета:** «во-первых, человеческое общество в целом; во-вторых, капиталистическая экономическая формация; в-третьих, исторические предпосылки нового общества, созревающие в недрах капитализма»<sup>1</sup>.

Легко заметить, что все перечисленные предметы так или иначе выходят на исследовательскую задачу по выявлению механизма *изменения* общества. Но наиболее полно такой механизм мог быть раскрыт лишь в процессе исследования наиболее развитого предмета. **Первый** из предметов, человеческое общество в целом, говоря словами самого Маркса, находился в состоянии «предыстории»<sup>2</sup>, т. е. еще не созрел ни он сам, ни метод его исследований. **Третий** предмет находился на *предпосылочной* стадии: «подлинно человеческая история»<sup>3</sup> вовсе еще не началась. Поэтому основное внимание К. Маркса и Ф. Энгельса закономерно сконцентрировалось на изучении **второго** из перечисленных предметов: *самой развитой в то время «общественной формы»*<sup>4</sup> – капитализма – и на его особенностях. При этом важно, что Маркс и Энгельс не отказались от задачи исследования этого предмета в общей связи с двумя другими.

И это понятно: ведь исторически первым и логически общим был как раз первый из перечисленных предметов – человеческое общество в целом, его общие закономерности – пусть не дифференцированные, непосредственно схваченные на уровне блестящей *догадки* и послужившие *предпосылкой* будущего марксистского научного исследования. А целью исследований была и осталась *позитивная критика* современного им общества – не просто отрицание и определение исторической границы капитализма, а его *снятие*, переход общества в иное качество, на более высокий уровень развития.

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса. С. 7.

<sup>2</sup> Маркс К. К критике политической экономии: Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: ИПЛ, 1959. С. 8.

<sup>3</sup> Фромм Э. Марксова концепция человека [в Интернете 24 апреля 2006]. URL: [http://scepsis.net/library/id\\_642.html](http://scepsis.net/library/id_642.html).

<sup>4</sup> Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1960. Т. 23. С. 188.

## О периодизации процесса становления Марксова метода исследования

Как любой развивающийся предмет, Марксова теория общества в процессе своего становления прошла ряд прогрессивных стадий. Собственно, мы уже неоднократно косвенным образом эти стадии упоминали.

В ходе *подготовки предпосылок* сам новый предмет еще не возник; элементы будущего предмета, коль скоро таковые уже имеются, остаются пока еще элементами прежнего предмета и связаны с ним и с другими элементами иным образом, *внешним* по отношению к возникающему предмету<sup>1</sup>.

На этом этапе, как мы уже сказали, исследовательский интерес К. Маркса был обращен к *государству* (как он тогда полагал – «сфере общих интересов»). Определяющими по отношению к государству факторами Маркс считал сначала философию (1837–1841, вплоть до написания докторской диссертации), а затем политику (в начальный период работы в «Новой Рейнской газете», 1842–1843). Однако работа над статьями «Дебаты по поводу закона о краже леса»<sup>2</sup> и «Оправдание мозельского корреспондента»<sup>3</sup> привела его к выводу об определяющей роли *гражданского общества* (сферы частных интересов) по отношению к государству (сфере общих интересов).

Стадия *возникновения* новой концепции связана с работой К. Маркса над «Экономическо-философскими рукописями 1844 года»<sup>4</sup>. Она ознаменовалась выводом о том, что наемные работники не входят в сферу гражданского общества (т. е. в сферу частных интересов), т. к. лишены собственно-

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 50.

<sup>2</sup> Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1955. Т. 1. С. 119–160.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1974. Т. 13. С. 41–174.

сти, но являются его *почвой*, поскольку их отчужденный труд представляет собой основу этого общества. Маркс выдвигает главную идею – о *решающей роли труда*, т. е. преобразующего отношения людей к природе, и одновременно – о его *отчуждении*, лежащем в основе современного общества, т. е. в конечном счете – об *отношениях* людей по поводу этого труда. Это была блестящая *догадка*<sup>1</sup> о взаимосвязи отношений общества к природе и отношений внутри общества<sup>2</sup>, но пока еще Маркс не рассматривал эту взаимосвязь как *источник и механизм* общественных изменений. Труд, который позже, в «Капитале», был назван субстанцией стоимости, здесь *уже* рассматривается, но Маркс *еще* не делает различия между трудом и его общественной *формой*, не рассматривает двойственный характер труда и *отношения* между людьми по поводу труда. Для него существенным выступает отчуждение труда как по преимуществу отчуждение *продукта* труда, *вещи*.

На стадии *формирования* теории догадка о внутреннем механизме развития общества становится научной *гипотезой*. В процессе позитивной критики послегегелевской немецкой философии К. Маркс и Ф. Энгельс «свели счеты» с «прежней философской совестью»<sup>3</sup>: взгляд на общество как сумму изолированных индивидов, связанных природной связью (т. е. необходимостью поддерживать свое существование), был охарактеризован как «точка зрения старого материализма»<sup>4</sup>. Собственные взгляды на внутренний источник развития общества были изложены Марксом и Энгельсом в рукописи «Немецкой идеологии» (1845–1846), а затем в «Нищете философии» (1847) и в «Манифесте Коммунистической партии» (1848). На

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Вопросы теории общественно-экономических формаций в трудах К. Маркса (исторический аспект) // Вестник Московского университета. 1983. № 2. С. 14–24. (Серия 7: Философия).

<sup>2</sup> В дальнейшем они стали обозначаться соответственно как производительные силы и производственные отношения.

<sup>3</sup> Маркс К. К критике политической экономии. С. 8.

<sup>4</sup> Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1955. Т. 3. С. 4.

этом этапе они гипотазировали *два типа отношений*, существенных для общества:

а) отношения *общения* между людьми, «ансамбль общественных отношений» – как сущность человека;

б) отношение человека *к природе* с целью поддержания физического существования – как необходимую предпосылку общественных отношений.

Таким образом, догадка, высказанная в «Экономическо-философских рукописях», получает дальнейшее развитие, однако различие между названными типами отношений пока не проводится, поскольку еще не рассмотрено их *внутреннее строение*.

Вершиной, зрелой формой развития марксизма стал, по нашему убеждению, «Капитал». Именно в нем Маркс сформулировал положения, трансформировавшие социализм, по известной формулировке Ф. Энгельса, «из утопии в науку»<sup>1</sup>. Речь идет в первую очередь о теории прибавочной стоимости, о понимании рабочей силы как товара и о двойственной форме стоимости, показывающей, что для капиталиста потребительские характеристики товара не суть важны – они выступают лишь носителем стоимости и ее главного компонента – *прибавочной* стоимости, превращающейся в сфере обращения в святая святых, цель и смысл производства – **прибыль**.

Именно с позиций исследования этой наиболее зрелой на тот момент (капиталистической) формы мы считаем необходимым рассматривать ранние тексты К. Маркса.

### Предпосылки начала становления научной деятельности К. Маркса

Начало предмета не есть сам предмет, сущность нового предмета еще отсутствует, происходит «подготовка» ее *возникновения*. Если речь идет о зрелом *методе* К. Маркса, то его подготовку следует отнести к периоду до 1844 года. Но у самой «подготовки» есть свое начало, когда формируются

<sup>1</sup> Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1961. Т. 19. С. 185–230.

*предпосылки* процесса подготовки. «Если бы мы хотели провести аналогию с онтогенезом, то следовало бы говорить даже не о внутриутробном развитии, а об отношениях особей, предшествующих этому развитию»<sup>1</sup>.

Короткий с точки зрения зрелого человека, но длинный относительно юного возраста К. Маркса трехлетний период, на котором закладывались *предпосылки* самого этого начала, включает в себя его первый рефлексивный опыт – гимназическое сочинение «Размышления юноши при выборе профессии»<sup>2</sup>, написанное летом 1835 года. К этому же периоду примыкает письмо отцу, датированное десятым ноября 1837 года, когда К. Маркс был уже студентом Берлинского университета.

### Гимназическое сочинение

Мысли, которые высказывал 17-летний Маркс, и мотивы, которые им двигали, созвучны любому юношескому взгляду на мир и легко могут быть поняты во все времена<sup>3</sup>: достичь «общую цель – облагородить человечество и самого себя... возвысить себя и общество»<sup>4</sup>. Но как это возможно сделать? И юный Маркс высказывает весьма зрелые суждения относительно мотивов и возможностей выбора профессий. С одной стороны, для всякого юноши привлекательно выглядит «общественное положение, при котором мы имеем наибольшую возможность блистать», – однако это и весьма утомительно, ибо приводит к состоянию, которое ныне принято называть «выгоранием»: «вскоре мы почувствуем, что наши желания не

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 27.

<sup>2</sup> Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИГЛ, 1975. Т. 40. С. 3–7.

<sup>3</sup> Сегал А. Социально-философская концепция Маркса как инструмент формирования проективного мышления и иных входных компетенций от среднего к высшему гуманитарному образованию // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. № 3. С. 2037.

<sup>4</sup> Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИГЛ, 1975. Т. 40. С. 3.

удовлетворены, что наши идеи не осуществились, мы станем роптать на божество, проклинать человечество»<sup>1</sup>. Но не менее утомительно и пагубно выбрать профессию, «для которой у нас нет необходимых способностей» – «мы никогда не исполним ее достойным образом и вскоре с чувством стыда должны будем убедиться в своей собственной неспособности и сказать себе, что мы – бесполезные существа творения...»<sup>2</sup>

Но не только собственные резоны и предпочтения, не только советы родителей определяют будущую профессию. Маркс осознает социальные рамки и ограничения, влияющие на выбор, а также относительную предопределенность выбора теми общественными условиями, которые застает человек при рождении и на которые он не может оказать «определяющее воздействие».

Маркс делает вывод: «Заблуждение относительно наших способностей к определенной профессии, которую мы подвергли подобному рассмотрению, – это ошибка, которая мстит за себя...»<sup>3</sup> И в итоге он ставит внутренне противоречивую задачу: с одной стороны, «взвесить», то есть *беспристрастно* оценить общественные потребности и собственные возможности, а с другой – действовать сообразно *призванию, любить* свою профессию.

Перед нами вполне нормальные размышления юноши – умного, начитанного, романтичного, пытающегося примирить эту романтику с прозой жизни и требованиями своего социального окружения. Но если посмотреть на рассуждения молодого Маркса с *точки зрения его дальнейшего развития*, то картина станет существенно богаче.

Вот он рассуждает о профессиях, деля «достойные» профессии на те, что «вторгаются в жизнь», и те, что «занимаются абстрактными истинами». Но при этом в качестве и тех и других рассматривались *только профессии умственного труда* – вполне в духе уважаемой части прусского общества.

«Следует иметь в виду, – писал в свое время проф. В.А. Вазюлин, – что если сущность отрывается от поверхности, то

<sup>1</sup> Там же. С. 5.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

сущность сама предстает как поверхность. Поэтому, поскольку имеется противоположность и, значит, известный отрыв умственного труда от физического, постольку и физический труд, и умственный труд существуют и воспринимаются как нечто поверхностное. В пределах отрыва умственного труда от физического господствует умственный труд, физический труд занимает подчиненное положение в обществе. Не случайно человек, стоящий на позиции общества, в котором имеется противоположность между физическим и умственным трудом, не только поверхностно воспринимает и духовную, и материальную деятельность, но и, определяя степень их значимости, глубины, существенности, отдает предпочтение умственной деятельности. Для него именно теория, причем оторванная от материальной практики, оказывается определяющей эту практику. И теория, и практика постольку, поскольку они рассматриваются в отрыве друг от друга, предстают своими поверхностными сторонами»<sup>1</sup>.

Итак, молодой Маркс находится пока еще на позициях поверхностного противопоставления умственного труда физическому, а внутри умственного труда – противопоставления философии и конкретных видов умственной деятельности (в первую очередь – юриспруденции). Но это не только поверхностные суждения. Здесь формируется попытка разрешить вопрос о соотношении философии и действительности: сначала в процессе соотнесения философии с юриспруденцией, а затем уже и с экономикой – т. е. с конкретными науками, «вторгающимися в жизнь». Буквально через три года он будет писать отцу о богах, спущенных с неба и ставших центром земного мира<sup>2</sup>.

Еще один важный момент, на который стоит обратить внимание и к которому К. Маркс будет обращаться на протяжении всего своего творчества, – это пути и способы разрешения той самой проблемы, которая сформулирована в начале сочинения:

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 35.

<sup>2</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 14.

достичь «общую цель – облагородить человечество и самого себя... возвысить себя и общество»<sup>1</sup>. Здесь на первый взгляд есть определенное противоречие: как можно одновременно возвышать себя и общество? Поставив этот вопрос в начале сочинения, Маркс отвечает на него сначала путем перечисления мотивов, внутренних и внешних, перечисления рациональных и эмоционально-психологических факторов, влияющих на выбор профессии, ибо, лишь *выбрав* профессию, можно решить эту задачу. И только в конце сочинения он возвращается к противоречию «блага человечества» – «наше собственное совершенствование» и способу его разрешения уже на уровне принципа.

«Не следует думать, – пишет он, – что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага»<sup>2</sup>.

Через 13 лет этот принцип, переосмысленный в контексте организации будущего общества, приобретет известную всем чеканную форму в «Манифесте»: «Ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»<sup>3</sup>. Но *кто* может создать такую ассоциацию? Вопрос о субъекте (agent) и субъектности (agency) в историческом процессе – это проблемная часть любой социальной теории, а в марксизме он стал одним из ключевых и лег в основу классовой теории и идеи диктатуры пролетариата.

В сочинении юный К. Маркс пишет: «Достоинство есть именно то, что больше всего возвышает человека... Но достоинство может придать лишь та профессия, в которой мы не являемся рабскими орудиями, а самостоятельно творим в сво-

<sup>1</sup> Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 3.

<sup>2</sup> Там же. С. 7.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 4. М.: ИПЛ, 1955. С. 447.

ем кругу...»<sup>1</sup> Но почему вообще человек может быть чьим-то «рабским орудием»? Ответ на этот вопрос станет одним из основных предметов научного поиска К. Маркса. В «Экономическо-философских рукописях» 1844 года проблема *субъектности* (и ее отсутствия), превращения человека в орудие выступит в форме проблемы *отчуждения* сущности человека в продукте его труда. Затем в «Нищете философии», в ходе критики прудоновской идеи неэквивалентного обмена труда на заработную плату, К. Маркс начинает искать *экономический* механизм подчинения труда капиталу (а следовательно, не-субъектности работника). А уже в «Капитале» он показывает, что и капиталист, владелец средств производства и «командир» производственного процесса, тоже имеет очевидно «усеченную субъектность». «Как капиталист, он представляет собой лишь персонифицированный капитал. Его душа – душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление – стремление возрастая»<sup>2</sup>. Мы уже отмечали, что «в логике *самовозрастания капитала* труд предстает как его разновидность – переменный капитал. Эта логика ввергает капиталиста в иллюзию относительно источника роста капитала. Для него субъектом, активной стороной представляется сам капитал – как *самовозрастающая* стоимость. (Но в таком случае сам хозяин капитала становится объектом управления, ибо цель ставит не он: цель заключена в самом капитале и предсуществует капиталисту...)»<sup>3</sup>. Складывается парадоксальная конфигурация перевертывания основания и обоснованного: субъект управления подчиняется... объекту<sup>4</sup>. *Wag the dog* (Хвост виляет собакой)...

<sup>1</sup> Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 6.

<sup>2</sup> Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1960. Т. 23. С. 244.

<sup>3</sup> Сегал А.П. Свободное время свободного труда – или новые огораживания? // Взгляд из России: Размышления о мужестве лени и безделье. Труд и его судьба / Blick aus Russland: Gedanken über den Mut zur Faulheit und zum Nichtstun. Die Arbeit und ihr Schicksal. М.: МГУ, 2017. С. 118.

<sup>4</sup> Сегал А.П. Опережая время: Памяти А.М. Гендина // Сибирский учитель. № 6 (109). С. 67.

Эта ситуация воспроизводится и в нынешнем обществе, поспешно и поверхностно именуемом «постиндустриальным» и «информационным». Многие современные исследователи уже давно рефлексируют тенденцию к потере субъектности<sup>1</sup>, к «неагентивности»<sup>2</sup>, особенно в кризисные периоды. Субъект-управленец, в полном соответствии с более чем полувековой давности заветами «гуру свободного рынка» Петера Друкера<sup>3</sup>, практически *всегда* относится к управляемому как к *объекту*. Но в ситуации кризиса, сам став объектом воздействия непреодолимой силы («форс-мажор») и почувствовав себя потерявшим субъектность, управленец (собственник) начинает искать того, *кто* им управляет – мистического враждебного субъекта, который на самом деле есть не что иное, как... тот же персонифицированный капитал.

### Письмо К. Маркса отцу

Став студентом Боннского университета, К. Маркс окунается с головой в жизнь буйного трирского землячества и чуть было не подпадает под отчисление. По настоянию отца, Генриха Маркса, Карл переводится в Берлинский университет, где подходит к учебе уже серьезнее (юноши в этом возрасте довольно быстро взрослеют) и даже начинает собственные исследования. Об этом он сообщает отцу в известном письме<sup>4</sup>.

К. Маркс пишет, в частности, что разрывается между желанием рассмотреть конкретную науку (из тех самых, что «вторгаются в жизнь», – юриспруденцию) и интересом к философии, которая, если выражаться в терминах юношеского сочинения, «занимается абстрактными истинами». Попытка соединить два этих интереса

<sup>1</sup> См.: Лепский В. Субъектно ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009.

<sup>2</sup> См.: Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.

<sup>3</sup> Drucker P.F. The Practice of Management, 1 ed. New York: Harper & Row, 1954; Drucker P.F. Management Challenges for the 21<sup>st</sup> Century, 1 ed. New York: Harper Collins Publishers, 1999.

<sup>4</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 8–18.

привела молодого Маркса, по его же словам, к попытке «провести некоторую систему философии права через всю область права»<sup>1</sup>.

Маркс описывает не дошедшую до нас рукопись, состоящую из двух частей: метафизики права и философии права. Философия права, в свою очередь, включала в себя учение о формальном и материальном праве. Маркс достаточно самокритично оценивает результат такой систематизации: «Вначале шла у меня метафизика права, – как я милостиво окрестил её, – т. е. принципы, размышления, определения понятий, оторванные от всякого действительного права и всякой действительной формы права, всё это на манер Фихте, только у меня современнее и бессодержательнее». Здесь важна характеристика «оторванности»: метафизика права а) рассматривается отдельно от философии права и б) оторвана от «действительного права» и всякой его «действительной формы».

К. Маркс замечает что, во-первых, такая оторванность порождается противоположностью между действительным и должным, свойственной идеализму, а во-вторых, «неуклюжее и неправильное подразделение» действительного права есть следствие априоризма метафизики права<sup>2</sup>.

«Противоположность между должным и сущим отвергается К. Марксом именно потому, что исходя из такого взгляда невозможно понять сущее, действительное», – пишет В.А. Вазюлин. – Действительным, сущим, фактически является конкретная наука, “практическая” дисциплина – юриспруденция, а должным – метафизика ее. Под действительным, сущим, имеется в виду также философия права в противоположность метафизике права как должному. Таким образом, противоположность между должным и сущим, действительным, выступает и как противоположность между философией и конкретной, действительной наукой, и одновременно как противоположность внутри философии: между метафизикой права и философией права»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 10.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 39.

Снять эту противоположность молодой Маркс предполагал через отрицание «математического догматизма», в котором «сама вещь не формируется в нечто многостороннее, развёртывающееся, живое». «Разум самой вещи должен здесь развёртываться как нечто в себе противоречивое и находить в себе своё единство»<sup>1</sup>, – считал он.

Критикуя свой собственный идеализм, молодой Маркс рассматривает в качестве источника, его питавшего, идеализм Фихте и Канта<sup>2</sup>, в то время как Гегеля он к идеалистам не относит. И хотя ему не нравится «причудливая дикая мелодия» гегелевской философии, он намеревается «философско-диалектически раскрыть божество в таких его проявлениях, как понятие в себе, как религия, как природа, как история», «убедиться, что духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как и телесная». В итоге Маркс с досадой констатирует, что «приходится сотворить себе кумира из ненавистного (мне) воззрения» и что занятия философией привели его, по его же собственным словам, «в объятия врага».

Итак, Маркс пришел самостоятельно к идеям гегелевской «Феноменологии духа», т. е. к критике субъективного идеализма с позиций идеализма объективного. Результатом занятий философией и юриспруденцией к осени 1837 года для Маркса стала формулировка проблемы отношений философии и действительности. Вначале они рассматривались как соотношение должного и сущего, отношения, в котором принципы (должное) первичны и определяют сущее «свыше». Затем, когда «завеса спала», настало время переселить богов на землю и «искать идею в самой действительности». Но при этом «боги», т. е. принципы должного, оставались «центром земли», *определяли* сущее, – но уже не трансцендентно, а имманентно.

«Он еще не осознает, что искание идеи в самой действительности отнюдь не то же, что рассмотрение действительности, самой по себе, и боги, переселенные из наддействительной

<sup>1</sup> Маркс К. Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 10.

<sup>2</sup> Там же. С. 14.

сферы в центр действительности, остаются богами и не становятся собственно действительностью»<sup>1</sup>.

### Диссертация как этап возникновения Марксовой теории

#### Мотивы выбора темы

К. Маркс, ускоренно, самостоятельно и в значительной мере вынужденно прошедший гегелевскую школу, примкнул к последователям Гегеля, к «Докторскому клубу». И здесь он выяснил, что гегелевская философия уже достаточно давно подвергается атакам критиков-младогегельянцев – и по вопросу об отношении философии к религии, и по вопросу о субстанции исторического развития, и по ряду других вопросов, общий смысл которых сводится к «переворачиванию Гегеля с головы на ноги», «приземлению» и обмирщению его спекулятивной системы. Общение с активными членами «Докторского клуба» и дружба с некоторыми из них (в особенности с Бруно и Эдгаром Бауэрами) сформировали и концептуализировали сферу интересов Маркса, в первую очередь в подходе к проблеме отношений философии и действительности. Но К. Маркс пошел путем не отрицания, а *снятия* гегелевского метода.

В начале 1839 года, чуть более чем через год после письма отцу<sup>2</sup>, где Маркс излагал промежуточные результаты своих штудий, он приступает к углубленному изучению истории античной философии. Результатом этой работы стали весьма объемные конспекты (семь «Тетрадей по эпикурейской философии»), послужившие, в свою очередь, основой для докторской диссертации, завершенной к марту 1841 года.

Мы уже отмечали, что основной интерес для Маркса-исследователя представляли проблемы отношений философии и действительности. И этот интерес стал **первым** фактором, повлиявшим на выбор темы.

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 42.

<sup>2</sup> К этому времени Генриха Маркса уже не было в живых – он умер 10 мая 1838 года.

**Вторым** фактором был, безусловно, исследовательский интерес к самому предмету как к неисследованной области. Как отмечал сам К. Маркс в предисловии к планировавшемуся изданию диссертации в марте 1841 года, «людям, знакомым с делом, известно, что по предмету этой работы не существует никаких сколько-нибудь пригодных предварительных работ»<sup>1</sup>.

**Третьим** фактором выбора темы стало, как мы тоже уже сказали, состояние классической гегелевской школы, представлявшей собой наивысшую на тот момент точку развития философии. К основным выводам этой школы К. Маркс пришел самостоятельно (и без особой радости – будучи внутренне антигегельянцем). Но, заинтересовавшись столь неожиданным для самого себя совпадением с Гегелем и сблизившись с младогегельянским «Докторским клубом», он обнаружил, что гегелевская школа переживает свой «железный век», время обмирщения и «титанической борьбы», что она находится в ситуации распада, перехода от благоговейного толкования учителя к внутренней критике со стороны эпигонов – и это продолжается довольно давно.

Здесь стоит отослать читателя к очень интересному наблюдению, сделанному замечательным советским философом Алексеем Сергеевичем Богомолотовым и относящемуся к развитию классических философских систем. Во введении к сборнику, вышедшему в Москве в 1978 году и посвященному другому немецкому классику, И. Канту, А.С. Богомолотов лаконично охарактеризовал путь эпигонства: «...Система великого мыслителя провозглашается альфой и омегой всего дальнейшего движения философии, тогда как само последнее оказывается разъяснением того, что сказано «учителем». Однако исследование «школ», или, иначе говоря, философских направлений и группировок, ставивших и пытавшихся осуществить такую цель, свидетельствует скорее о невозможности сколько-нибудь длительного сохранения исходного учения. Так, всем известно, что в учениях «сократических» школ мы не найдем уже «сократизма», что «академики» очень быстро до неузнаваемо-

<sup>1</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИГЛ, 1975. Т. 40. С. 152.

сти переиначили Платона и что даже верный Теофраст ставит больше вопросов перед аристотелевской метафизикой, чем может найти в ней ответов»<sup>1</sup>.

Точно так же и критика гегельянцами своего учителя, говоря словами самого Гегеля, была «дурной», – такой, что «удерживает противоположности врозь друг от друга... не соединяя этих мыслей, оставляет в силе взятое отдельно одно, а затем так же и отдельно другое»<sup>2</sup>.

Было очевидно, что великая система пришла к состоянию упадка, к каковому, видимо, приходили и другие великие *системы*, в том числе античные. Но противоречия **великих** систем не могут разрешаться ни путем отбрасывания одной из сторон<sup>3</sup>, ни путем сохранения их порознь... Требовался новый **метод**.

**Четвертым** фактором, закрепившим решение о выборе определенного исторического периода, стала *политическая ситуация в Пруссии*. Фридрих Вильгельм III, как и сменивший его на престоле в 1840 году Фридрих Вильгельм IV, вели жесткую реставрационную политику, и защита диссертации на современном Марксу материале была чревата пристальным вниманием цензуры и университетских администраций, в недрах которых уже зрело отношение к преподавателям и профессорам как к «*übergebildet*» («шибко умным»)». Достаточно сказать, что уже в 1841 году Бруно Бауэр был лишен доцентуры на теологическом факультете за публикацию «Критики евангельской истории синоптиков»<sup>5</sup>. Но в 1839 году Маркс пока еще рассчитывал на университетскую карьеру – и пошел по пути поиска *исторических аналогий*, выбрав в качестве материала историю античных школ эпохи упадка классической философии. Но при этом он все равно не надеялся на благосклонность прус-

<sup>1</sup> Богомолов А. Введение // Кант и кантианцы: Критические очерки одной философской традиции. М.: Наука, 1978. С. 3–4.

<sup>2</sup> Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 167.

<sup>3</sup> См.: Богомолов А. Указ. соч. С. 5.

<sup>4</sup> Эту формулировку Фридрих Вильгельм IV использовал в 1848 году в отношении учителей.

<sup>5</sup> Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker. Bd. I–II. Leipzig, 1841.

ской профессуры и отправил диссертацию в Йену. Формально это была территория другого государства (Великого герцогства Саксен-Веймарского), а кроме того, академические традиции Йенского университета не требовали личного присутствия соискателя. (Подробнее см. предисловие Л. Канфоры, III. 1.)

Здесь важно еще раз подчеркнуть, что К. Марксом двигали отнюдь не конформистские и не карьеристские соображения: он искренне стремился реализовать свои юношеские мечты, «работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага»<sup>1</sup>. Но на этом этапе его исследовательский интерес был пока еще обращен к *государству* (как он тогда полагал – «сфере общих интересов»). Поскольку же К. Маркс полагал определяющим фактором по отношению к государству философию, то и эта позиция, на наш взгляд, повлияла на выбор направления диссертационного исследования. А критическое отношение к религии, уже в тот момент сформировавшееся у К. Маркса, конкретизировало предмет исследования – **атомистические, материалистические** философские системы древности.

Впрочем, мы уже подчеркивали, что диссертация К. Маркса рассматривается в нашем предисловии не как *результат* исследования поздних античных текстов, а в первую очередь как *процесс исследования*. Причем предметом нашего рассмотрения является место диссертации К. Маркса в процессе становления, развития Марксовой теории – и в соотнесении с дальнейшими этапами развития Марксова метода.

Как историко-философское исследование диссертация, безусловно, интересна и познавательна. И этому ее аспекту посвящен подробный и чрезвычайно интересный текст уважаемого профессора Лучано Канфоры, предварявший итальянское издание<sup>2</sup> и представленный здесь в переводе А. Лорети. Но если, как сейчас принято говорить, «изменить оптику» и представить процесс более «общим планом», то этот момент творчества

<sup>1</sup> Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 7.

<sup>2</sup> Marx Karl. Differenza tra filosofia della natura di Democrito e quella di Epicuro. Con il saggio "Il dottore Marx" di Luciano Canfora. Editori Laterza, 2023.

К. Маркса выступит как закономерный *этап становления* зрелой Марксовой теории, представленной в «Капитале». Именно этому вопросу (по принципу дополнительности) посвящена наша часть вступительных текстов.

### **Метод исследования**

Противоречие, к которому рано или поздно приходит любая теоретическая система, становится следствием двух взаимосвязанных процессов: внутреннего развития самой системы знаний и развития внешнего по отношению к ней и отражаемого ею процесса (объекта).

«...Речь идет о диалектическом противоречии, отражающем реальную многогранность и сложность познавательного процесса, а потому требующем не устранения, а разрешения, поднимающего философию на новый, более высокий уровень»<sup>1</sup>, – писал Алексей Сергеевич Богомолов, анализируя эпигонов Канта. – «...Развитие мысли представляет собой диалектический процесс “снятия” – учение прошлого, сохраняясь в его реальном содержании, в то же время преодолевается, а уничтожаясь, включается в качественно преобразованном виде в новую систему знания. Преемственность и традиция оказываются в таком случае – а это как раз оптимальный путь развития – моментом революционного преобразования»<sup>2</sup>. Эти же слова справедливы и в отношении системы Гегеля и различных школ гегельянства.

Ко времени написания К. Марксом докторской диссертации гегелевская философия уже подверглась критике младогегельянами (и по вопросу об отношении философии к религии, и по вопросу о субстанции исторического развития и т. д.). Нарастание этой критики происходило в конечном счете на основе и в связи с новыми процессами действительности: со становлением капиталистических отношений в Германии, с ростом влияния буржуазии, ее притязаний на собственность и власть. Настало время *пересмотра метода*. И как мы уже успели от-

<sup>1</sup> Богомолов А. Введение // Кант и кантианцы: Критические очерки одной философской традиции. М.: Наука, 1978. С. 5.

<sup>2</sup> Там же. С. 3.

метить, у К. Маркса этот пересмотр происходил в направлении, отличном от направления младогегельянской критики.

К. Маркс пошел по пути расширения объекта исследования, или, что то же самое, включения в сферу исследования новых *внешних* факторов. Какие новые факторы должны быть включены в сферу рассмотрения, чтобы появилась возможность *развить переставший работать метод*?

Виктор Алексеевич Вазюлин в исследовании, специально посвященном становлению метода исследования К. Маркса, писал: «Новые внешние факторы включаются в процесс исследования избирательно, на характер их включения влияют внутренние потребности личности, направленность процесса исследования до включения в него этих новых внешних факторов. Включение новых внешних факторов, превращение их в моменты внутренние для процесса исследования, естественно, наиболее интенсивно и широко происходит тогда, когда процесс исследования сталкивается с препятствиями, с невозможностью своего дальнейшего осуществления. Именно трудность и даже неудача в осуществлении внутренних моментов процесса исследования заставляет исследователя с особым вниманием обратиться к новым внешним факторам»<sup>1</sup>. Он тем не менее отмечал, что развивающееся исследование развивающегося предмета – это всегда баланс. С одной стороны, исследователь должен проявить «здоровый консерватизм», не отвергать работающую теорию и не кидаться сломя голову в эмпирическое описание нового предмета. А с другой стороны, требуется вовремя понять, что предмет приобрел *новое качество* и что старое знание как метод уже не в состоянии отражать его сущность, описывать его и пути его трансформации. Напомним, что метод здесь понимается как знание, используемое для получения нового знания.

Мы позволим себе аналогию с процессом материального производства (она позволительна, поскольку иллюстрирует в обоих случаях процессы целесообразной деятельности). При

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 51.

переходе от бронзы к железу радикально изменились *способы* изготовления орудий, и изменение это проистекало в значительной мере в связи с изменением объекта – т. е. используемого для их изготовления материала. Точно так же материал, используемый при строительстве – дерево, кирпич или бетон, – диктует инструменты и технологию строительства.

«Требования к основному направлению исследования, как видим, противоречивы: с одной стороны, существует необходимость сохранения устойчивости основного направления и исчерпания его возможностей, с другой – необходимость возникновения предпосылок, постепенно расшатывающих эту устойчивость и ведущих в конечном счете к более развитой стадии научного исследования и соответствующему изменению основного направления исследования»<sup>1</sup>.

Итак, система классической немецкой философии вошла в свой «железный век», будучи не в состоянии рефлексировать самое себя. Оставалось обратиться к чему-то внешнему, к тому, с чем можно сравнить эту систему, – к иной системе – и провести аналогии между ними.

#### **Допустимо ли суждение по аналогии?**

Прием *рассуждения по аналогии*, который К. Маркс использовал в своей исследовательской работе в 1839–1841 годах, может показаться методологически слабым – и уж точно не инструментом разрешения противоречия классической системы. Ведь справедливо считается, что аналогия представляет собой эмпирический и явно *недостаточный* инструмент: она, как правило, схватывает *внешние* сходства и упускает из виду *существенные* различия. Но тут следует вернуться к разделу, где описан метод восхождения от абстрактного к конкретному, и вспомнить, что аналогия хотя и недостаточна, но является *необходимым этапом* развития познания. Действительно, *первым* исследовательским шагом на этом пути становится как раз схватывание «поверхности», когда предмет

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 52.

еще не определен – либо для науки, либо для исследователя, либо сам по себе в силу степени своего развития. А такого рода схватывание есть не что иное, как аналогия с другим, уже известным предметом.

Кроме того, если посмотреть на аналогию не только как на схватывание сходства, но и как на выявление *различия*, то перед нами уже будет процесс *развития*, этапы которого *сходны*, но представляют собой не циклический круговорот форм, а диалектическую спираль.

По мнению В.А. Вазюлина, интерес к прошлому, причем ко вполне определенным философским учениям прошлого, «диктуется необходимостью более глубоко понять настоящее и предвидеть будущее развитие... Но для того, чтобы провести аналогию (всякая аналогия представляет собой предположительное знание), необходимо в первую очередь выделить какие-то моменты в настоящем, оценить настоящее, и только при таком условии можно искать подобные моменты в прошлом, т. е. необходимо определенное представление о настоящем, прежде чем станет возможной аналогия с прошлым»<sup>1</sup>. Иными словами, ухватив в настоящем пока еще не ясный для себя предмет, исследователь ищет, на что он похож из того, *что* известно, *что* уже было в прошлом. И здесь, при таком уровне развития предмета (становящегося капиталистического общества в Германии), науки и исследователя, только начавшего свой путь, аналогия более чем уместна.

А что же ухватил К. Маркс в своем настоящем *такого*, что заставило его обратиться к «делам давно минувших дней»? «К. Маркс фиксирует в настоящем следующие признаки: разложение философии, претендовавшей на завершенность, опора на различные стороны этой философии различных школ ее последователей, господство младогегельянской философии, т. е. философии самосознания»<sup>2</sup>. Аналогичным образом в исследуемую К. Марксом историческую *эпоху* философская система Аристотеля теряет господствующее положение и «рас-

<sup>1</sup> Там же. С. 53.

<sup>2</sup> Там же. С. 52–53.

сыпается» на ряд школ, черпающих из нее отдельные элементы своих учений. При этом эпикурейцы, стоики и скептики истощивающе представляют весь спектр античной философии *самосознания*.

«Проводя аналогию настоящего с прошлым развитием, К. Маркс обнаруживает своего рода цикл развития в философии, *curriculum vitae* (жизненный путь) философии»<sup>1</sup>, причем, по собственной характеристике К. Маркса, жизненный путь «в его наиболее сосредоточенном выражении, в его субъективной заостренности»<sup>2</sup> – как в прошлом, так и в настоящем. Сам К. Маркс характеризует этот цикл как «психологический закон», заключающийся в том, «что ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию»<sup>3</sup>. Это превращение происходит поэтапно в следующем порядке:

1. Обнаружение отдельных, абстрактных принципов (движение к абстрактному).

2. Объединение абстрактных принципов в единое целое, образование завершенных, конкретных философских систем (движение от абстрактного к конкретному).

Примечание: Первый и второй шаги – моменты развития объективных форм философии.

3. Развитие субъективных форм философии.

4. Практические эпохи («железные эпохи», «эпохи титанической борьбы»).

Структура диссертации показывает, что К. Маркс продолжает размышлять над вопросом о соотношении философии и науки. Но при этом он совершает важный шаг: переходит от юриспруденции, об отношении которой к философии он писал отцу, к иной конкретной науке – физике (в понимании позднеантичных ученых). В силу этого диссертация представляет собой совершенно логичную последовательность шагов.

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 54.

<sup>2</sup> Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: ИПЛ, 1975. Т. 40. С. 210.

<sup>3</sup> Там же.

Определяя предмет исследования, К. Маркс пишет: «Существует, правда, очень избитая истина, которая гласит, что возникновение, расцвет и гибель образуют тот железный круг, в который заключено все человеческое и который оно должно пройти до конца. В таком случае не было бы ничего удивительного, если бы греческая философия, достигнув в лице Аристотеля высшего расцвета, затем увяла. Но смерть героев подобна закату солнца, а не смерти лягушки, лопнувшей с натуги. ... Сама гибель заложена уже в живом, и присущую ей форму следовало бы поэтому рассматривать – точно так же, как и данную форму жизни, – в ее специфической особенности... Не должно ли было бы это отношение побудить, по крайней мере, к исследованию того, каким образом греческая философия закончилась двумя различными группами эклектических систем... Разве, далее, не замечателен тот факт, что после платоновской и аристотелевской философских систем, приближающихся к завершенности по широте своего охвата, появляются новые системы, которые опираются не на эти богатые духовные формы, а возвращаются гораздо дальше назад, к самым простым школам»<sup>1</sup>.

Сравнение школ, о котором мы говорим, происходит в **трех плоскостях**:

1. Сначала поздняя античная школа сравнивается с ранней, причем вначале они соотносятся как школы физики: Маркс «бегло рассматривает» «суждения древних о взаимоотношении между физикой Демокрита и физикой Эпикура» и фиксирует их **сходство**. Однако при этом отмечается, что еще древние заметили «странную, неразрешимую загадку»: «Два философа выступают с одной и той же наукой, развивают ее одним и тем же способом, однако – как это непоследовательно! – они диаметрально противоположны друг другу во всем, что относится к вопросу об истине, достоверности, применении этой науки, что касается вообще отношений между мыслями и действительностью»<sup>2</sup>. Иными словами, фиксируется диаметрально различие натурфилософии, «метафизики природы» (Кант). Та-

<sup>1</sup> Там же. С. 156–157.

<sup>2</sup> Там же. С. 160.

ким образом, констатируется сложность их отождествления в философском аспекте.

2. *Различение* этих античных школ проводится уже не в аспекте метафизики природы, а в аспекте *физики* (Вторая часть диссертации).

Здесь имеет место аналогия, так сказать, в рамках античной эпохи: старая школа Демокрита сравнивается с молодой эпикурейской школой и делается вывод об общей тенденции упрощения классических школ в переложениях эпигонов.

3. Третья плоскость сравнения в самой диссертации не отражена, при том что она есть, пожалуй, главный продукт «творческой лаборатории» К. Маркса. Само *сравнение*, представляющее собой разворачивание от тождества к различию в тождестве (ибо различие в *частностях*, а не по существу), сравнивается как целое явление с другим, аналогичным ему сравнением классических школ и эпигонов XIX века. О цензурных причинах такого умолчания мы уже сказали выше.

Итак, в ходе исследования античного материала К. Маркс существенным образом трансформирует собственную исследовательскую модель: переходит от соотнесения философии и конкретной науки к соотнесению философии и действительности – но переход этот только намечается. Окончательное формирование предпосылок для перехода к иной методологии произойдет в работе 1843 года «К критике гегелевской философии права»<sup>1</sup>.

И в завершение этого раздела – интересное наблюдение (тоже аналогия): К. Маркс идет против основного философского течения (как оказалось, один из немногих против большинства, пошедшего вспять). И через сто лет то же самое произойдет с последователями К. Маркса: часть из них, подобно младогегельянцам, пойдет назад, путём критики зрелого Маркса, к раннему Марксу.

Мы не собирались в этом предисловии пересказывать *содержание* докторской диссертации К. Маркса. Перед нами стояла иная задача: сориентировать читателя в методологическом

<sup>1</sup> Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: ИПЛ, 1957.

плане, в рефлексии по поводу Марксова текста и представленного в нем процесса исследования. Это то, чего не было и не могло быть в самой диссертации, ибо автор либо осуществляет исследование, либо рефлексиирует по поводу процесса и результата этого исследования, как это делал К. Маркс в письме к отцу, а затем, спустя 13 лет, – в предисловии к работе «К критике гегелевской философии права».

Если следовать периодизации, предложенной В.А. Вазюлиным, то два с небольшим года работы над диссертацией – это «период перехода на позиции революционного демократизма и начало *возникновения предпосылок* метода научного исследования»<sup>1</sup>.

#### Вместо заключения

Казалось бы, *что* нового может вынести современный человек из чтения текста 160-летней давности, посвященного философу, жившим 2000 лет назад? Это же сплошные «лонгриды», да и думать приходится чаще, чем привычно... Но ищущий найдет:

1. Понимание становления метода.
2. Методично и доступно изложенные взгляды ярких представителей позднеантичной философии.
3. Стиль изложения, достойный того, чтобы попытаться его перенять.
4. Лабораторию творческой мысли.
5. Целостность восприятия великих систем древности.
6. Исторические параллели «железных веков» философии и истории – нынешнего и прошедших.
7. Достойные подражания трудолюбие и критическое мышление.

И это, поверьте, совсем немало в наше время «клипового сознания».

<sup>1</sup> Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). С. 50.

## Библиография

*Альтюссер Л.* За Маркса / Пер. с франц. – М.: Праксис, 2006. С. 49–51.

*Багатурия Г.А.* К вопросу о развитии марксистской теории формационного преобразования общества // Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. – М.: Культурная революция, 2009.

*Багатурия Г.А.* Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1983. № 9.

*Баиляр Г.* Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

*Баиляр Г.* Новый научный дух / Пер. с франц.; Ред. А.Ф. Зотов // Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987.

*Богомолов А.С.* Введение // Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. – М.: Наука, 1978.

*Вазюлин В.А.* Вопросы теории общественно-экономических формаций в трудах К. Маркса (исторический аспект) // Вестник Московского университета. 1983. (Серия 7: Философия).

*Вазюлин В.А.* Логика истории: Вопросы теории и методологии. – М.: МГУ, 1988.

*Вазюлин В.А.* Логика «Капитала» К. Маркса. – М.: МГУ, 1968.

*Вазюлин В.А.* Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). – М.: МГУ, 1975.

*Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.

*Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Книга вторая. – СПб.: Наука, 1994.

*Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 1. – М.: Мысль, 1970.

*Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. IV. Феноменология духа. – М.: Институт философии АН СССР, 1959.

*Давыдов Ю.Н.* Франкфуртская школа // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. 2-е изд., испр. и доп. / Ред. В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010.

*Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.

*Латин Н.И.* Молодой Маркс. 3-е изд., доп. ред. – М.: Политиздат, 1986.

*Лепский В.* Субъектно ориентированный подход к инновационному развитию. – М.: Когито-Центр, 2009.

*Маркс К.* Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья третья): Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., 2 ред. Т. 1. – М.: ИПЛ, 1955.

*Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. – М.: ИПЛ, 1960.

*Маркс К.* К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. – М.: ИПЛ, 1957.

*Маркс К.* К критике политической экономии: Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. – М.: ИПЛ, 1959.

*Маркс К.* Ницета философии господина Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. – М.: ИПЛ, 1955.

*Маркс К.* Письмо к отцу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 40. – М.: ИПЛ, 1975.

*Маркс К.* Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 40. – М.: ИПЛ, 1975.

*Маркс К.* Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 40. – М.: ИПЛ, 1975.

*Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. – М.: ИПЛ, 1955.

*Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. – М.: ИПЛ, 1968.

*Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. – М.: ИПЛ, 1974.

*Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. – М.: ИПЛ, 1955.

*Рокмор Т.* Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011.

*Сегал А.П.* Маркс и Барг – два пути критики буржуазного общества // Вестник Московского университета. 2019. № 5. (Серия 7: Философия).

*Сегал А.П.* Опережая время: Памяти А.М. Гендина // Сибирский учитель. 2016. № 6 (109).

Сегал А.П. Свободное время свободного труда – или новые огораживания? // Взгляд из России: Размышления о мужестве лени и безделье. Труд и его судьба / Blick aus Russland: Gedanken über den Mut zur Faulheit und zum Nichtstun. Die Arbeit und ihr Schicksal. – М.: МГУ, 2017.

Сегал А.П. Социально-философская концепция Маркса как инструмент формирования проективного мышления и иных входных компетенций от среднего к высшему гуманитарному образованию // Профессиональное образование в современном мире. Т. 8. 2018. № 3.

Сегал А.П. Формирование представлений К. Маркса о внутреннем источнике развития общества // Вестник Московского университета. 2018. № 6 (Серия 7: Философия).

Фромм Э. Марксова концепция человека [в Интернете 24 апреля 2006]. URL: [http://scepsis.net/library/id\\_642.html](http://scepsis.net/library/id_642.html).

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. – М.: ИПЛ, 1961.

*Bourdieu P.* Sur la television, Paris: Liber-Raisons d'agir, 1996.

*Drucker P.F.* Management Challenges for the 21<sup>st</sup> Century, 1 ed. New York: HarperCollins Publishers, 1999.

*Drucker P.F.* The Practice of Management, 1 ed. New York: Harper & Row, 1954.

*Marx K., Engels F.* Gesamtausgabe (MEGA). Abt IV. Exzerpte. Motizen. Marginalien. Bd. 2. Berlin, 1981.

*Marx K., Engels F., Lassalle F.* Aus dem literarischen Nachlaß, Bd. 1. Stuttgart, 1902.

*Vazjulin V.A.* Die Logik der Geschichte: Frage der Theorie und Methode. Nordenstedt: Books on Demand GmbH, 2011. S. 388.

*Βασιλιν Β.* Το ψίψνεσθ της μεθου επιστημονικής έρευνας του Κ. Μαρξ (λογική πτυχή), ΣΥΓΧΡΟΝΗ ΕΠΟΧΗ, 2020. Ρ. 440.

Карл Маркс

**РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ  
НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА  
И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА**

С ПРИЛОЖЕНИЕМ\*

Написано К. Марксом во второй  
половине 1840 – марте 1841 г.

Впервые опубликовано с сокращениями  
в книге: К. Маркс, Ф. Энгельс и Ф. Лассалле.

«Aus dem literarischen Nachlaß».  
Erster Band. Stuttgart, 1902;  
полностью опубликовано в *Marx–Engels  
Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 1,  
Hlbd. 1, 1927*

Подпись: Карл Генрих Маркс,  
доктор философии

Печатается по выправленной  
К. Марксом копии рукописи

Перевод с немецкого, древнегреческого  
и латинского

\*

Работа К. Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» является частью задуманного им еще в 1839 году общего исследования по истории античной философии.

В ходе занятий этими проблемами Марксом были составлены подготовительные «Тетради по эпикурейской философии» (см. настоящий том, стр. 21–140), использованные им и при написании данной работы. В начале апреля 1841 года Маркс направил ее на философский факультет Йенского университета в качестве диссертации на соискание степени доктора философии. Ученая степень была ему присуждена 15 апреля. Одновременно Маркс намеревался опубликовать свою работу в печати. В связи с этим им было написано посвящение и предисловие, датированное мартом 1841 года. Однако опубликовать работу не удалось, хотя Маркс возвращался к этому замыслу в конце 1841 – начале 1842 года. Авторская рукопись не разыскана. Сохранилась только написанная неизвестным лицом неполная копия ее с поправками и вставками, сделанными рукой Маркса. Тексты четвертого и пятого разделов первой части диссертации, а также «Приложения», за исключением одного фрагмента, принадлежность которого к диссертации лишь предположительна, и части авторских примечаний к «Приложению», не сохранились. Это видно при сравнении текста диссертации с составленным Марксом оглавлением (см. стр. 197). Каждый раздел первой части и каждая глава второй имеют самостоятельную нумерацию авторских примечаний. Эти примечания в виде воспроизведения цитат на греческом и латинском языках из источников и комментаторских дополнений также дошли до нас не целиком. В соответствии с сохранившейся копией рукописи они даны в переводе на русский язык после основного текста диссертации и обозначены в отличие от редакционных примечаний и сносок порядковыми номерами со скобкой. Явные опiski исправлены. Важнейшие смысловые изменения, внесенные Марксом в копию рукописи, оговорены в подстрочных редакционных примечаниях.

В первой публикации диссертации Маркса – K. Marx, F. Engels und Ferdinand Lassalle. «Aus dem literarischen Nachlaß». Bd. 1, Stuttgart, 1902 – были опущены почти все авторские примечания, за исключением нескольких отрывков, и упомянутый фрагмент. Первая полная публикация (по сохранившейся части рукописи) была осуществлена Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1927 г. при издании 1-го тома MEGA (Karl Marx – Friedrich Engels. «Historisch-kritische Gesamtausgabe». Erste Abteilung, Bd. 1, e Erster Halbband, §. 1–81).

**ДОРОГОМУ ОТЦУ И ДРУГУ**

**ТАЙНОМУ СОВЕТНИКУ**

**ГОСПОДИНУ**

**ЛЮДВИГУ фон ВЕСТФАЛЕНУ**

**В ТРИРЕ**

**ПОСВЯЩАЕТ ЭТИ СТРОКИ В ЗНАК СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ**

*АВТОР*

**Вы** простите мне, мой дорогой отец и друг, что я посылаю **Ваше** столь дорогое мне имя незначительной брошюре. У меня совершенно нет терпения ждать другого случая, чтобы представить **Вам** небольшое доказательство моей любви.

Я желал бы, чтобы все, кто сомневается в идее, имели, подобно мне, счастье восхищаться полным юношеских сил старцем, который приветствует всякий прогресс времени с энтузиазмом и серьезностью, присущими истине; проникнутый тем убежденным и светлым идеализмом, который один только знает подлинное слово, способное вызвать всех духов мира, он никогда не отступал в страхе перед мрачными тенями ретроградных призраков, перед черными тучами, часто застилающими горизонт нашего времени, но всегда, с божественной энергией и мужественно уверенным взглядом, смотрел сквозь все покровы в тот эмпирей, который пылает в сердце мира. **Вы, мой отец и друг**, всегда были для меня живым *argumentum ad oculos*<sup>\*</sup>, что идеализм – не фантазия, а истина.

Мне незачем просить для **Вас** физического благополучия. Дух – великий врач-волшебник, которому **Вы** доверились<sup>\*\*</sup>.

---

\* Наглядным доказательством. – Здесь и далее прим. ред.

\*\* Первоначально в последнем абзаце говорилось: «Я надеюсь следовать этому посланию любви, которое я Вам посылаю, и вместе с Вами вновь совершить прогулки по нашим чудесным живописным горам и лесам. Мне незачем просить для Вас физического благополучия. Дух и природа – великие врачи-волшебники, которым Вы доверились».

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Форма этой работы была бы, с одной стороны, в большей мере строго научной, с другой стороны, в некоторых своих частях, менее педантичной, если бы она не предназначалась первоначально для докторской диссертации. Внешние причины заставляют меня, однако, отдать ее в печать в этом виде. Кроме того, я думаю, что мне удалось в ней разрешить одну не разрешенную до сих пор проблему из истории греческой философии.

Людям, знакомым с делом, известно, что по предмету этой работы не существует никаких сколько-нибудь пригодных предварительных работ. Болтовню Цицерона и Плутарха продолжают повторять до настоящего времени. Гассенди, освободивший Эпикура от интердикта, наложенного на него Отцами Церкви и всем Средневековьем, этой эпохой воплощенного неразумия, дает в своих комментариях один только интересный момент. Он старается как-нибудь примирить свою католическую совесть со своим языческим знанием, Эпикура – с церковью, что было, конечно, напрасным трудом. Это равносильно тому, как если бы захотели набросить на цветущее, полное жизни тело греческой Лаисы христианское монашеское одеяние. Гассенди скорее сам учится у Эпикура философии и не может нас учить философии Эпикура.

На эту работу надо смотреть лишь как на предвестника более обширного сочинения, в котором я думаю обстоятель-

но разобрать цикл эпикурейской, стоической и скептической философии в их связи со всем греческим спекулятивным мышлением<sup>1</sup>. Недостатки этой работы как со стороны формы, так и в других отношениях там будут устранены.

Хотя Гегель в целом правильно определил общие черты названных систем, но при удивительно обширном и смелом плане его истории философии, с которой вообще только и начинается история философии, он не мог вдаваться в детали. С другой стороны, взгляд Гегеля на то, что он называл спекулятивным *par excellence*\*, мешал этому гигантскому мыслителю признать за указанными системами их высокое значение для истории греческой философии и для греческого духа вообще. Эти системы составляют ключ к истинной истории греческой философии. Более глубокое указание на их связь с греческой жизнью можно найти в сочинении моего друга Кённа «Фридрих Великий и его противники»<sup>2</sup>.

Если в виде приложения добавлена критика полемики Плутарха против теологии Эпикура, то это сделано потому, что полемика эта не является чем-то единичным, но характерна для определенного направления, очень отчетливо выражая отношение теологизирующего рассудка к философии.

В этой критике остается, помимо прочего, незатронутым также и то, насколько неправильна вообще точка зрения Плутарха, когда он привлекает философию пред судилище религии. По этому поводу достаточно привести, вместо всяких рассуждений, одно место из Давида Юма:

«Для философии, верховный авторитет которой должен был бы повсюду признаваться, является, конечно, своего рода унижением, что ее по всякому поводу заставляют извиняться за ее выводы и оправдываться перед всяким искусством и всякой наукой, которым она не угодила. При этом вспоминается король, которого обвиняют в государственной измене против своих собственных подданных»<sup>3</sup>.

---

\* По преимуществу (фр.).

Философия, пока в ее покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна еще капля крови, всегда будет заявлять – вместе с Эпикуром – своим противникам:

«Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах»<sup>4</sup>.

Философия этого не скрывает. Признание Прометея:

По правде, всех богов я ненавижу\* –

есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческое самосознание высшим божеством. Рядом с ним не должно быть никакого божества.

А в ответ заячьим душам, торжествующим по поводу того, что положение философии в обществе, по-видимому, ухудшилось, она повторяет то, что Прометей сказал слуге богов, Гермесу:

Знай хорошо, что я б не променял  
Своих скорбей на рабское служенье:  
Мне лучше быть прикованным к скале,  
Чем верным быть прислужником Зевеса\*.

Прометей – самый благородный святой и мученик в философском календаре.

Берлин, март 1841 г.

---

\* Эхил. «Прикованный Прометей». Перевод А.И. Пиотровского.

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

### О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА

#### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

##### РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА В ОБЩЕМ

- I. Предмет исследования.
- II. Суждения о взаимоотношениях между физикой Демокрита и физикой Эпикура.
- III. Затруднения, возникающие при отождествлении натурфилософии Демокрита с натурфилософией Эпикура.
- IV. Общее принципиальное различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура.
- V. Результат.

#### ЧАСТЬ ВТОРАЯ

##### О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ ЭПИКУРА В ЧАСТНОСТЯХ

*Глава первая.* Отклонение атома от прямой линии.

*Глава вторая.* Качества атома.

*Глава третья.* неделимые начала и неделимые элементы.

*Глава четвертая.* Время.

*Глава пятая.* Небесные явления.

#### ФРАГМЕНТ ИЗ ПРИЛОЖЕНИЯ

##### КРИТИКА ПОЛЕМИКИ ПЛУТАРХА ПРОТИВ ТЕОЛОГИИ ЭПИКУРА

#### II. Индивидуальное бессмертие

1. О религиозном феодализме. Ад для черни.

Примечания

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ  
РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА  
И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА В ОБЩЕМ

I. ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Греческая философия, на первый взгляд, закончилась так, как не должна кончатся хорошая трагедия, а именно: бесцветной развязкой. Кажется, что с Аристотелем, этим Александром Македонским греческой философии, прекращается объективная история философии в Греции, и даже мужественно сильным стоикам не удастся то, что удалось спартанцам в их храмах: крепко приковать Афины к Гераклу, чтобы она не могла убежать.

Эпикурейцев, стоиков, скептиков рассматривают чуть ли не как неуместный придаток, ни в какой мере не соответствующий своим величественным предпосылкам. Эпикурейская философия представляет собой будто бы синкретический агрегат из физики Демокрита и морали киренаиков; стоицизм является будто бы соединением гераклитовской философии природы, нравственного мировоззрения киников и, пожалуй, еще аристотелевской логики; наконец, скептицизм есть якобы необходимое зло, выступающее против этих догматических систем. Превращая, таким образом, эти философские учения в односторонний и тенденциозный эклектизм, их бессознательно связывают с александрийской философией. Наконец,

александрийская философия рассматривается как полнейшее фантазерство и хаос, как путаница, в которой, самое большее, можно-де признать универсальность намерения.

Существует, правда, очень избитая истина, которая гласит, что возникновение, расцвет и гибель образуют тот железный круг, в который заключено все человеческое и который оно должно пройти до конца. В таком случае не было бы ничего удивительного, если бы греческая философия, достигнув в лице Аристотеля высшего расцвета, затем увяла. Но смерть героев подобна закату солнца, а не смерти лягушки, лопнувшей с натуги.

Кроме того, возникновение, расцвет и гибель – совершенно общие, совершенно смутные представления, в которые, правда, можно вложить все, но с помощью которых нельзя ничего понять. Сама гибель заложена уже в живом, и присущую ей форму следовало бы поэтому рассматривать – точно так же, как и данную форму жизни, – в ее специфической особенности.

Наконец, если бросить взгляд на историю, то представляют ли эпикуреизм, стоицизм и скептицизм частные явления? Не представляют ли они основные типы римского духа, ту форму, в которой Греция перекочевала в Рим? Не являются ли они по своему существу настолько характерными, мощными, вечными, что даже современный мир должен был признать за ними полное духовное право гражданства?

Я указываю на это лишь для того, чтобы напомнить историческую важность этих систем. Но здесь речь идет не об их общем значении для образования вообще; речь идет об их связи с более древней греческой философией.

Не должно ли было бы это отношение побудить, по крайней мере, к исследованию того, каким образом греческая философия закончилась двумя различными группами эклектических систем, одна из которых составляет цикл эпикурейской, стоической и скептической философии, а вторая известна под общим именем александрийской спекулятивной философии? Разве, далее, не замечателен тот факт, что после платоновской и аристотелевской философских систем, приближающихся к завершенности по широте своего охвата, появляются новые

системы, которые опираются не на эти богатые духовные формы, а возвращаются гораздо дальше назад, к самым простым школам: в области физики – к натурфилософам, в области этики – к сократовской школе? Чем, далее, объясняется тот факт, что системы, выступающие после Аристотеля, словно находят в прошлом свою основу как нечто готовое, что Демокрит соединяется с киренаиками, а Гераклит – с киниками? Случайное ли это явление, что у эпикурейцев, стоиков и скептиков полностью представлены все моменты самосознания, но каждый момент представлен здесь как нечто существующее в отдельности? Является ли случайным, что эти системы, вместе взятые, образуют законченную структуру самосознания? Наконец, разве это случайность, что указанные системы признают действительностью истинной науки тот образ, который, в лице семи мудрецов, знаменует мифологическое начало греческой философии и который, словно в фокусе, воплотился в Сократе, этом demiurge философии, я имею в виду образ мудреца – σοφός?

Мне кажется, что если более ранние системы представляют больше интереса и значения в смысле содержания греческой философии, то послеаристотелевские системы, и преимущественно цикл эпикурейской, стоической и скептической школ, более значительны и интересны со стороны ее субъективной формы, ее характера. Однако эта-то субъективная форма – духовный носитель философских систем – до сих пор была почти совершенно забыта из-за их метафизических определений.

Изложение эпикурейской, стоической и скептической философий в их совокупности и во всей полноте их отношения к более ранней и более поздней греческой философской мысли я предполагаю дать в более подробном исследовании.

Здесь достаточно развить это отношение на одном как бы примере и с одной только стороны, именно со стороны связи этих философий с более ранней философской мыслью.

В качестве такого примера я беру отношение натурфилософии Эпикура к натурфилософии Демокрита. Я не думаю, чтобы оно было наиболее подходящей исходной точкой. Ибо, с одной стороны, это старый, глубоко укоренившийся предрас-

судок – отождествлять физику Демокрита и физику Эпикура и видеть в изменениях, внесенных Эпикуром, только произвольные фантазии; с другой стороны, я вынужден, что касается частных случаев, вдаваться в то, что может показаться мелочами. Однако именно потому, что этот предрассудок так же стар, как история философии, и различия так глубоко скрыты, что их можно обнаружить как бы только с помощью микроскопа, – именно поэтому особенно важно будет указать существенное, доходящее до мельчайших подробностей различие между физикой Демокрита и физикой Эпикура, несмотря на связь между ними. То, что можно проследить на деталях, еще легче выявить там, где отношения эти выражены в более крупном масштабе, – между тем как, наоборот, совершенно общие соображения оставляют сомнение в том, подтвердится ли общий вывод в каждом отдельном случае.

## II. СУЖДЕНИЯ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ ЭПИКУРА

В каком вообще отношении находится мое мнение к прежним мнениям – это будет видно, когда мы бегло рассмотрим суждения древних о взаимоотношениях между физикой Демокрита и физикой Эпикура.

*Посидоний Стоик, Николай и Сотион* обвиняют Эпикура в том, что учение Демокрита об атомах и Аристиппа о наслаждении он выдал за свое собственное учение [1]. Академик *Котта* задает у Цицерона вопрос: «Что же, собственно, есть в физике Эпикура, что не принадлежало бы Демокриту? Эпикур, правда, кое-что изменяет, но большей частью повторяет слова Демокрита» [2]. Сам же *Цицерон* говорит: «В физике, которой Эпикур особенно кичится, он совершенно несведущ. Большая часть принадлежит Демокриту; там же, где Эпикур от него отклоняется, где он хочет исправить, там он только портит и ухудшает» [3]. Но в то время как многие упрекали Эпикура в том, что он поносит имя Демокрита, Леонтей, наоборот, утверждает (как об этом говорит Плутарх), что Эпикур почитал Демокрита за то, что тот до него провозгласил истинное учение, что

он раньше открыл принципы природы [4]. В сочинении «О мнениях философов»<sup>5</sup> Эпикур именуется философствующим в духе Демокрита [5]. В своем произведении «Против Колота» Плутарх идет дальше. Сравнивая по порядку Эпикура с Демокритом, Эмпедоклом, Парменидом, Платоном, Сократом, Сильпоном, киренаиками и академиками, он силится сделать тот вывод, что «из всей греческой философии Эпикур усвоил себе ложное, истинного же он не понял» [6]. Враждебных инсинуаций подобного рода полно также и сочинение «О том, что, следуя Эпикуру, возможно жить счастливо».

Это неблагоприятное мнение более древних писателей остается таким же и у Отцов Церкви. Я привожу в примечании только одно место из Климента Александрийского [7], Отца Церкви, отношение которого к Эпикуру особенно заслуживает упоминания, так как предостережение апостола Павла против философии вообще он превратил в предостережение против эпикурейской философии как такой философии, которая даже не фантазировала о провидении и тому подобном [8]. Но как вообще склонны были обвинять Эпикура в плагиатах – это самым наглядным образом показывает *Секст Эмпирик*, который пытается выдать за главные источники эпикурейской философии несколько совершенно не подходящих для этого мест из Гомера и Эпихарма [9].

Как известно, писатели нового времени в целом точно так же считают Эпикура – поскольку он является натурфилософом – лишь плагиатором Демокрита. Их мнение вообще может быть здесь представлено одним замечанием *Лейбница*:

«Мы знаем об этом великом человеке [Демокрите] почти лишь то, что заимствовал у него Эпикур, который неспособен был брать у него всегда самое лучшее» [10].

Если, таким образом, по Цицерону, Эпикур ухудшил учение Демокрита, причем Цицерон признает за Эпикуром по крайней мере намерение исправить учение Демокрита и способность видеть недостатки этого учения; если Плутарх приписывает ему непоследовательность [11] и predeterminedенную склонность

к худшему, распространяя, таким образом, свое подозрение и на его намерения, то Лейбниц отказывает ему даже в способности умело делать извлечение из Демокрита.

Все, однако, сходятся в том, что Эпикур заимствовал свою физику у Демокрита.

### III. ЗАТРУДНЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ НАТУРФИЛОСОФИИ ДЕМОКРИТА С НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА

За тождественность физики Демокрита и Эпикура говорит многое и кроме исторических свидетельств. Принципы – атомы и пустота – бесспорно одни и те же. Только в отдельных определениях преобладает, по видимости, произвольное, а следовательно несущественное, различие.

Но в таком случае остается странная, неразрешимая загадка. Два философа выступают с одной и той же наукой, развивают ее одним и тем же способом, однако – как это непоследовательно! – они диаметрально противоположны друг другу во всем, что относится к вопросу об истине, достоверности, применении этой науки, что касается вообще отношения между мыслями и действительностью. Я говорю, что они диаметрально противоположны друг другу, и постараюсь теперь это доказать.

А) Суждение Демокрита об *истинности и достоверности человеческого знания* установить, по-видимому, трудно. У него встречаются противоречащие друг другу места, или, вернее, не эти места противоречат друг другу, а самые взгляды Демокрита. Утверждение Тренделенбурга в комментарии к Аристотелевой психологии, что лишь позднейшие писатели, а не Аристотель знали об этом противоречии, фактически неверно. В психологии\* Аристотеля сказано: «Демокрит считает душу и разум одним и тем же, ибо явление есть, по его мнению, истинное» [1], в «Мегафизике» же, наоборот, говорится: «Демокрит утверждает, что либо ничто не истинно, либо же истина сокрыта от нас» [2]. Разве не противоречат друг другу эти места у Ари-

\* Исправлено Марксом; первоначально было: «в науке о природе».

стотеля? Если явление есть истинное – как истина может быть сокрыта? Сокрытое начинается лишь там, где явление и истина отделяются друг от друга\*. Но *Диоген Лаэртский* говорит, что Демокрита причисляли к скептикам. Приводится его изречение: «Доподлинно мы ничего не знаем, ибо истина сокрыта в бездонной глубине» [3]. Подобные же замечания можно найти у *Секста Эмпирика* [4].

Это скептическое, неуверенное и внутренне противоречивое воззрение Демокрита получило всего лишь дальнейшее развитие в том, как он *определяет соотношение атома и чувственно воспринимаемого мира*.

С одной стороны, чувственное явление не присуще самим атомам. Оно не *объективное явление*, а *субъективная видимость*. «Истинные принципы – это атомы и пустота; *все остальное – мнение, видимость*» [5]. «Только во мнении существует холодное, только во мнении существует теплое, в действительности же – только атомы и пустота» [6]. Поэтому *единое* в действительности не слагается из многих атомов, а «в результате соединения атомов *кажется*, что возникает всякое единое» [7]. Только разумом можно поэтому созерцать принципы, которые уже вследствие малых размеров недоступны чувственному глазу и поэтому называются даже *идеями* [8]. Однако, с другой стороны, чувственное явление есть единственный истинный объект, и «чувственное восприятие» есть «разумное мышление», но это истинное – изменчиво, непостоянно, оно есть явление. Но говорить «Явление есть истинное» – значит противоречить самому себе [9]. Таким образом, то одна сторона, то другая превращаются попеременно в субъективное или в объективное. И вот противоречие как будто устраняется тем, что обе противоречащие стороны распределяются между двумя мирами. Демокрит превращает поэтому чувственную действительность в субъективную видимость, но антиномия, изгнанная из мира объектов, продолжает существовать в его собственном самосознании, в котором понятие атома и чувственное созерцание враждебно сталкиваются друг с другом.

---

\* Эта и предыдущая фразы вписаны рукой Маркса.

Демокриту, таким образом, не удастся избежать антиномии. Здесь еще не место объяснять ее. Довольно того, что нельзя отрицать ее существование.

Послушаем, наоборот, Эпикура. *Мудрец*, говорит он, относится к вещам *догматически, а не скептически* [10]. И именно в том и состоит его преимущество перед остальными, что он убежден в своем знании [11]. «Все чувства суть вестники истинного» [12]. «*Ничто не может опровергнуть чувственное восприятие*: однородное восприятие не может опровергнуть другое, однородное с ним, так как они равносильны, а неоднородное не может опровергнуть неоднородное, ибо судят они не об одном и том же; не может опровергнуть его и понятие, так как понятие зависит от чувственных восприятий» [13], – сказано в «Каноне». Но в то время как *Демокрит* делает *чувственный мир субъективной видимостью*, *Эпикур* делает его *объективным явлением*. И в этом он сознательно усматривает свое отличие от Демокрита, так как утверждает, что разделяет *те же принципы, однако не считает чувственные качества существующими лишь во мнении* [14].

Но если, таким образом, критерием служит Эпикуру чувственное восприятие; если восприятию соответствует объективное явление, – то остается только признать правильным выводом то, что заставляет Цицерона пожимать плечами. «Солнце представляется великим по своим размерам Демокриту, как человеку ученому и вполне овладевшему геометрией, Эпикуру же оно представляется величиной примерно в два фута, потому что он считает, что величина солнца в *действительности* такова, какой она *нам кажется*» [15].

Демокрит, у которого принцип не выступает в явлении, а остается лишенным действительности и существования, имеет зато перед собой, как мир реальный и полный содержания, мир чувственного восприятия. Правда, этот мир – лишь субъективная видимость, но именно в силу этого он оказывается оторванным от принципа и пребывающим в своей самостоятельной реальности; являясь в то же время единственным реальным объектом, мир этот имеет ценность и значение как таковой. Демокрит вынужден поэтому перейти к опытному

наблюдению. Неудовлетворенный философией, он бросается в объятия положительного знания. Мы уже слышали, что Цицерон называет его *vir eruditus*\*. Он был сведущ в физике, этике, математике, во всех дисциплинах, входящих в круг знания его времени, во всех искусствах [16]. Уже приведенный Диогеном Лаэртцем перечень сочинений Демокрита свидетельствует об его учености [17]. Но так как для учености характерно стремление все больше расширяться, собирать материал, направляя свои поиски вовне, то мы видим, что Демокрит *объезжает полмира*, чтобы накопить опять, знания и наблюдения. «Из всех моих современников, – с гордостью говорит о себе Демокрит, – я объехал наибольшую часть земли, исследуя самое отдаленное; я видел наибольшее число земель и стран и я слушал речи наибольшего числа ученых людей, а в комбинировании линий, связанном с доказательством, никто меня не превзошел, даже египетские так называемые арсипедонапты» [18].

Б) *Это различие теоретических взглядов* Демокрита и Эпикура на достоверность науки и истинность ее объектов *проявляется в различии научной энергии и практической деятельности* этих двух мыслителей.

*Деметрий* в «Одноименных авторах» и *Антисфен* в «Диалогах» рассказывают, что Демокрит отправился в Египет к жрецам, чтобы изучить геометрию, и к халдеям в Персию и что он доехал до Красного моря. Некоторые утверждают, что он встречался с гимнософистами<sup>6</sup> в Индии и что он побывал в Эфиопии [19]. С одной стороны, *жажда знания* не дает ему покоя; с другой стороны, *неудовлетворенность истинным, т.е. философским, знанием* гонит его вдаль. Знание, которое он считает истинным, бессодержательно; знание, которое дает ему содержание, лишено истинности. Возможно, что анекдот древних о Демокрите представляет собой вымысел, но в таком случае это очень правдоподобный вымысел, так как он подчеркивает внутреннюю противоречивость, присущую Демокриту. Рассказывают, будто Демокрит сам ослепил себя для того, чтобы *свет, чувственно воспринимаемый глазом*, не затмил

\* Ученый муж.

*остроты его ума* [20]. И это тот самый человек, который, по словам Цицерона, объехал полмира. Но он не нашел того, чего искал.

В лице Эпикура – перед нами совершенно противоположная фигура.

В *философии* Эпикур находит *удовлетворение и блаженство*. «Ты должен служить философии, – говорит он, – чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится долго ждать; он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философии есть свобода» [21]. «Ни юноша, – поучает он дальше, – не должен откладывать занятия философией, ни старик не должен оставлять эти занятия. Ибо для забот о здоровье души никто не бывает ни недозревшим, ни перезревшим. А тот, кто говорит, что время для занятий философией еще не наступило или уже миновало, – похож на того, кто утверждает, что для счастья час еще не наступил или что он уже прошел» [22]. В то время как Демокрит, неудовлетворенный философией, бросается в объятия эмпирического знания, *Эпикур презирает положительные науки*, так как они, по его мнению, ничем не содействуют достижению *истинного совершенства* [23]. Его называют *врагом науки*, противником грамматики [24]. Его упрекают даже в невежестве, «но, – говорит один эпикурец у Цицерона, – не Эпикур был необразован, а невежественны те, которые думают, что и старик должен повторять как заученное то, чего стыдно не знать мальчику» [25].

Но в то время как *Демокрит* стремится приобрести знания у *египетских жрецов, персидских халдеев и индийских гимнософистов*, *Эпикур гордится* тем, что он не имел *никаких учителей*, что он *самоучка* [26]. Некоторые – говорит он, по свидетельству Сенеки, – стремятся к истине без всякой посторонней помощи. Он, проложивший сам себе путь, относится к их числу. И их, самоучек, он больше всего хвалит. Другие – это, мол, умы второго разряда [27]. В то время как беспокойный дух Демокрита гонит его во все части света, Эпикур лишь два или три раза покидает свой сад в Афинах и ездит в Ионию не для исследований, а для того, чтобы навестить друзей [28]. В то

время, наконец, как Демокрит, отчаявшись в знаниях, лишает себя зрения, Эпикур, чувствуя приближение смерти, садится в теплую ванну, требует чистого вина и советует своим друзьям оставаться верными философии [29].

В) Нельзя приписать только что указанные различия случайной индивидуальности обоих философов; два противоположных направления – вот что воплощено в них. Здесь перед нами выступает как различие в практической деятельности то, что выше получило свое выражение как различие в теоретическом сознании.

Рассмотрим, наконец, ту *форму рефлексии*, которая *выражает отношение мысли к бытию, их взаимоотношение*. В том общем отношении, которое философ устанавливает между миром и мыслью, он лишь объективирует для самого себя отношение своего особого сознания к реальному миру.

Демокрит рассматривает *необходимость* как форму рефлексии действительности [30]. Аристотель говорит о нем, что он все сводит к необходимости [31]. Диоген Лаэртский сообщает, что вихрь атомов, из которого все происходит, и есть демокритовская необходимость [32]. Обстоятельнее говорит об этом автор сочинения «О мнениях философов»: «Необходимость, по Демокриту, является судьбой, и правом, и провидением, и созидательницей мира. Субстанцией же этой необходимости являются сопротивление материи, ее движение и удар» [33]. Подобное же место находится в физических эклогах *Стобея* [34] и в шестой книге «Евангельского приготовления» *Евсевия* [35]. В этических эклогах *Стобея* сохранилось следующее изречение Демокрита [36], которое почти буквально повторено и в четырнадцатой книге *Евсевия* [37], а именно: люди измыслили себе призрак случая – свидетельство своей собственной беспомощности, так как *случай враждует с сильным мышлением*. Точно так же *Симплиций* относит к Демокриту то место у Аристотеля, где он говорит о древнем учении, устранившем случай [38].

Эпикур же, наоборот, говорит: «*Необходимость*, которая вводится некоторыми в качестве верховной повелительницы, *не существует*, но одно *случайно*, другое зависит от нашего

*произвола*. Необходимость непрекаема, случай, наоборот, непостоянен. Уж лучше следовать мифу о богах, чем быть рабом εἰσαρμένῃ\* физиков. Ибо миф этот оставляет надежду на умилоствление богов посредством их почитания, εἰσαρμένῃ же есть неумолимая необходимость. Признать же надо *случай*, а не бога, как думает толпа» [39]. «Несчастье – жить в необходимости, но жить в необходимости вовсе не является необходимостью. Пути к свободе везде открыты, их много, они коротки и легки. Возблагодарим же бога за то, что никого нельзя удержать в жизни. Обуздать самое необходимость – дозволено» [40].

Нечто подобное высказывает эпикуреец Веллей у Цицерона по поводу стоической философии: «Что следует думать о такой философии, по воззрению которой, – как это представляется старым и притом невежественным бабам, – все происходит по воле рока?.. Эпикур – наш избавитель, он дал нам свободу» [41].

Чтобы избегнуть признания какой бы то ни было необходимости, Эпикур *отрицает* даже *разделительное суждение* [42].

Утверждают, правда, что и Демокрит признавал случай, но из двух мест, которые мы находим об этом у *Симплиция* [43], одно делает сомнительным другое, так как оно ясно показывает, что не Демокрит применял категорию случая, а *Симплиций* приписывал ее Демокриту как последовательный вывод. А именно *Симплиций* говорит, что Демокрит не указывает причины сотворения мира вообще и что он, *по-видимому*, считает причиной случай. Но здесь дело не в *определении содержания*, а в той *форме*, которую Демокрит *сознательно* применял. Так же обстоит дело с сообщением *Евсевия*: Демокрит, сделав случай властелином общего и божественного, утверждал, что здесь все происходит благодаря случаю, тогда как из человеческой жизни и природы, данной в опыте, он изгонял случай, а проповедников его поносил как глупцов [44].

Отчасти мы имеем здесь дело просто с домыслами христианского епископа *Дионисия*, отчасти же – там, где начинается

\* Судьбы, рока (др.-греч.).

общее и божественное, – представление Демокрита о необходимости перестает отличаться от случая.

Одно, таким образом, исторически верно: *Демокрит* признает *необходимость*, *Эпикур* – *случайность*, и каждый с полемическим жаром отрицает противоположный взгляд.

*Главное следствие этого различия выражается в способе объяснения отдельных физических явлений.*

Необходимость проявляется в конечной природе как *относительная необходимость*, как *детерминизм*. Относительная необходимость может быть выведена только из *реальной возможности*, это значит: существует круг условий, причин, оснований и т. д., которыми опосредствуется эта необходимость. Реальная возможность является раскрытием относительной необходимости. И мы находим применение ее у Демокрита. Приведем несколько доказательств из Симплиция.

Если человек, почувствовав жажду, напьется воды и станет здоров, то Демокрит будет считать причиной не случай, а жажду. Ибо если он и допускал, по-видимому, случай при сотворении мира, то он все же утверждает, что в каждом отдельном явлении случай не есть причина чего-либо, а лишь указывает на другие причины. Так, например, причиной находки клада является-де рытье ямы или причиной роста оливкового дерева – его посадка [45].

Энтузиазм и серьезность, с которыми Демокрит вводит этот способ объяснения в исследование природы, значение, которое он придает стремлению все обосновывать, наивно высказывается в признании: «Я предпочел бы открытие одной новой причинной связи персидскому престолу!» [46]

Эпикур опять-таки прямо противоположен Демокриту. Случай есть та действительность, которая имеет лишь значение возможности, *абстрактная же возможность* есть прямой *антипод реальной*. Последняя ограничена строгими пределами, подобно рассудку; первая же беспредельна, как фантазия. Реальная возможность стремится обосновать необходимость и действительность своего объекта; абстрактная же возможность интересуется не объектом, которому дается объяснение, а субъектом, который это объяснение дает. Лишь бы только пред-

мет был возможен, мыслим. То, что абстрактно возможно, что можно мыслить, то не становится поперек дороги мыслящему субъекту, не составляет для него границы, камня преткновения. Безразлично, осуществлена ли эта возможность, потому что интерес направлен здесь не на предмет как таковой.

Поэтому Эпикур допускает безграничную беспечность при объяснении отдельных физических явлений.

Яснее это видно будет из письма к Пифоклу, которое нам предстоит еще рассмотреть. Здесь достаточно обратить внимание на отношение Эпикура к мнениям прежних физиков. Там, где автор сочинения «О мнениях философов» и Стобей приводят различные взгляды философов о субстанции звезд, о величине и форме солнца и т. п., они обыкновенно говорят об Эпикуре: он не отвергает ни одного из этих мнений, *все они*, по его мнению, *могут* быть верны, он придерживается *возможного* [47]. Эпикур даже *полемизирует* против логически обосновывающего, а потому одностороннего, способа объяснения из реальной возможности.

Так, *Сенека* говорит в своих «Вопросах природы»: Эпикур утверждает, что все эти причины могли бы существовать, пытается дать помимо этого еще и другие объяснения и *порицает* тех, кто утверждает, что имеется лишь какая-нибудь одна из этих причин, так как рискованно судить аподиктически о том, что можно выводить только из предположений [48].

Как мы видим, здесь отсутствует интерес к исследованию реальных оснований объектов. Дело идет лишь об успокоении объясняющего субъекта. Так как все возможное допускается как возможное, что соответствует характеру абстрактной возможности, то очевидно, *случайность бытия* лишь переносится в *случайность мышления*. Единственное правило, которое предписывает Эпикур, – «объяснение не должно *противоречить* чувственному восприятию» – есть нечто само собой понятное, ибо абстрактно возможное в том именно и состоит, чтобы быть свободным от противоречия, которого, следовательно, надо остерегаться [49]. Наконец, Эпикур сознается, что его способ объяснения имеет целью *атараксию самосознания*, а не *познание природы само по себе* [50].

Нет необходимости, конечно, доказывать еще, что и в данном случае он представляет полную противоположность Демокриту.

Мы видим, таким образом, как оба мыслителя на каждом шагу оказываются противоположными друг другу. Один – скептик, другой – догматик; один считает чувственный мир субъективной видимостью, другой – объективным явлением. Тот, который считает чувственный мир субъективной видимостью, опирается на эмпирическую науку о природе и на положительные знания и воплощает в себе беспокойство наблюдения, экспериментирующего, всюду ищущего познаний, странствующего по свету. Другой, который считает мир явлений реальным, презирает опыт; в нем воплощены покой самоудовлетворенного мышления, самостоятельность, которая черпает свое знание *ex principio interno*\*. Но противоречие идет еще дальше. Скептик и эмпирик, считающий чувственную природу субъективной видимостью, рассматривает ее с точки зрения необходимости и старается объяснить и понять реальное существование вещей. Наоборот, философ и догматик, признающий явление реальным, везде видит только случай, и его способ объяснения скорее сводится к тому, чтобы отвергнуть всякую объективную реальность природы. В этих противоположностях как будто кроется известная несообразность.

Лишь с трудом можно еще допустить, что эти философы, во всем противореча друг другу, будут придерживаться одного и того же учения. И все же они представляются прикованными друг к другу.

Выяснить в общем их отношение друг к другу – такова задача следующего отдела<sup>7</sup>.

---

\* Из внутреннего принципа (*лат.*).

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ ЭПИКУРА В ЧАСТНОСТЯХ

### ГЛАВА ПЕРВАЯ ОТКЛОНЕНИЕ АТОМА ОТ ПРЯМОЙ ЛИНИИ

Эпикур признает *тремя* движение атомов в пустоте [1]. Одно из них есть движение *падения по прямой линии*; другое происходит вследствие того, что атом *отклоняется от прямой линии*; третье же возникает благодаря *отталкиванию многочисленных атомов друг от друга*. Признание первого и последнего из этих видов движения является общим для Демокрита и Эпикура; *отклонение же атома* от прямой линии отличает Эпикура от Демокрита [2].

По поводу этого движения отклонения много острили. Цицерон в особенности неистощим, когда он затрагивает эту тему. Так, между прочим, у него говорится: «Эпикур утверждает, что атомы несутся в силу своей тяжести вниз по прямой линии; это и есть, по его мнению, естественное движение тел. Но затем его осенила мысль, что если бы все атомы двигались сверху вниз, то никогда ни один атом не пришел бы в соприкосновение с другим. Поэтому Эпикур прибег к ложному утверждению: он заявил, что атом якобы чуть-чуть отклоняется, что совершенно невозможно. Отсюда-де возникают сплетения, сочетания и сцепления атомов между собой, и в результате образуется мир, все части мира и все, что в нем содержится. Не говоря уже о том,

что все это по-детски выдуманно, Эпикур не достигает даже того, чего хочет» [3]. Другую версию мы находим у Цицерона в первой книге его сочинения «О природе богов». «Так как Эпикур понял, что если бы атомы вследствие своей собственной тяжести неслись вниз, то от нашей власти ничего бы не зависело, ибо движение атомов является определенным и необходимым, – то он, чтобы избежать необходимости, измыслил такое средство, до которого Демокрит не додумался. Эпикур говорит, что атом, хотя он и несется сверху вниз вследствие своего веса и тяжести, все же чуть-чуть отклоняется. Утверждать это постыднее, чем не уметь доказать то, чего он хочет» [4].

Аналогично рассуждает *Пьер Бейль*:

«До него (т. е. Эпикура) в атомах допускали только движение, обусловленное тяжестью, и движение, обусловленное отталкиванием. Эпикур предположил, что даже в пустоте атомы немного отклоняются от прямой линии, и отсюда, говорил он, явилась свобода... Надо заметить, между прочим, что это не было единственным мотивом, побудившим его придумать это движение отклонения; последнее служило ему также для объяснения встречи атомов, потому что он, конечно, видел, что никогда не в состоянии будет объяснить возможность встречи атомов при предположении, что они с одинаковой скоростью движутся по прямым линиям, все сверху вниз, и что при этом условии невозможно было бы возникновение мира. Атомы должны были поэтому отклоняться от прямой линии» [5].

Я пока оставляю в стороне вопрос о степени убедительности этих рассуждений. Однако всякий может с первого же взгляда заметить, что новейший критик Эпикура, *Шайбах*, неправильно понял Цицерона, когда он говорит:

«Атомы вследствие тяжести, т. е. по физическим основаниям, все несутся параллельно вниз, но от взаимного отталкивания приобретают другое движение – а именно, по Цицерону («О природе богов», I, 25), некоторое косое движение в силу случайных причин, действующих притом извечно» [6].

Во-первых, Цицерон в цитированном месте считает не отталкивание основанием косого направления, а, наоборот, косое направление – основанием отталкивания. Во-вторых, он не говорит о случайных причинах, а, наоборот, порицает Эпикура за то, что тот не приводит никаких причин; да и само по себе было бы противоречием считать в одно и то же время основанием косого направления как отталкивание, так и случайные причины. Тогда можно было бы говорить самое большее о случайных причинах отталкивания, но не косого направления.

Впрочем, в рассуждениях Цицерона и Бейля есть одна особенность, которая настолько бросается в глаза, что ее необходимо тут же и отметить. А именно, они приписывают Эпикуру такие побудительные мотивы, из которых один исключает другой: Эпикур допускает якобы отклонение атомов то для объяснения отталкивания, то для объяснения свободы. Но если атомы *не* встречаются друг с другом без отклонения, то в таком случае отклонение излишне для обоснования свободы, так как противоположность свободы берет свое начало, как мы видим у *Лукреция* [7], лишь вместе с детерминистической и вынужденной встречей атомов. Если же атомы встречаются друг с другом *без* отклонения, то последнее излишне для обоснования отталкивания. Я утверждаю, что противоречие это возникает в том случае, если причины отклонения атома от прямой линии понимаются так внешне и бессвязно, как это имеет место у Цицерона и Бейля. У *Лукреция*, который вообще из всех древних один только постиг эпикурейскую физику, мы найдем более глубокую трактовку вопроса.

Обратимся теперь к рассмотрению самого отклонения.

Как точка снята в линии, точно так же каждое падающее тело снято в той прямой линии, которую оно описывает. Специфическое его качество не имеет здесь значения. Яблоко при своем падении описывает такую же отвесную линию, как и кусок железа. Всякое тело, поскольку мы его рассматриваем в движении падения, есть, таким образом, не что иное, как движущаяся точка, и притом точка, лишенная самостоятельности, теряющая свою индивидуальность в определенном

наличном бытии – в прямой линии, которую она описывает в своем движении. Поэтому Аристотель справедливо замечает против пифагорейцев: «Вы говорите, что движение линии образует поверхность, движение точки – линию; в таком случае и движения монад будут линиями» [8]. Таким образом, вывод из этого пифагорейского представления – как для монад, так и для атомов, ввиду их постоянного движения [9], – был бы тот, что ни атомы, ни монады не существуют, что они скорее исчезают в прямой линии; ибо, поскольку мы представляем себе атом лишь падающим по прямой линии, мы не имеем еще дела с плотностью атома. Прежде всего, если представлять себе пустоту как пространственную пустоту, то *атом* является *непосредственным отрицанием абстрактного пространства*, является, следовательно, *пространственной точкой*. Плотность, интенсивность, которая, в противовес внеположности пространства, утверждает себя внутри себя, может явиться следствием только принципа, отрицающего пространство во всей его сфере, а таким принципом в действительной природе является время. Кроме того, если даже не согласиться с этим, то атом, поскольку движение его составляет прямую линию, определяется исключительно пространством, имеет, в силу необходимости, бытие относительное и существование чисто материальное. Но мы видели, что одним из моментов, содержащихся в понятии атома, является чистая форма, отрицание всякой относительности, всякого отношения к другому наличному бытию. Мы вместе с тем заметили, что Эпикур объективировал оба момента, которые хотя и противоречат один другому, но оба заключены в понятии атома.

Как же в таком случае реализуется Эпикуром это чистое определение формы атома, понятие чистой единичности, отрицающее всякое, определенное другим, наличное бытие?

Так как Эпикур движется в сфере непосредственного бытия, то все определения являются непосредственными. Таким образом, противоположные определения противопоставляются друг другу как непосредственные реальности.

Но *относительное существование*, противостоящее атому, *то наличное бытие*, которое он должен подвергнуть отри-

*цанию*, есть *прямая линия*. Непосредственное отрицание этого движения есть *другое движение*, оно, следовательно, есть – если представить его опять-таки пространственно – *отклонение от прямой линии*.

Атомы – совершенно самостоятельные тела или, лучше сказать, тела, мыслимые – как и небесные тела – в абсолютной самостоятельности. Они поэтому и движутся, подобно небесным телам, не по прямым, а по косым линиям. *Движение падения есть движение несамостоятельности*.

Если, таким образом, Эпикур в движении атома по прямой линии выразил его материальность, то в отклонении от прямой линии он реализовал присущее атому определение формы, и эти противоположные определения он представил как непосредственно противоположные движения.

*Лукреций* поэтому справедливо утверждает, что отклонение прорывает «рока законы» [10], и подобно тому как он тотчас же применяет это к сознанию [11], так и об атоме можно сказать, что отклонение есть именно нечто такое в его груди, что может противоборствовать и сопротивляться.

Цицерон упрекает Эпикура в том, что «он не достигает даже того, ради чего он это выдумал; ибо если бы все атомы отклонялись, то никогда между ними не произошло бы никаких сцеплений; либо же одни атомы отклонялись бы, а другие были бы увлечены движением по прямой линии. Это все равно как если бы указать определенные места атомам – каким нестись прямо, каким вкось» [12].

Возражение это находит свое оправдание в том, что оба момента, содержащиеся в понятии атома, представлены как непосредственно различные движения и, следовательно, должны были бы принадлежать различным индивидуумам, – непоследовательность, которая, однако, последовательна, так как сфера атома есть непосредственность.

Эпикур очень хорошо чувствует заключающееся здесь противоречие. Он старается поэтому представить отклонение по возможности *нечувственно*. Оно совершается «не в положенный срок и совсем не на месте известном» [13], оно происходит в наименьшем пространстве, какое только возможно [14].

Далее Цицерон [15] и, по Плутарху, многие древние [16] приписывают Эпикуру за то, что, по его учению, отклонение атома происходит *без причины*, а ничего более постыдного, говорит Цицерон, не может случиться с физиком [17]. Но, во-первых, физическая причина, какой требует Цицерон, вновь отбросила бы отклонение атома в сферу детерминизма, между тем как оно, наоборот, должно этот детерминизм преодолеть. *Затем, атом отнюдь не завершен, пока в нем не проявилось определение отклонения.* Спрашивать о причине этого определения – все равно что спрашивать о причине, превращающей атом в принцип, – вопрос, очевидно лишенный смысла для того, кто признает, что атом есть причина всего и, следовательно, сам не имеет причины.

Когда, наконец, Бейль [18], опираясь на авторитет Августина [19], по мнению которого Демокрит приписал атомам духовный принцип, – авторитет, который, впрочем, будучи противопоставлен Аристотелю и другим древним, совершенно ничтожен, – упрекает Эпикура, что он вместо этого духовного принципа придумал отклонение, то можно ему возразить, что душа атома – это только слово, между тем как в отклонении представлена действительная душа атома, понятие абстрактной единичности.

Прежде чем рассматривать последствия отклонения атома от прямой линии, нужно указать еще на один в высшей степени важный момент, на который до сих пор совершенно не обращали внимания.

*А именно, отклонение атома от прямой линии не есть особое, случайно встречающееся в эпикурейской физике определение. Напротив, закон, который оно выражает, проходит через всю эпикурейскую философию, но таким образом, что – как это само собой разумеется – определенность его проявления зависит от той сферы, в которой он применяется.*

Абстрактная единичность может осуществить свое понятие – присущее ей определение формы, чистое для-себя-бытие, независимость от непосредственного наличного бытия, снятие всякой относительности – только путем *абстрагирования от противостоящего ей наличного бытия.* Ведь для

того, чтобы действительно преодолеть это последнее, она должна была бы его идеализировать, что возможно только для всеобщности.

Следовательно, подобно тому как атом освобождается от своего относительного существования, от прямой линии, путем абстрагирования от нее, путем отклонения от нее, – так и вся эпикурейская философия уклоняется от ограничивающего наличного бытия всюду, где понятие абстрактной единичности – самостоятельность и отрицание всякого отношения к другому – должно быть представлено в его существовании.

Так, целью деятельности является абстрагирование, уклонение от боли и смятения, атараксия [20]. Так, добро есть бегство от зла [21], а наслаждение есть уклонение от страдания [22]. Наконец, там, где абстрактная единичность выступает в своей высшей свободе и самостоятельности, в своей завершенности, там – вполне последовательно – то наличное бытие, от которого она уклоняется, есть *наличное бытие в его совокупности*; и поэтому боги избегают мира, не заботятся о нем и живут вне его [23].

Очень много острили по поводу этих богов Эпикура, которые, будучи похожи на людей, живут в межмировых пространствах действительного мира, имеют не тело, а квазитело, не кровь, а квазикровь [24]; пребывая в блаженном покое, они не внемлют ничьей мольбе, не заботятся ни о нас, ни о мире, и почитаются они ради их красоты, их величия и совершенной природы, а не ради какой-нибудь корысти.

И все же эти боги не фикция Эпикура. Они существовали. Это – *пластические боги греческого искусства.* Цицерон как римлянин вправе высмеивать их [25], но Плутарх, грек, совершенно забыл греческое мировоззрение, когда он говорит, что это учение о богах, уничтожающее страх и суеверие, не дает ни радости, ни благоволения богов, а ставит нас в такое отношение к ним, в каком мы находимся к рыбам Гирканского моря, от которых мы не ждем ни вреда, ни пользы [26]. Теоретический покой есть главный момент в характере греческих богов, как говорит и Аристотель: «То, что лучше всего, не нуждается в действии, ибо оно само есть цель» [27].

Рассмотрим теперь *вывод*, непосредственно вытекающий из отклонения атома. В этом отклонении выражено то, что атом отрицает всякое движение и всякое отношение, в котором он как особое наличное бытие определяется другим наличным бытием. Это представлено таким образом, что атом абстрагируется от противостоящего ему наличного бытия и отклоняется от него. Но то, что заключается в отклонении атома – *отрицание им всяких отношений к другому*, – должно *быть осуществлено, проявлено в положительной форме*. Это возможно лишь в том случае, если *то наличное бытие, к которому атом себя относит*, есть не что иное, как он сам, следовательно, тоже есть *атом*, а так как он сам непосредственно определен, то этим наличным бытием являются *многие атомы*. Таким образом, *отталкивание многих атомов оказывается необходимым осуществлением «закона атома»*, как Лукреций называет отклонение. Но так как здесь всякое определение полагается как особое наличное бытие, то отталкивание прибавляется как третье движение к прежним. Лукреций справедливо замечает, что если бы атомы не отклонялись, то не было бы ни столкновений атомов, ни их встреч и мир никогда не создавался бы [28]. Ибо атомы – *единственный объект для самих себя*, они *могут относить себя только к самим себе*; они, следовательно, – выражая это в пространственной форме, – *могут встречаться друг с другом*, только отрицая всякое относительное существование, в котором они относили бы себя к другому; а это относительное существование есть, как мы видели, их первоначальное движение, движение падения по прямой линии. Таким образом, они встречаются друг с другом только вследствие отклонения от этой последней. О простом материальном распылении здесь нет и речи [29].

И в самом деле: непосредственно сущая единичность только тогда реализована сообразно своему понятию, когда она относит себя к другому, которое есть она сама, хотя это другое и противостоит ей в форме непосредственного существования. Так, человек перестает быть продуктом природы лишь тогда, когда то другое, к которому он себя относит, не есть отличное от него существование, но само есть отдельный человек, хотя

бы еще и не дух. Но чтобы человек, как человек, стал своим единственным действительным объектом, для этого он должен сломить в себе свое относительное наличное бытие, силу вожделий и слепой природы. *Отталкивание есть первая форма самосознания*; поэтому оно соответствует тому самосознанию, которое воспринимает себя как непосредственно сущее, абстрактно-единичное.

В отталкивании, следовательно, осуществлено понятие атома, поскольку он есть абстрактная форма, но не менее того и противоположность последней, поскольку он есть абстрактная материя; ибо то, к чему он относит себя, – это, правда, атомы, однако это *другие атомы*. *Но если я отношусь к самому себе как к непосредственно-другому, то мое отношение является материальным*. Это самая крайняя ступень внешнего состояния бытия, какую только можно мыслить. Следовательно, в отталкивании атомов их материальность, выраженная в падении по прямой линии, и присущее им определение формы, выраженное в отклонении, синтетически соединены.

*Демокрит*, в противоположность Эпикуру, превращает в вынужденное движение, в дело слепой необходимости то, что для Эпикура есть осуществление понятия атома. Выше мы уже видели, что субстанцией необходимости он признает вихрь (*δῖνη*), происходящий от отталкивания и столкновения атомов друг с другом. Он берет, следовательно, в отталкивании только материальную сторону – распыление, изменение, а не идеальную, сообразно которой в атоме отрицается всякое отношение к другому и движение полагается как самоопределение. Это ясно видно из того, что он вполне чувственно представляет себе одно и то же тело разделенным посредством пустого пространства на многие тела, подобно золоту, разломанному на куски [30]. Едва ли он, таким образом, постигает единичность как понятие атома.

*Аристотель* справедливо полемизирует против него: «Поэтому Левкиппу и Демокриту, утверждающим, что первичные тела вечно движутся в беспредельной пустоте, следовало сказать, какого рода это движение и какое движение соответствует природе этих тел. Ибо если каждый из элементов при-

нуждается к движению другим, то необходимо все же, чтобы каждый имел и естественное движение, помимо которого существует вынужденное; и это первое движение должно быть не вынужденным, а естественным. В противном случае причины будут все более отодвигаться в бесконечность» [31].

Эпикурейское отклонение атома изменило, следовательно, всю внутреннюю конструкцию мира атомов благодаря тому, что в нем выявлено было определение формы и осуществлено противоречие, заложенное в понятии атома. Эпикур поэтому первый постиг сущность отталкивания, хотя и в чувственной форме, между тем как Демокрит знал только его материальное существование.

Мы поэтому встречаем у Эпикура применение и более конкретных форм отталкивания. В области политики это – *договор* [32], в социальной жизни – *дружба* [33], которая восхваляется как высшее благо\*.

## ГЛАВА ВТОРАЯ КАЧЕСТВА АТОМА

Обладание свойствами противоречит понятию атома; ибо, как говорит Эпикур, всякое свойство изменчиво, атомы же не изменяются [1]. Тем не менее *логически необходимо* наделить их таковыми. Ибо многочисленные атомы отталкивания, отделенные друг от друга чувственным пространством, необходимо должны *непосредственно отличаться друг от друга и от своей чистой сущности*, т. е. обладать качествами.

В дальнейшем изложении я поэтому совершенно не принимаю во внимание утверждение *Шнейдера* и *Нюрнбергера*, будто Эпикур не наделил атомы никакими качествами, что § 44 и 54 в письме к Геродоту у Диогена Лаэртского являются позднейшими вставками. Если бы это в самом деле было так, то каким образом можно было бы признать недействительными свидетельства Лукреция, Плутарха и всех вообще писателей, писавших об Эпикуре? К тому же у Диогена Лаэртского

\* Весь абзац вписан рукой Маркса.

упоминается о качествах атома не в двух только параграфах, а в десяти, а именно: в § 42, 43, 44, 54, 55, 56, 57, 58, 59 и 61. Основание, выставляемое этими критиками – «они не в состоянии соединить качества атома с его понятием», – является весьма плоским<sup>8</sup>. *Спиноза* говорит, что невежество не аргумент\*. Если бы всякий стал вычеркивать у древних те места, которых он не понимает, – как скоро мы оказались бы перед *tabula rasa*\*\*!

Благодаря качествам атом получает существование, противоречащее его понятию, полагается как *отчужденное, отличающееся от его сущности наличное бытие*. Это именно противоречие и интересует главным образом Эпикура. Поэтому, устанавливая какое-нибудь свойство и выводя, таким образом, следствие, вытекающее из материальной природы атома, он в то же самое время противопоставляет ему такие определения, которые снова уничтожают это свойство в его собственной сфере и, наоборот, вновь утверждают понятие атома. *Поэтому он определяет все свойства так, что они сами себе противоречат*. Демокрит же, наоборот, нигде не рассматривает свойства в отношении к самому атому и не объективирует противоречие между понятием и существованием, заложенное в этих свойствах. Напротив, весь интерес Демокрита направлен на то, чтобы представить качества в их отношении к конкретной природе, которая должна быть из них образована. Они для него только гипотезы для объяснения проявляющегося многообразия. Поэтому понятие атома не имеет к ним никакого отношения.

Чтобы доказать наше утверждение, необходимо прежде всего разобраться в источниках, которые здесь как будто противоречат друг другу.

В сочинении «О мнениях философов» сказано: «*Эпикур* утверждает, что атомам присущи такие три свойства: величина, форма, тяжесть. Демокрит признавал только два: величину и форму; Эпикур прибавил к ним в качестве третьего – тя-

<sup>8</sup> *Спиноза*. «Этика» (часть I, теорема XXXVI, приложение).

\*\* Чистой доской (*лат.*).

жесть» [2]. То же самое место повторяется дословно в «Евангельском подготовлении» Евсевия [3].

Оно подтверждается свидетельством *Симплиция* [4] и *Филопона* [5], согласно которому Демокрит наделял атомы только различием величины и формы. Прямо противоположного мнения придерживается *Аристотель*, который в своей книге «О возникновении и уничтожении» приписывает атомам Демокрита различный вес [6]. В другом месте (в первой книге «*О небе*») *Аристотель* оставляет открытым вопрос о том, наделял ли Демокрит атомы тяжестью или нет, ибо он говорит: «Таким образом, ни одно из тел не будет абсолютно легким, если они обладают тяжестью; если же все будут обладать легкостью, тогда ни одно не будет тяжелым» [7]. *Риттер* в своей «Истории древней философии» отвергает, опираясь на авторитет Аристотеля, показания Плутарха, Евсевия и Стобея [8]; свидетельства Симплиция и Филопона он не принимает во внимание.

Посмотрим, противоречат ли эти места в самом деле так сильно друг другу. В приведенных цитатах Аристотель говорит о качествах атома не *ex professo*\*. В седьмой книге «*Метафизики*», наоборот, сказано: «Демокрит допускает три различия атомов. Ибо лежащее в основе тело по материи одно и то же, а различается оно либо по  $\rho\upsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ \*\*», что означает форму, либо по  $\tau\rho\omicron\lambda\acute{\iota}$ \*\*\*, что означает положение, либо же по  $\delta\iota\alpha\theta\eta\tau\acute{\iota}$ \*\*\*\*, что означает порядок» [9]. Одно, по крайней мере, сразу же видно из этого места \*\*\*\*\*. Тяжесть не упоминается в числе свойств демокритовских атомов. Распыленные, отделенные друг от друга пустотой, частицы материи должны иметь особые формы, и эти последние берутся совершенно внешним образом из рассмотрения пространства. Еще яснее это вытекает из следующего места у Аристотеля: «Левкипп и его сотоварищ Демокрит считают элементами полное и пустое... Причиной же всего сущего

\* Специально (*лат.*).

\*\* Очертанию (*др.-греч.*).

\*\*\* Повороту (*др.-греч.*).

\*\*\*\* Соприкосновению (*др.-греч.*).

\*\*\*\*\* Далее Марксом вычеркнуто: «Демокрит не устанавливает противоречия между качеством атома и его понятием».

является то и другое, как материя. И подобно тому как те, которые, утверждая единство основной субстанции, все остальное выводят из ее состояний, принимая разреженное и плотное за начала всех качеств, – таким же образом Левкипп и Демокрит учат, что различия атомов суть причины всего остального, ибо лежащее в основе бытие различается лишь по  $\rho\upsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ , по  $\delta\iota\alpha\theta\eta\tau\acute{\iota}$  и по  $\tau\rho\omicron\lambda\acute{\iota}$ ... Например, А отличается от N формой, AN от NA порядком, Z от N положением» [10].

Из этого места с очевидностью следует, что Демокрит рассматривает свойства атомов только в их отношении к образованию различий в мире явлений, а не в отношении к самому атому. Отсюда следует, далее, что Демокрит не придает тяжести значения существенного свойства атомов. Она для него – нечто само собой разумеющееся, ибо все телесное является тяжелым. Точно так же, по его мнению, даже величина не представляет собой основного качества. Она – приводящее определение, которое дано атомам уже с фигурой. Только различие фигур интересует Демокрита, так как ничего, кроме этого различия, не содержится в форме, положении и порядке. Величина, форма, тяжесть, будучи сопоставлены так, как это делает Эпикур, представляют собой различия, которые атом имеет сам по себе; форма, положение, порядок – это различия, присущие атому по отношению к чему-то другому. В то время как у Демокрита мы находим, таким образом, чисто гипотетические определения для объяснения мира явлений, Эпикур устанавливает то, что вытекает из самого принципа. Мы рассмотрим поэтому его определения свойств атома каждое в отдельности.

*Во-первых*, атомы имеют *величину* [11]; но, с другой стороны, величина также и отрицается. А именно: атомы обладают не *какой угодно* величиной [12]: нужно допустить только *некоторые* различия в их величине [13]. Следует приписать им только отрицание большого – малое [14], однако не минимальное, так как это было бы чисто пространственным определением; им нужно приписать бесконечно малое, которое выражает противоречие [15]. *Розини* в своих примечаниях к фрагментам Эпикура переводит поэтому неправильно одно место и совершенно упускает из виду другое, когда говорит:

«А такого рода тонкость атомов Эпикур обосновывал их невероятной малостью, говоря, по свидетельству Лаэртция, X, 44, что они совсем не имеют величины» [16].

Я не стану считаться с тем, что, по *Евсевию*, Эпикур первый приписал атомам бесконечно малую величину [17], Демокрит же допускал существование и атомов самых больших размеров – по словам *Стобея*, величиной даже с мир [18].

С одной стороны, это противоречит свидетельству *Аристотеля* [19], с другой стороны, Евсевий или, вернее, александрийский епископ *Дионисий*, которого он цитирует, противоречит самому себе; ибо в той же книге сказано, что Демокрит признавал принципами природы неделимые, созерцаемые разумом тела [20]. Одно ясно: Демокрит не осознает этого противоречия, оно его не занимает, между тем как Эпикура оно интересует больше всего.

*Второе* свойство эпикуровских атомов есть *форма* [21]. Но и это определение противоречит понятию атома, и поэтому должна быть утверждаема его противоположность. Абстрактная единичность есть абстрактно-себе-равное и потому лишена формы. Различия формы атомов поэтому, правда, неопределимы [22], но они и не абсолютно бесконечны [23]. Наоборот, количество форм, которыми различаются атомы, является определенным и конечным [24]. Из этого само собой следует, что различных фигур меньше, чем атомов [25], между тем как Демокрит допускает бесконечное множество фигур [26]. Если бы каждый атом имел особую форму, то должны были бы существовать атомы бесконечной величины [27], так как они обладали бы бесконечным различием, различием от всех остальных, наподобие лейбницевских монад. Поэтому утверждение Лейбница, что нет двух одинаковых вещей, заменяется противоположным утверждением, что существует бесконечно много атомов одной и той же формы [28], и благодаря этому опять отрицается определение формы, так как форма, не отличающаяся уже больше от других, не есть форма\*.

\* Далее Марксом вычеркнут следующий абзац: «Эпикур и здесь таким образом объективировал противоречие, в то время как Демокрит, придерживаясь только материальной

Наконец, в высшей степени важно, что Эпикур признает, как *третье* качество, *тяжесть* [29], так как в центре тяжести материя обладает идеальной единичностью, образующей одно из главных определений атома. Раз атомы перенесены в мир представлений, то они в силу необходимости должны обладать также и тяжестью.

Но и тяжесть прямо противоречит понятию атома, так как она есть единичность материи в виде идеальной точки, лежащей вне ее. Между тем атом сам есть эта единичность, представленная, подобно центру тяжести, как единичное существование. Тяжесть существует поэтому для Эпикура только как *различный вес*, и атомы сами являются *субстанциальными центрами тяжести*, наподобие небесных тел. Если применить это к конкретному, то само собой следует то, что старый *Бруккер* находит столь удивительным [30] и в чем уверяет нас *Лукреций* [31], а именно: что земля не имеет центра, к которому все стремится, и что антиподов не существует. Так как, далее, тяжесть присуща только атому, отличному от других, отчужденному и наделенному свойствами, то понятно, что там, где атомы мыслятся не как многие, в их отличии друг от друга, а только в отношении к пустоте, – там отпадает определение веса. Атомы, как бы они ни были различны по своей массе и форме, движутся поэтому с одинаковой скоростью в пустом пространстве [32]. Эпикур поэтому применяет тяжесть только при отталкивании и при тех сочетаниях, которые возникают из отталкивания, и это дало повод\* утверждать, что только скопления атомов, а не они сами наделены тяжестью [33].

Уже *Гассенди* хвалит Эпикура за то, что он, руководствуясь одним только разумом, предвосхитил опыт, согласно которому все тела, несмотря на то что они весьма различны по своему весу и массе, с одинаковой скоростью движутся при падении сверху вниз [34]\*\*.

стороны, не позволяет усмотреть в дальнейших определениях такого последовательного развития принципа».

\* Далее Марксом вычеркнуто: «рассматривать их как причину и».

\*\* Далее Марксом вычеркнута следующая фраза: «Мы добавили к этой похвале разъяснения, вытекающие из принципа Эпикура».

Рассмотрение свойств атомов приводит, следовательно, к тому же результату, что и рассмотрение отклонения, а именно: Эпикур объективировал противоречие в понятии атома между сущностью и существованием и, таким образом, дал науку атомистики, между тем как у Демокрита нет реализации самого принципа, а только фиксируется материальная сторона и выдвигаются гипотезы для нужд эмпирии.

### ГЛАВА ТРЕТЬЯ НЕДЕЛИМЫЕ НАЧАЛА И НЕДЕЛИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

В своей вышеупомянутой статье об астрономических понятиях Эпикура *Шаубах* говорит:

«Эпикур вместе с Аристотелем проводил различие между началами (ἄτομοι ἄρχαί\*, Диоген Лаэртский, X, 41) и элементами (ἄτομα στοιχεῖα\*\*, Диоген Лаэртский, X, 86). Первые – это атомы, познаваемые только умом, они не заполняют никакого пространства [1]. Они называются атомами не в качестве самых маленьких тел, а потому, что они не могут быть разделены в пространстве. По этим представлениям можно было бы думать, что Эпикур не наделил атомы никакими свойствами, относящимися к пространству [2]. Но в письме к Геродоту (Диоген Лаэртский, X, 44, 54) он наделяет атомы не только тяжестью, но и величиной и формой... Я поэтому причисляю эти атомы ко второму роду, они произошли из первых, но рассматриваются, в свою очередь, как элементарные частицы тел» [3].

Остановимся внимательно на том месте, которое *Шаубах* цитирует из Диогена Лаэртского [X, 86]. Там сказано: «таково учение, что вселенная есть тело и неосязаемая природа или что есть неделимые элементы, и прочие учения в том же роде» [4]. Эпикур поучает здесь Пифокла, которому он пишет, что учение о небесных телах отличается от всех других физических докт-

\* Неделимые начала (др.-греч.).

\*\* Неделимые элементы (др.-греч.).

рин, например от доктрины, признающей, что все есть тело и пустота, что существуют неделимые основные вещества. Как видно, здесь нет абсолютно никакого основания допустить, будто речь идет об атомах какого-то второго рода\*. Пожалуй, может показаться, что различие между двумя положениями: «вселенная есть тело и неосязаемая природа» и «есть неделимые элементы» – устанавливает различие между «телом» и «неделимыми элементами» и что, в таком случае, «тело» означает атомы первого рода в противоположность «неделимым элементам». Но об этом и думать нечего. «Тело» означает *телесное* в противоположность *пустому*, которое поэтому и называется «бестелесным» [5]. В понятие «тела» включены поэтому как атомы, так и составные тела. Так, например, в письме к Геродоту сказано: «Вселенная есть *тело*... если бы не было того, что мы называем *пустотой*, местом и неосязаемой природой... Из тел некоторые представляют собой *соединения*, другие же то, из чего эти соединения образуются. *Последние неделимы* и неизменяемы... Поэтому первоначала необходимо должны быть неделимой телесной природой» [6]. В вышеупомянутом месте Эпикур говорит, таким образом, сначала о *телесном* вообще в отличие от *пустого*, а затем об особом виде телесного, об атомах\*\*.

Ссылка *Шаубаха* на Аристотеля также ничего не доказывает. Различие между «первоначалом» и «элементом», на котором особенно настаивают стоики [7], встречается, правда, у Аристотеля [8], но последний тем не менее допускает и тождество двух выражений [9]. Он даже определенно говорит, что «элемент» означает преимущественно атом [10]. Точно так же Левкипп и Демокрит называют полное и пустое «элементом» [11].

У Лукреция, в письмах Эпикура, у Диогена Лаэртского, в «Колоте» Плутарха [12], у Секста Эмпирика [13] свойства

\* Далее Маркс в рукописи вычеркнул: «Столь же правильно или неправильно можно было бы из слов Эпикура: “начала всему этому нет, потому что причинами являются атомы”<sup>4</sup> сделать тот вывод, что Эпикур допускал существование третьего рода атомов – “атомов-причин”».

\*\* Далее Маркс вычеркнул: «Неделимые элементы здесь не имеют другого значения, кроме как неделимые тела, о которых в последнем цитируемом месте сказано, что они суть начала».

приписываются самим атомам, почему эти свойства и были определены так, что они сами себя снимают.

Но если считается антиномией, что постигаемые только разумом тела наделены пространственными качествами, то гораздо большей антиномией является то, что сами пространственные качества могут быть восприняты только умом [14].

Наконец, *Шаубах* приводит для дальнейшего обоснования своего взгляда следующее место из Стобея: «Эпикур считал первоначальные (тела) простыми; составленные же из них сложные тела все обладают весом». К этому месту из Стобея можно было бы еще прибавить следующие, в которых «неделимые элементы» упоминаются как особый вид атомов: *Псевдо-Плутарх «О мнениях философов»*, I, 246 и 249, и *Стобей «Эклоги физические»*, т. I, с. 5 [15]. Впрочем, в этих местах вовсе не утверждается, что первичные атомы не имеют величины, формы и тяжести. Напротив, говорится только о тяжести как об отличительном признаке «неделимых начал» и «неделимых элементов». Но мы уже заметили в предыдущей главе, что тяжесть получает свое применение только при отталкивании и при возникающих благодаря ему конгломерациях.

Измышление «неделимых элементов» тоже ничего не дает. Так же трудно перейти от «неделимых начал» к «неделимым элементам», как приписать им непосредственно свойства. Тем не менее я не отрицаю безусловно этого различия. Я отрицаю только существование двух различных неизменных видов атомов. Это, скорее, различные определения одного и того же вида атомов.

Прежде чем разобрать это различие, я обращаю внимание еще на одну манеру Эпикура. А именно: он охотно представляет различные определения понятия как различные самостоятельные существования. Точно так же как принципом является для него атом, так и самый способ познания у него атомистичен. Каждый момент развития тотчас же превращается у него в устойчивую действительность, как бы отделенную пустым пространством от связи с целым. Всякое определение принимает форму изолированной единичности.

Манера эта станет ясна из следующего примера.

Бесконечное, то ἄπειρον, или infinitio, как переводит Цицерон, иногда употребляется Эпикуром в смысле особой природы. И именно в тех же самых местах, в которых «элемент» определяется как постоянная, лежащая в основе субстанция, мы находим, что и «бесконечное» превращается в нечто самостоятельно существующее [16].

Но бесконечное, по собственным определениям Эпикура, не представляет собой ни особой субстанции, ни чего-либо существующего вне атомов и пустого; напротив, бесконечное является акцидентальным определением их. Мы находим, таким образом, три значения для «бесконечного».

Во-первых, «бесконечное» выражает для Эпикура качество, общее атомам и пустому. В этом смысле оно выражает бесконечность вселенной, которая бесконечна в силу бесконечного множества атомов, в силу бесконечной величины пустого [17].

Во-вторых, ἀπειρία\* – это множественность атомов, так что не атом, а бесконечно многие атомы противопоставляются пустому [18].

Наконец, если мы вправе из учения Демокрита делать умозаключения относительно Эпикура, то «бесконечное» означает и нечто прямо противоположное – безграничную пустоту, противопоставляемую определенному внутри себя и ограниченному самим собой атому [19].

Во всех этих значениях – а они единственные, даже единственно возможные для атомистики – бесконечное является просто определением атомов и пустого. Тем не менее оно получает особое самостоятельное существование, ставится даже как особая природа рядом с теми принципами, определенную сущность которых оно выражает\*\*.

Поэтому – сам ли Эпикур фиксировал то определение, в котором атом становится «элементом», как самостоятельный, первичный вид атома, чего, впрочем, не было, если судить по историческому преимуществу одного источника перед другим; или же, что нам кажется более вероятным, впервые Метродор,

\* Бесконечность, беспредельность (др.-греч.).

\*\* Далее Марксом вычеркнуто: «Этот пример убедителен».

ученик Эпикура<sup>9</sup>, превратил различные определения в различные существования [20] – мы должны это превращение отдельных моментов в нечто самостоятельно существующее приписать субъективному методу атомистического сознания. Тем путем, что различным определениям придается форма отдельных существований, не достигается понимание их различия.

Для Демокрита атом имеет только значение «элемента», материального субстрата. Различение между атомом как «первоначалом» и «элементом» как принципом и основанием принадлежит Эпикуру. Важность этого различения ясна из следующего.

Противоречие между существованием и сущностью, между материей и формой, заложенное в понятии атома, проявляется в единичном атоме, в нем самом, так как он наделен качествами. Благодаря качеству атом делается чуждым своему понятию, но в то же самое время становится завершенным в своей конструкции. И вот из отталкивания и связанных с ним конгломераций атомов, обладающих качествами, возникает являющийся мир.

В этом переходе из мира сущности в мир явлений противоречие в понятии атома явно достигает своего наиболее резко выраженного осуществления. Ибо атом, по своему понятию, есть абсолютная, существенная форма природы. *Эта абсолютная форма низведена теперь к абсолютной материи, к бесформенному субстрату являющегося мира.*

Атомы составляют, правда, субстанцию природы [21], из чего все возникает и на что все распадается [22], но постоянное уничтожение мира явлений не приводит ни к какому результату. Образуются новые явления, но самый атом, как нечто прочное, всегда остается в основе [23]. Поскольку, следовательно, атом мыслится сообразно своему чистому понятию, его существование есть пустое пространство, уничтоженная природа; поскольку он переходит в действительность, он низводится до материальной основы, которая, являясь носителем мира многообразных отношений, никогда не существует иначе, как в безразличных для нее и внешних формах. Это необходимое

следствие, так как атом, мыслимый как абстрактное единичное и законченное, не может действительно проявить себя в качестве силы, идеализирующей это многообразие и пронизывающей его собой.

Абстрактная единичность есть свобода от наличного бытия, а не свобода в этом бытии. Она не может сиять в свете наличного бытия. В этой стихии она теряет свой характер и становится материальной. Поэтому атом не переходит в доступную взору область явлений [24] или же – там, где он вступает в нее, – низводится до материальной основы. Атом как таковой существует только в пустоте. Таким образом, смерть природы стала ее бессмертной субстанцией, и Лукреций с полным правом восклицает:

Смертная жизнь отнимается смертью бессмертной\*.

Философское отличие Эпикура от Демокрита заключается именно в том, что первый рассматривает и объективирует противоречие в этой его предельной заостренности, различает, таким образом, атом, становящийся основанием явления, в качестве «элемента», от атома в том виде, как он существует в пустоте, в качестве «первоначала»; Демокрит же объективирует только один момент. Это то же самое различие, которое в мире сущности, в царстве атомов и пустого, отделяет Эпикура от Демокрита. Но так как только наделенный качествами атом является завершенным – ибо мир явлений может произойти только из завершеного и ставшего чуждым своему понятию атома, – то Эпикур выражает это так, что только наделенный качествами атом становится «элементом», или что только «неделимый элемент» наделен качествами.

---

\* Лукреций. «О природе вещей», книга III, стих 869. – *Здесь и далее переводы из Лукреция Ф.А. Петровского.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ  
ВРЕМЯ

Так как в атоме материя, как чистое отношение к самой себе, не подвержена никакой изменчивости и относительности, то отсюда непосредственно следует, что из понятия атома, из мира сущности, время должно быть исключено. Ибо материя вечна и самостоятельна лишь постольку, поскольку абстрагируются в ней от момента времени. В этом согласны и Демокрит и Эпикур. Но они расходятся в вопросе, как определить время, удаленное из мира атомов, куда его отнести.

У Демокрита время не имеет никакого значения, никакой необходимости для системы. Демокрит объясняет его, чтобы его устранить. Он определяет время как вечное, чтобы, как говорят *Аристотель* [1] и *Симплиций* [2], удалить из атомов возникновение и уничтожение, т. е. все временное. Оно само, время, является, мол, доказательством того, что не все должно иметь происхождение, момент начала.

Но в этом содержится более глубокий смысл. Воображающий рассудок, который не может постичь самостоятельность субстанции, ставит вопрос о ее становлении во времени. При этом он не замечает, что, делая субстанцию временной, он вместе с этим превращает время в нечто субстанциональное и этим уничтожает его понятие, так как ставшее абсолютным время перестает быть временным.

Но, с другой стороны, решение это неудовлетворительно. Время, исключенное из мира сущности, переносится в самосознание философствующего субъекта, но перестает соприкасаться с самим миром.

Иначе обстоит дело у Эпикура. Исключенное из мира сущности *время* становится для него *абсолютной формой явления*.

Оно определяется именно как акциденция акциденции. Акциденция есть изменение субстанции вообще. Акциденция акциденции есть изменение, отражающееся внутрь себя, смена как таковая. Эта чистая форма мира явлений и есть время [3].

Соединение есть только пассивная форма конкретной природы, время – ее активная форма. Если я рассматриваю соединение со стороны его наличного бытия, то атом суще-

ствует за этим соединением, в пустом, в воображении; если же я рассматриваю атом со стороны его понятия, то соединение либо вовсе не существует, либо же оно существует только в субъективном представлении; ибо оно есть отношение, которое – в равной же степени – выражает отсутствие всякого отношения между самостоятельными, замкнутыми в себе, как бы равнодушными друг к другу атомами. Наоборот, время, смена конечного, полагаемая как смена, в такой же мере есть действительная форма, отделяющая явление от сущности, полагающая явление как таковое, в какой оно, время, и обратно приводит явление к сущности. Соединение выражает только материальность как атомов, так и возникающей из них природы. Напротив, время есть в мире явлений то же, что и понятие атома в мире сущности, а именно абстракция, уничтожение и сведение всякого определенного наличного бытия к для-себя-бытию.

Из этих соображений вытекают следующие выводы. *Во-первых*, Эпикур рассматривает противоречие между материей и формой как характер являющейся природы, которая становится таким путем отображением существенной природы – атома. Это происходит путем противопоставления времени пространству, активной формы явления – пассивной. *Во-вторых*, только Эпикур понимает явление как явление, т. е. как отчуждение сущности, которое само проявляет себя в своей действительности как такое отчуждение. Напротив, у Демокрита, для которого соединение есть единственная форма являющейся природы, явление само по себе не обнаруживает, что оно есть явление, есть нечто отличное от сущности. Таким образом, если рассматривать явление со стороны его существования, то сущность совершенно сливается с ним, если же рассматривать явление со стороны его понятия, то сущность совершенно отделяется от него, так что оно низводится до субъективной видимости. Соединение относится безразлично и материально к своим существенным основам. Время, наоборот, есть огонь сущности, вечно пожирающий явление и налагающий на него печать зависимости и несущественности. *Наконец*, так как, по Эпикуру, время есть смена как таковая, отражение явления внутрь себя, то являю-

щаяся природа справедливо может быть сделана реальным критерием конкретной природы, хотя атом, ее основа, доступен лишь созерцанию разума.

И именно потому, что время есть абстрактная форма чувственного восприятия, для эпикурейского сознания, в соответствии с его атомистическим характером, возникает необходимость фиксировать время как особо существующую природу в природе. Изменчивость чувственного мира как изменчивость, присущая ему смена как таковая, это отражение явления внутрь себя, образующее понятие времени, имеет свое отдельное существование в осознанной чувственности. *Чувственность человека есть, таким образом, воплощенное время, существующее отражение чувственного мира внутрь себя.*

Все это непосредственно вытекает из определения понятия времени у Эпикура, и это же вполне отчетливо можно доказать на частностях. В письме Эпикура к Геродоту [4] время определяется так: оно возникает, когда воспринятые чувствами акциденции тел мыслятся как акциденции. Отраженное внутрь себя чувственное восприятие является здесь, таким образом, источником времени и самим временем. Поэтому нельзя определять время по аналогии, нельзя и ничего другого о нем сказать, но нужно держаться самой непосредственной очевидности; ведь так как отраженное внутрь себя чувственное восприятие и есть само время, то невозможно выйти за его границы.

С другой стороны, у Лукреция, Секста Эмпирика и Стобея [5] акциденция акциденции, отраженное внутрь себя изменение, определяется как время. Отражение акциденций в чувственном восприятии и их отражение внутрь себя полагаются поэтому как одно и то же.

Благодаря этой связи между временем и чувственностью εἰδόμενα\*, которые мы находим также и у Демокрита, приобретают более последовательный смысл.

Εἰδόμενα представляют собой формы природных тел, которые отпадают от них, подобно внешним оболочкам, и переносят их

\* Образы (среч.).

в явление [6]. Эти формы вещей постоянно из них истекают и проникают в чувства и тем самым дают объектам возможность проявиться. В слухе поэтому природа слышит самое себя, в обонянии она обоняет самое себя, в зрении она видит самое себя [7]. Человеческая чувственность, таким образом, образует ту среду, в которой, как в фокусе, отражаются процессы природы и в которой они, воспламенившись, излучают свет явлений.

У Демокрита это – непоследовательность, так как явление у него только субъективно, у Эпикура же – необходимое следствие, так как чувственность есть у Эпикура отражение являющегося мира внутрь себя, его воплощенное время.

Наконец, связь чувственности и времени проявляется так, что *временной характер вещей и их явление для чувств обнаруживаются в них самих как одно и то же.* Ибо именно оттого, что тела являются чувствами, они исчезают [8]. Так как εἰδόμενα постоянно отделяются от тел и проникают в чувства, так как они имеют свою чувственность не в самих себе, а вне себя – как вторую природу – и, следовательно, не возвращаются из состояния отторгнутости, то они распадаются и исчезают.

*Таким образом, подобно тому как атом не составляет ничего иного, кроме природной формы абстрактного, единичного самосознания, – так чувственная природа есть только объективированное эмпирическое единичное самосознание, а это и есть чувственное. Чувства поэтому составляют единственный критерий в конкретной природе, как абстрактный разум – в мире атомов.*

## ГЛАВА ПЯТАЯ НЕБЕСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Астрономические взгляды Демокрита, может быть, и пронаительны для его времени, но философского интереса они не представляют. Они не выходят из круга эмпирических рассуждений и не находятся также в сколько-нибудь определенной внутренней связи с учением об атомах.

Наоборот, теория *Эпикура* о небесных телах и связанных с ними процессах, или о *небесных явлениях* (данным выражением он охватывает все это вместе), противоположна не только мнению Демокрита, но и мнению греческой философии в целом. Почитание небесных тел – это культ, признаваемый всеми греческими философами. Система небесных тел есть первое наивное, обусловленное природой бытие действительного разума. Такое же положение занимает греческое самосознание в области духа. Оно – духовная солнечная система. В небесных телах греческие философы поклонялись поэтому своему собственному духу.

Даже *Анаксагор*, который первый физически объяснил небо и таким образом – в другом смысле, чем Сократ, – приблизил его к земле, на вопрос, для чего он родился, ответил: «Для созерцания солнца и луны и неба» [1]. *Ксенофан* же, посмотрев на небо, сказал: «Единое есть бог» [2]. Известно религиозное отношение к небесным телам у *пифагорейцев*, *Платона*, *Аристотеля*.

Действительно, Эпикур выступает против мировоззрения всего греческого народа.

*Аристотель* говорит: иногда кажется, что понятие подтверждает явления, а явления – понятие. Так, все люди имеют представление о богах и отводят божественному горнее место; так поступают и варвары и эллины, вообще все те, кто верит в существование богов, связывая, очевидно, бессмертное с бессмертным; иначе и невозможно. Если, таким образом, божественное существует – как оно и есть на самом деле, – то и наше утверждение о субстанции небесных тел верно. Но это соответствует и чувственному восприятию, поскольку речь идет о человеческом убеждении. Ибо за все прошедшее время, судя по воспоминаниям, перешедшим от одних людей к другим, ничего, по-видимому, не изменилось ни во всем небе, ни в какой-либо из его частей. Даже название, по-видимому, передано нам древними, причем они имели в виду то же самое, что и мы. Ибо не однажды и не дважды, а бесконечное число раз доходили до нас одни и те же представления. А так как первичное тело есть нечто отличное от земли и огня, воздуха и воды,

то они называли горнее место «эфиром» – от слов  $\theta\epsilon\acute{\iota}\nu\ \acute{\alpha}\epsilon\acute{\iota}$ \*, придав ему наименование «вечное время» [3]. Но небо и горнее место древние отвели богам, так как только оно бессмертно. А современное учение удостоверяет, что небо неразруσιμο, не имеет начала, непричастно ко всяким злоключениям смертных. Таким образом, наши понятия в то же самое время соответствуют откровению о боге [4]. А что небо *одно* – это очевидно. До нас из глубокой древности дошло от предков, сохранившись в виде мифов более поздних поколений, представление о том, что небесные тела суть боги и что божественное начало объемлет всю природу. Остальное было прибавлено, в мифологической оболочке, для веры толпы, как полезное для законов и для жизни. Ибо толпа объявляет богов человекоподобными и похожими на некоторые другие живые существа и придумывает многое другое, связанное с этим и родственное ему. Если кто-нибудь отбросит все остальное и оставит только первое, веру в то, что первичные субстанции суть боги, то он должен считать, что это божественное откровение и что с тех пор изобретались и снова погибали всевозможные искусства и философские учения, указанные же мнения, как реликвии, дошли до настоящего времени [5].

У *Эпикура*, наоборот, мы читаем:

Кроме всего этого, надо еще принять во внимание, что самое большое смятение человеческой души происходит оттого, что люди считают небесные тела блаженными и неразрушимыми и приписывают им в то же время желания и действия, противоречащие этим свойствам, а также оттого, что они черпают страхи из мифов [6]. Что касается небесных тел, то необходимо считать, что движение, положение, затмение, восход, закат и тому подобные явления происходят в них вовсе не благодаря некоему существу, которое будто бы распоряжается ими, приводит их – или привело уже – в порядок и которое в то же время обладает полнотой блаженства, а вместе с тем и бессмертием. Ибо действия не согласуются с блаженством, а происходят в силу слабости, страха и потребности, с которыми они большей

\* Вечно течь (*греч.*).



Диплом о присуждении Марксу ученой степени доктора философии, выданный Йенским университетом 15 апреля 1841 г.

частью связаны. Не следует также думать, что некоторые огнеподобные тела, обладающие блаженством, произвольно подвергают себя этим движениям. Если с этим не согласиться, то самое это противоречие вызовет величайшее смятение душ [7].

Если поэтому *Аристотель* порицал древних за то, что они думали, будто небо нуждается для своей опоры в Атланте [8], который

«в странах западных  
Стоит силач, плечами подпирая столб  
Земли и неба»  
(*Эхил, «Прометей», стих 348 и сл.*)\*, –

то Эпикур, наоборот, порицает тех, которые думают, что человек нуждается в небе; и самого Атланта, на которого опирается небо, он видит в человеческой глупости и в суеверии. Глупость и суеверие также титаны.

Все письмо Эпикура к Пифоклу говорит о теории небесных тел, за исключением последнего отдела. Этот завершающий отдел содержит этические сентенции. И вполне уместно присоединены к учению о небесных явлениях правила нравственности. Это учение является для Эпикура делом совести. Наше исследование поэтому будет опираться главным образом на это письмо к Пифоклу. Мы дополним его выдержками из письма к Геродоту, на которое сам Эпикур ссылается в своем послании к Пифоклу [9].

*Во-первых*, не надо думать, что изучение небесных явлений, взятое в целом или в частностях, – как и изучение всего естествознания – может привести к иной цели, кроме атараксии и твердой уверенности [10]. Не в идеологии и пустых гипотезах нуждается наша жизнь, а в том, чтобы мы могли жить, не зная смятения. Подобно тому как задачей науки о природе вообще является исследование причин главнейших явлений, так и здесь блаженство имеет своим источником познание небесных явлений. Само по себе наблюдение заката и восхода, положе-

\* Цитата вписана Марком по-гречески вместо зачеркнутого им латинского перевода. Перевод А.И. Пиотровского.

ния и затмения светил не содержит никакого особенного основания для блаженства; только страх овладевает теми, которые это видят, не зная ни природы того, что происходит, ни главных причин этого [11]. До сих пор отвергается только *преимущество*, которое имеет якобы теория небесных явлений перед другими науками, и теория эта ставится в один ряд с ними.

Но изучение небесных явлений *отличается еще специфически* как от метода этики, так и от остальных физических проблем, например от проблемы о неделимых элементах и тому подобном, где явлениям соответствует только одно-единственное объяснение. Небесным же явлениям это несвойственно [12]. Их происхождение не сводится к одной простой причине, и они имеют более чем одну соответствующую явлениям категорию сущности. Ибо в науке о природе следует руководствоваться не пустыми аксиомами и законами [13]. Постоянно повторяется, что не *ἀπλῶς* (просто, абсолютно) следует объяснять небесные явления, а *πολλαχῶς* (многообразно); это применимо к восходу и заходу солнца и луны [14], к прибыли и ущербу луны [15], к представляющимся очертаниям лица на луне [16], к изменению длины дня и ночи [17] и к остальным небесным явлениям.

Как же все это объяснить?

Всякое объяснение можно принять. Только миф должен быть отвергнут. Но он будет отвергнут лишь тогда, когда, при умозаключениях о том, что невидимо, будут исходить из явлений и следовать за ними [18]. Нужно строго держаться явлений, чувственного восприятия. Поэтому надлежит применять аналогию. Таким образом, можно будет изгнать страх и освободиться от него посредством объяснения, обнаруживающего причины небесных явлений и всего остального, что совершается постоянно и особенно поражает других людей [19].

Масса объяснений, множество возможностей должны не только успокоить сознание и удалить причины страха, но вместе с тем должны подвергнуть отрицанию в небесных телах самое их единство, равный себе и абсолютный закон в них. Небесные тела могут вести себя то так, то иначе. Эта лишенная закономерности возможность составляет характер-

ное свойство их действительности. Все в них непостоянно, изменчиво [20].

*Многочисленность объяснений должна уничтожить вместе с тем единство объекта.*

В то время, следовательно, как *Аристотель*, в согласии с другими греческими философами, считает небесные тела вечными и бессмертными, так как они всегда ведут себя одинаковым образом; в то время как он даже приписывает им особый, высший, не подчиненный силе тяжести элемент, – *Эпикур*, в прямую противоположность ему, утверждает, что дело обстоит как раз наоборот. Теория небесных явлений именно тем специфически отличается от всякой другой физической доктрины, что в них все происходит многообразно и неупорядоченно, что в них все должно быть объяснено разнообразными, неопределенно-многими причинами. И Эпикур гневно и с жаром отбрасывает противоположное мнение: те, которые придерживаются одного способа объяснения и отвергают все остальные, те, которые признают в небесных явлениях единое, а потому вечное и божественное начало, впадают в пустое резонерство и поддаются влиянию рабских фокусов астрологов; они переступают границу науки о природе и бросаются в объятия мифов; они стараются совершить невозможное, трудятся над бессмысленным, они даже не знают, где сама атараксия подвергается опасности. Болтовня их заслуживает презрения [21]. Нужно держаться подалеже от предрассудка, будто исследование этих предметов недостаточно основательно и недостаточно тонко, поскольку оно ставит себе целью только нашу атараксию и блаженство [22]. Абсолютная норма, наоборот, состоит в том, что все то, что нарушает атараксию, что вызывает опасность, не может принадлежать неразрушимой и вечной природе. Сознание должно понять, что это – абсолютный закон [23].

Эпикур приходит, таким образом, к заключению: *Именно потому, что вечность небесных тел нарушила бы атараксию самосознания, необходимым, неизбежным следствием является, что они не вечны.*

Как же понять это своеобразное воззрение Эпикура?

Все авторы, писавшие об эпикурейской философии, изображали это учение как несовместимое со всей остальной физикой, с учением об атомах. Борьба против стоиков, против суеверия, астрологии принимается за достаточные основания.

И мы видели, что Эпикур сам отличает *метод*, примененный в теории небесных явлений, от метода остальной физики. В каком же определении его принципа кроется необходимость этого различия? Как пришел он к подобной мысли?

Ведь не только против астрологии ведет он борьбу, но и против самой астрономии, против вечного закона и разума в небесной системе. Наконец, то обстоятельство, что Эпикур противоположен стоикам, также ничего не объясняет. Их суеверие и все их мировоззрение были уже опровергнуты, когда небесные тела были изображены как случайные комплексы атомов, а происходящие в них процессы – как случайные движения этих атомов. Этим была уничтожена вечная природа небесных тел – Демокрит ограничился тем, что вывел это следствие из упомянутой предпосылки [24]. Да и само наличное бытие их этим было уничтожено [25]. Последователь атомистики не нуждался, таким образом, в новом методе.

Но в этом не вся еще трудность. Тут возникает более загадочная антиномия.

Атом есть материя в форме самостоятельности, единичности, есть как бы воображаемая тяжесть. Но высшей действительностью тяжести являются небесные тела. В них разрешены все антиномии, составляющие развитие атома, – антиномии между формой и материей, между понятием и существованием; в них осуществлены все определения, которые были необходимы. Небесные тела вечны и неизменны; их центр тяжести внутри их, а не вне их; их единственным действием является движение; разделенные пустым пространством, они отклоняются от прямой линии, образуют систему отталкивания и притяжения, сохраняя вместе с тем свою самостоятельность, и из самих себя порождают, наконец, время как форму своего явления. *Небесные тела суть, следовательно, ставшие действительными атомы.* В них материя восприняла в самое себя единичность. Здесь поэтому Эпикур должен был бы уви-

деть высшее осуществление своего принципа, вершину и заключительный момент своей системы. Он утверждал ведь, что принимает атомы для того, чтобы в основание природы был положен бессмертный фундамент. Он говорил, что для него важна субстанциальная единичность материи. Но стоило ему найти реальность этой своей природы – он не признает ведь никакую иную природу, как только механическую, – стоило ему найти самостоятельную, неразрушимую материю в небесных телах, вечность и неизменность которых доказывали вера толпы, суждения философии, свидетельства чувств, – как его единственной целью стало низвести эту природу до преходящего земного существования, как он с жаром набрасывается на почитателей самостоятельной природы, содержащей в себе момент единичности. В этом его величайшее противоречие.

Эпикур чувствует поэтому, что его прежние категории здесь рушатся, что метод его теории\* становится другим. И *самое глубокое познание*, достигнутое его системой, та последовательность, которая ее насквозь пронизывает, в том и заключается, что он это чувствует и сознательно высказывает.

Мы уже видели, как вся эпикурейская натурфилософия проникнута противоречием между сущностью и существованием, формой и материей. *Но в небесных телах это противоречие уничтожено*, эти борющиеся друг против друга моменты примирены. В небесной системе материя приняла в себя форму, включила в себя единичность и, таким образом, достигла своей самостоятельности. *Но, достигнув этой точки, она перестает быть утверждением абстрактного самосознания.* В мире атомов, как и в мире явлений, форма боролась с материей; одно определение уничтожало другое, и именно *в этом противоречии абстрактно-единичное самосознание чувствовало, что его природа приобрела предметный характер.* Абстрактная форма, которая, в образе материи, боролась с абстрактной материей, и была *этим самосознанием.* Но теперь, когда материя примирилась с формой и стала самостоятельной, единичное самосознание высвобождается из своей личины, объявляет

\* Исправлено Марксом; первоначально было: «теория его метода».

себя истинным принципом и восстает против ставшей самостоятельной природы.

Это, с другой стороны, может быть выражено так: приняв в себя единичность, форму, как это имеет место в небесных телах, *материя перестает быть абстрактной единичностью. Она стала конкретной единичностью, всеобщностью.* В небесных явлениях против абстрактно-единичного самосознания поднимается, таким образом, во всем своем блеске, его опровержение, принявшее вещественную форму, – поднимается всеобщее, ставшее существованием и природой. Самосознание узнает в небесных явлениях своего смертельного врага. Им, следовательно, приписывает оно всякий страх и смятение людей, как это делает Эпикур. Ибо страх и гибель абстрактно-единичного и есть всеобщее. Здесь, таким образом, истинный принцип Эпикура, абстрактно-единичное самосознание, перестает уже скрываться. Оно выходит из своего убежища и, освобожденное от своей материальной оболочки, старается уничтожить действительность ставшей самостоятельной природы – уничтожить ее посредством объяснения на основе абстрактной возможности: то, что возможно, может происходить и иначе; возможна также и противоположность возможного. Отсюда полемика против тех, которые ἀλλῶς\*, т. е. одним определенным образом, объясняют небесные тела; ибо единое есть необходимое и в себе самостоятельное.

*Итак, пока природа, как атом и явление, выражает единичное самосознание и его противоречие, субъективность самосознания выступает только в форме самой материи; там же, наоборот, где эта субъективность становится самостоятельной, самосознание обращается на само себя, выступает против материи в своем собственном образе, как самостоятельная форма.*

Можно было заранее сказать, что там, где осуществится принцип Эпикура, этот принцип перестанет быть для него действительностью. Ибо если бы единичное самосознание в самом деле было подчинено определенности природы или же

\* Просто (др.-греч.).

природа – определенности единичного самосознания, то определенность последнего, т. е. его существование, прекратилась бы, так как только всеобщее в своем свободном отличении от себя может осуществлять в то же время свое утверждение.

*В теории небесных явлений проявляется, таким образом, душа эпикурейской натурфилософии.* Ничто не вечно, если оно уничтожает атараксию единичного самосознания. Небесные тела нарушают его атараксию, его равенство с самим собой, так как они представляют собой существующее всеобщее, так как в них природа стала самостоятельной.

Таким образом, не *гастрология Архестрата*, как думает Хризипп [26], является принципом эпикурейской философии, а абсолютность и свобода самосознания, хотя это самосознание и понимается только в форме единичного.

Если абстрактно-единичное самосознание полагается как абсолютный принцип, то всякая истинная и действительная наука постольку, конечно, уничтожается, поскольку в природе самих вещей не господствует единичность. Однако рушится и все то, что является трансцендентным по отношению к человеческому сознанию, что принадлежит, следовательно, воображающему рассудку. Если же, наоборот, абсолютным принципом провозглашается такое самосознание, которое знает себя только в форме абстрактной всеобщности, то этим широко раскрываются двери суеверной и несвободной мистике. Историческое доказательство этого мы находим в стоической философии. Абстрактно-всеобщее самосознание заключает в себе стремление утверждать себя в самих вещах, а утвердиться оно может в них, только отрицая их.

Эпикур поэтому величайший греческий просветитель, и он заслужил похвалу Лукреция [27]:

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачила  
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,  
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда  
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,  
Эллин впервые один осмелился смертные взоры  
Против нее обратить и отважился выступить против.

И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным  
Небо его запугать не могли...

.....  
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою  
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.

Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура, которое мы установили в конце общей части, получило свое дальнейшее развитие и подтверждение во всех сферах природы. У Эпикура осуществлена и завершена, доведена до последних выводов *атомистика* со всеми ее противоречиями, как *естественная наука самосознания*, а это последнее в форме абстрактной единичности есть для себя абсолютный принцип, который представляет собой упразднение атомистики и сознательную противоположность всеобщему. Для Демокрита, наоборот, *атом* есть только *общее объективное выражение эмпирического исследования природы вообще*. Атом для него остается поэтому чистой и абстрактной категорией, гипотезой, представляющей результат опыта, а не его энергический принцип, и эта гипотеза остается поэтому нереализованной, точно так же как дальнейшее развитие реального исследования природы не определяется ею.

ФРАГМЕНТ ИЗ ПРИЛОЖЕНИЯ

### КРИТИКА ПОЛЕМИКИ ПЛУТАРХА ПРОТИВ ТЕОЛОГИИ ЭПИКУРА<sup>10</sup>

#### III. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

##### 1. О РЕЛИГИОЗНОМ ФЕОДАЛИЗМЕ. АД ДЛЯ ЧЕРНИ

Рассмотрение опять-таки подразделяется на отношение «несправедливых и дурных», затем «людей толпы и необразованных» и, наконец, на отношение «честных и благоразумных» (Там же, с. 1104) к учению о существовании души после смерти. Уже это подразделение с его устойчивыми качественными различиями свидетельствует о том, до какой степени Плутарх не понимает Эпикура, который, как философ, рассматривает существенное отношение человеческой души вообще.

Для несправедливых опять-таки указывается на страх как на исправительное средство, и таким образом оправдывается тот ужас, который преисподняя внушает чувственному сознанию. Мы уже рассмотрели это возражение. Так как в страхе, и притом во внутреннем, непреодолимом страхе, человек низведен до уровня животного, то по отношению к животному вообще безразлично, каким способом оно обуздывается.

Мы переходим теперь к воззрению «людей толпы», хотя в конце концов оказывается, что немногие чужды его, а, собственно говоря, все – «можно сказать без преувеличения, все» – кланутся в верности этому знамени.

«Людей толпы, даже помимо страха перед загробным миром, внушенная мифами надежда на бессмертие и жажда бытия, эта древнейшая и сильнейшая из всех страстей, преисполняет такой радостью и восторгом, что они подавляют

этот детский страх (с. 1104). Те, которые теряют детей, жен и друзей, предпочитают, чтобы они где-нибудь существовали и пребывали, хотя бы среди страданий, а не совершенно погибли, не были уничтожены и превращены в ничто. Поэтому они охотно слушают, когда об умершем говорят, что он переселился в иной мир или что он переменил свое местопребывание, и другие подобные выражения, которыми смерть обозначается не как уничтожение, а как перемена местопребывания души (с. 1104). Они приходят в ужас, когда слышат об умершем: «погиб», «уничтожен», «его больше нет»... Но им наносят решающий удар те, которые говорят: «Мы, люди, родились один раз, дважды родиться никому не дано»... И, придавая настоящей жизни, в сравнении с вечностью, мало значения или, вернее, не придавая ей никакого значения, они прозябают, не используя жизни; в своем малодушии они пренебрегают добродетелью и деятельностью и презирают самих себя как рожденных на один день, неустойчивых и ни на что достойное не способных [с. 1104]. Ведь отсутствие ощущений и распад и учение о том, что то, что бесчувственно, нас ни в коем отношении не касается, – не устраняет страха смерти, но как бы дает ему подтверждение. Ибо это именно и есть то, чего боится природа... т. е. такое разрушение души, при котором она теряет способность и мыслить, и чувствовать. Эпикур, изображая это рассеяние души в пустоте и разложение ее на атомы, еще более подрывает надежду на бессмертие, надежду, ради которой, можно сказать без преувеличения, все – как мужчины, так и женщины – были бы готовы дать истерзать себя Церберу и таскать воду в бездонную бочку Данаид, чтобы только продолжить свое существование и не подвергнуться окончательному уничтожению» (Там же, с. 1105).

Качественного отличия от предыдущей ступени, собственно говоря, не существует, но то, что прежде проявлялось в форме животного страха, теперь проявляется в форме человеческого страха, в форме чувства. Содержание остается тем же самым.

Нам говорят, что жажда бытия есть древнейшая форма любви. Конечно, наиболее абстрактной и, следовательно,

древнейшей формой любви является себялюбие, любовь к своему частному бытию. Но это было фактически выражением слишком откровенного взгляда на дело; на словах от этого взгляда отказываются, и делу придается отблеск благородства, порожденный иллюзией чувства.

Итак, тот, кто лишается жены и детей, предпочитает, чтобы они где-либо существовали, хотя бы им и плохо жилось, чем чтобы они совершенно перестали существовать. Если бы речь шла только о любви, то следовало бы сказать, что жена и дети индивида с наибольшей чистотой сохраняются в его сердце, и это представляет собой гораздо более высокую форму бытия, чем эмпирическое существование. Но дело обстоит иначе. Жена и дети как таковые просто ведут эмпирическое существование, поскольку сам индивид, которому они принадлежат, существует эмпирически. Итак, его предпочтение, чтобы они находились где-либо в воспринимаемом чувствами пространстве, – хотя бы им и плохо жилось, – чем нигде, означает лишь желание индивида сознавать свое собственное эмпирическое существование. Покров любви являлся лишь тенью, ядром же оказывается обнаженное эмпирическое «я», себялюбие, древнейшая форма любви, – она не обновилась, не превратилась в более конкретную, более идеальную форму.

По мнению Плуларха, слово «изменение» звучит приятнее, чем «полное прекращение существования». Но изменение не должно быть, по мнению Плуларха, качественным, единичное «я» должно пребывать в своем единичном бытии; итак, это слово оказывается лишь чувственным представлением о том, что оно есть, но должно оно означать нечто противоположное. Все сводится к тому, чтобы не изменить, а лишь затемнить суть дела; отодвигание в фантастическую даль должно только прикрывать качественный скачок, а всякое качественное различие есть скачок – без таких скачков нет идеальности.

Далее Плуларх полагает, что это сознание\* ...

---

\* На этом сохранившаяся часть рукописи обрывается. – *Ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ  
РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА  
И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА В ОБЩЕМ

II. СУЖДЕНИЯ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ МЕЖДУ  
ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ ЭПИКУРА

[1] *Диоген Лаэртский*, X, 4: «Также и последователи стоика Посидония, и Николай, и Сотион... [утверждают], что он [Эпикур] проповедовал, как свои собственные, учения Демокрита об атомах и Аристиппа о наслаждении».

[2] «О природе богов», I, 26, [73]: «Что в физике Эпикура не от Демокрита? Ведь если он [Эпикур] и внес некоторые *изменения*... то все же в большинстве своих положений он утверждает то же самое».

[3] *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6 [21]: «Значит, все, что он [Эпикур] изменяет, он искажает, а те положения, которым он следует, целиком остаются демокритовскими».

Там же [17, 18]: «...в физике, которой он особенно кичится, он прежде всего *совершенно несведущ*; он делает добавления к Демокриту, внося ничтожные изменения, но так, что, на мой по крайней мере взгляд, *извращает* то, что хочет *поправить*... А там, где он следует Демокриту, он почти не делает промахов».

[4] *Плутарх*, «Против Колота» (изд. Ксиландера), с. 1108: «Леонтей... утверждает, что Демокрит ценился Эпикуром за то, что первый дошел до верного познания... за то, что раньше его напал на след первоначал природы». Ср. там же, стр. 1111.

[5] *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», т. V, стр. 235, изд. Таухница: «Эпикур, сын Неокла, афинянин, который в своей философии шел по стопам Демокрита...»

[6] *Плутарх*, «Против Колота», с. 1111, 1112, 1114, 1115, 1117, 1119, 1120 и сл.

[7] *Климент Александрийский*, «Ковры», VI, с. 629 (изд. кельнское): «Да вот также и Эпикур позаимствовал у Демокрита свои основные положения...»

[8] Там же, стр. 295: «“Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философию и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям

мира, а не по Христу”». Философии же [остерегайтесь] не всякой, а такой, как эпикурейская, о которой упоминает в «Деяниях апостолов» Павел, осуждая ее за то, что она отвергает божественный промысел... и всякой другой, если она возвеличила стихии, не поставив над ними творческой первопринципы, и не дошла до мысли о творце».

[9] *Секст Эмпирик*, «Против математиков» (изд. женеvское) [I, 273]: «Эпикур изобличается в хищении у поэтов важнейших из своих положений. Ведь, как оказывается, он свое положение о том, что пределом силы наслаждений служит наиболее полное устранение страдания, извлек из одного [гомеровского] стиха:

И когда пишем и пищею глад утолили\*\*.

А утверждение о смерти, что она для нас ничто, подсказал ему Эпихарм изречением:

«Умереть или быть мертвым, по мне безразлично...»

Равным образом и [утверждение], что тела, став трупами, ничего не чувствуют, он позаимствовал у Гомера, говорящего:

«Землю немую неистовый муж оскверняет»\*\*\*.

[10] «*Письмо Лейбница к Де Мезо*, содержащее разъяснение изложения и т. д.». Т. 2. С. 66, [Женева, 1768], изд. Дютана [Полное собр. соч.].

[11] *Плутарх*, «Против Колота», с. 1111: «Следует поставить в упрек Демокриту отнюдь не то, что он допускает выводы из [существования] своих первоначал, а то, что он выдвигает такие первоначала, из которых вытекают такие выводы... Если так обстоит дело с умолчанием, не признает ли он [Эпикур] тем самым, что делает что-то, к чему уже привык? Так, устраняя провидение, он, по его словам, оставляет благочестие; утверждая, что ищет дружбы ради наслаждения, он [в то же время] заявляет, что он из-за друзей выносит самые большие страдания; признавая беспредельность мира, он не отказывается от [представлений] “верха” и “низа”».

III. ЗАТРУДНЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ  
НАТУРФИЛОСОФИИ ДЕМОКРИТА С НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА

[1] *Аристотель*, «О душе», I, с. 8 (по изд. Тренделенбурга): «Для него» (т. е. Демокрита) «душа и разум полностью совпадают, ибо истинно-сущее и явление совпадают».

[2] *Аристотель*, «Метафизика», IV, 5: «Вот почему Демокрит, например, утверждает, что либо нет ничего истинного, либо оно для нас недоступно. И вообще, благодаря тому, что разумное мышление отожд-

\* Библия. Новый Завет. Послание к колоссянам апостола Павла, 2: 8.

\*\* Гомер. Илиада. I, 469. Перевод Н.И. Гнедича.

\*\*\* Там же. XXIV, 54.

дествляется с чувственным восприятием, а это последнее признается качественным изменением, приходят к утверждению, что являющееся, как оно воспринимается, и есть по необходимости истинно-сущее. На этом-то основании и Эмпедокл утверждает, что с изменением [прежнего] состояния в людях меняется и способность разумения, то же самое и Демокрит и, можно сказать, из всех прочих философов каждый подпал под власть таких воззрений».

Впрочем, в данном месте самой «Метафизики» выражено противоречие.

[3] *Диоген Лаэртский*, IX, 72: «Но даже и Ксенофан, и Зенон Элейский, и Демокрит, по их мнению, – скептики... Демокрит же [говорит]: «И опять-таки доподлинно мы ничего не знаем, ибо истина сокрыта в бездонной глубине»».

[4] Ср. *Риттер*, «История древней философии», ч. I, с. 579 и сл.

[5] *Диоген Лаэртский*, IX, 44: «По его [Демокрита] взгляду, первоначалами всего сущего являются атомы и пустота, все остальное – плод условного признания, мнение».

[6] Там же, IX, 72: «...Демокрит же отвергает качества там, где он говорит: “Только во мнении существует холодное, только во мнении существует теплое; в действительности же – только атомы и пустота”».

[7] *Симплиций*, в схолиях к Аристотелю (собр. Брандисом), с. 488: «Из них атомов, однако, действительно единой природы он [Демокрит] отнюдь не производит. Ибо совершенно наивно [вообразать], чтобы два или многое могли когда-либо образовать одно».

Там же, с. 514: «И вот потому-то они [Демокрит и Левкипп] отрицали как образование множества из единого... так и образование из множества – подлинно целостного единства. Но это только кажется, что в результате соединения атомов возникает то или другое единое целое».

[8] *Плутарх*, «Против Колота», с. 1111: «...атомы, называемые им [Демокритом] идеями».

[9] Ср.: *Аристотель*, указ. место.

[10] *Диоген Лаэртский*, X, 121: «Он [мудрец] [говорит Эпикур] будет выступать с положительными учениями, а не будет теряться в спорных вопросах».

[11] *Плутарх*, «Против Колота», стр. 1117: «Ибо одно из положений Эпикура гласит: “Никто, кроме мудреца, ни в чем не убежден так непоколебимо, чтобы его нельзя было разубедить”».

[12] *Цицерон*, «О природе богов», I, 25: «По его [Эпикура] утверждению, все чувства суть вестники истинного».

Ср.: *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 7.

*Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», IV, с. 287: «По Эпикуру, всякое ощущение и всякое представление истинны».

[13] *Диоген Лаэртский*, X, 31: «Итак, в своем “Каноне” Эпикур утверждает, что критериями истины являются чувственные восприятия, а также пролеписы и чувствования... и нет ничего, что могло бы их опровергнуть». X, 32: «В самом деле, однородное чувственное восприятие не может опровергнуть другое однородное с ним, так как они равносильны, а неоднородное не может опровергнуть неоднородное, ибо судят они не об одном и том же. И вообще, одно чувственное восприятие не может быть судьей другого: ибо ко всем ним мы равно прислушиваемся. Но не может быть судьей чувственных восприятий и разум; ибо сам он целиком зависит от них».

[14] *Плутарх*, «Против Колота», указ. место: «То, что сказал Демокрит, а именно что цвет, сладость, соединение — все это существует лишь в общепризнанном мнении, [а в действительности все это только пустота и] атомы, это, говорит он [Колот], [противоречит] чувственным восприятиям... Возражать против этого утверждения мне нечего, я могу только сказать, что приведенные положения в такой же степени неотделимы от положений Эпикура, как, по их [эпикурейцев] собственному высказыванию, форма и вес от атома. Ведь что утверждает Демокрит? Неисчислимые в своем множестве сущности, неделимые и неразличимые, бескачественные и не подвергающиеся воздействию, несутся рассеянные в пустоте. Когда они приближаются друг к другу или сталкиваются, или переплетаются, то от скопления их получается впечатление то воды, то огня, то растения, то человека, но все это на самом деле атомы, называемые, по Демокриту, идеями, и ничто другое. Ибо, мол, исключено [всякое] возникновение из несуществующего, а из [существующего] ничего не может образоваться, вследствие того что атомы по своей непроницаемости не допускают ни воздействий извне, ни внутренних изменений; отсюда значит, ни цвет не может образоваться из бесцветного, ни природа или душа не может образоваться из бескачественного. Итак, следует поставить в упрек Демокриту отнюдь не то, что он допускает выводы из [существования] своих первоначал, а то, что он выдвигает такие первоначала, из которых вытекают такие выводы... А об Эпикуре утверждает, что он полагает [в основу всего] те же первоначала [что и Демокрит], но не говорит, что цвет... и прочие качества существуют лишь во мнении».

[15] *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6: «Солнце представляется великим по своим размерам Демокриту как человеку ученому и вполне овладевшему геометрией, а вот ему [Эпикуру] оно представляется величиной всего примерно в два фута; он, значит, считает, что величина Солнца в действительности такова, какой она нам кажется». Ср. *Плутарх*, «О мнениях философов», II, с. 265.

[16] *Диоген Лаэртский*, IX, 37: «Не только в физике и этике, но и в математике, и в общеобразовательных науках, а также в области всех искусств он [Демокрит] обладал всей полнотой знаний».

[17] Ср.: *Диоген Лаэртский*, [IX], § 46–49.

[18] *Евсевий*, «Евангельское приготовление», X, с. 472: «Где-то по этому поводу он [Демокрит] о себе с похвалой говорит: “...Из всех моих современников я объехал наибольшую часть земли, исследуя самое отдаленное; я видел наибольшее число земель и стран, и я слушал речи наибольшего числа ученых людей, а в комбинировании линий, связанном с доказательством, никто меня не превзошел, даже египетские так называемые арсипедонапты. Во всех этих [странствованиях] я пробыл на чужбине в продолжение восьмидесяти лет”. Он в самом деле объездил Вавилонию, Персию и Египет и учился у египетских жрецов».

[19] *Диоген Лаэртский*, IX, 35: «Деметрий в своем произведении “Одноименные авторы” и Антисфен в своем произведении “Диалоги” утверждают, что он [Демокрит], пустившись в путешествие, побывал в Египте у тамошних жрецов для изучения геометрии, потом у халдеев в Персии и доезжал до Красного моря. Некоторые утверждают, что он встречался с гимнософистами в Индии и что он побывал в Эфиопии».

[20] *Цицерон*, «Тускуланские беседы», V, 39: «Когда Демокрит лишился зрения... он, этот муж, полагал еще, что зрение даже является препятствием для остроты ума, и, в то время как другие часто не видели того, что находилось у их ног, он обозревал бесконечность, не останавливаясь ни на каком пределе».

*Цицерон*, «О высшем добре и зле», V, 29: «Демокрит... говорят, ослепил себя с той именно целью, чтобы ум его как можно менее отвлекался от размышлений».

[21] *Луц. Анн. Сенека*, Соч., II. Письмо 8, с. 24 (изд. амстердамское, 1672): «До сих пор мы повторяем за Эпикуром: “...ты должен служить философии, чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится долго ждать; он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философии есть свобода”».

[22] *Диоген Лаэртский*, X, 122: «Не должно ни в юности откладывать занятия философией на будущее время, ни в старости прекращать их. Ибо для забот о здоровье души никто не бывает ни недозревшим, ни перезревшим. А тот, кто говорит, что время для занятий философией еще не наступило или уже миновало, похож на того, кто утверждает, что для счастья час еще не наступил или что он уже прошел. Пусть же философствуют и старик, и юноша; первый – чтобы, старея, он черпал молодость в благах, которые ему доставила его прекрасная жизнь в прошлом; второй – чтобы, будучи молодым, он обладал, подобно старцу, бесстрашием перед будущим». Ср.: Климент Александрийский, IV, с. 501.

[23] *Секст Эмпирик*, «Против математиков», [кн. I], с. 1: «Ученики Эпикура и последователи Пиррона занимают, по-видимому, одинаковую позицию в полемике против представителей наук, но исходные предпосылки

у них не одинаковы. Ведь эпикурейцы полагают, что науки ничем не содействуют достижению мудрости».

[24] *Секст Эмпирик*, там же, с. 11: «К числу их следует причислить Эпикура, хотя он, по-видимому, и относится враждебно к представителям наук».

Там же, с. 54: «...противники грамматики, Пиррон и Эпикур».

Ср.: *Плутарх*, «О том, что, следуя Эпикуру, невозможно жить счастливо», с. 1094.

[25] *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 21: «Итак, не Эпикур был необразован, а невежественны те, которые думают, что вплоть до старости следует учиться тому, чего стыдно не знать мальчику».

[26] *Диоген Лаэртский*, X, 13: «Аполлодор в “Хронике” говорит, что он [Эпикур] был слушателем Лисифана и Праксифана. Сам же он отрицает это и в письме к Эвридику говорит, что слушал себя самого».

*Цицерон*, «О природе богов», I, 26: «Хвалится он [Эпикур], что никого не имел своим учителем, а я бы и так, без его бахвальства, этому легко поверил».

[27] *Сенека*, Письмо 52, с. [176]–177: «Есть люди, говорит Эпикур, которые в своих стремлениях к истине обходятся без всякой посторонней помощи; он из числа тех, кто сам проложил себе дорогу. Этих-то людей он больше всего хвалит как таких, которые по внутреннему побуждению выдвинулись сами, самостоятельно. С другой стороны, есть люди, нуждающиеся в чужой помощи; сами они не пойдут вперед, если никто другой не откроет пути перед ними, но зато уж тогда они будут следовать усердно. К числу таких относит он Метродора. Это, мол, тоже выдающийся ум, но только уже второго разряда».

[28] *Диоген Лаэртский*, X, 10: «Хотя Греция тогда переживала самые тяжелые времена, он [Эпикур] постоянно оставался там и только два или три раза ездил к друзьям в Ионию. Последние сами съезжались к нему отовсюду и жили вместе с ним в саду, как говорит о том и Аполлодор, [по словам которого] этот сад Эпикур купил за 80 мин».

[29] *Диоген Лаэртский*, X, 15: «...тогда-то, как передает Гермипп, он [Эпикур] сел в медную ванну, наполненную теплой водой, попросил чистого вина и глотнул». § 16: «Затем, наказав друзьям помнить его учения, он скончался».

[30] *Цицерон*, «О судьбе», X: «Эпикур... [полагал], что есть возможность уклониться от роковой необходимости... Демокрит же предпочел принять, что все происходит в силу необходимости».

*Цицерон*, «О природе богов», I, 25: «Чтобы избегнуть необходимости, он [Эпикур] измыслил такое средство, до которого Демокрит, очевидно, не додумался».

*Евсевий*, «Евангельское приготовление», I, стр. 23 и сл.: «Демокрит из Абдер... [полагает], что все вообще, и прошедшее, и настоящее, и будущее, искони целиком предопределяется необходимостью».

[31] *Аристотель*, «О происхождении животных», V, 8: «Демокрит... все сводит к *необходимости*».

[32] *Диоген Лаэртский*, IX, 45: Демокрит «утверждает, что все совершается в связи *необходимости*, что вихреобразное вращение есть причина происхождения всего, и его-то он и называет *необходимостью*».

[33] *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», I, с. 352: «По Пармениду и Демокриту, все совершается в силу *необходимости*: это она есть *судьба*, и *право*, и *провидение*, и *созидательница мира*».

[34] *Стобей*, «Эклоги физические», I, 8: «Парменид и Демокрит утверждают, что все совершается в силу *необходимости* и что она есть *судьба*, и *право*, и *провидение* [и созидательница мира]. Левкипп утверждает, что все совершается в силу *необходимости*, *необходимость* же есть *судьба*... Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все [возникает] в причинной связи и в силу *необходимости*».

[35] *Евсевий*, «Евангельское подготовление», VI, с. 257: «*Судьба*, рок... для него [Демокрита] – это результат стремительного движения вниз и движения вверх указанных малых телес, взаимно переплетающихся и разъединяющихся, то расходящихся, то сходящихся в силу *необходимости*».

[36] *Стобей*, «Эклоги этические», II: «Люди измыслили себе призрак случая, [как благовидное] оправдание своей собственной беспомощности; на самом деле только для слабого разума случай является противодействием».

[37] *Евсевий*, «Евангельское подготовление», XIV, с. 782 и сл.: «Ставя во главе всего сущего случайность как владычицу и царицу над всем божественным и доказывая, что все происходит по ее произволу, он [Демокрит] в то же время исключает ее из жизни человеческой, а тех, кто выступает в пользу ее признания, клеймит как людей безрассудных. Вот что, по крайней мере, он говорит в начале своих “Заветов”: “Люди измыслили себе призрак случая в оправдание собственного неразумия. Ведь рассудок по своей природе восстает против случая. И вот этот злейший враг разумности, по их утверждениям, сильнее ее; больше того, устраняя разумность совершенно и умалчивая о ней, они ставят на место разумности – случай. Ведь и гимны поют они не благотворной разумности, а благоприятнейшему случаю”».

[38] *Симплиций*. Указ. соч., с. 351: «Выражение “в старину говорили – случайности не существует” как будто прямо подразумевает Демокрита».

[39] *Диоген Лаэртский*, X, 133: «...что касается судьбы, которая вводится некоторыми в качестве верховной повелительницы, то он [Эпикур] объявляет ее несуществующей. Но [по его мнению] одно зависит от случая, другое – от нас самих, ввиду того, что *необходимость* безответственна, а случай, видимо, непостоянен; зависящее же от нас – произвольно, а потому за ним неотступно следует как порицание, так и его противополож-

ность». 134: «Уж лучше было бы следовать мифу о богах, чем быть рабом предопределения физиков. Ибо миф этот оставляет надежду на умиловление богов посредством их почитания, предопределение же заключает в себе неумолимую *необходимость*. Что касается случая, то он не принимает его за божество, как это делает толпа...»

[40] *Сенека*, «Письма», XII, с. 42: «Несчастье – жить в *необходимости*, но жить в *необходимости* вовсе не является *необходимостью*... Пути к свободе везде открыты, их много, они коротки и легки. Возблагодарим же бога за то, что никого нельзя удержать в жизни. Обуздать самое *необходимость* – дозволено... сказал... Эпикур».

[41] *Цицерон*, «О природе богов», I, 20: «Но что следует думать о такой философии (т. е. стоической), по воззрению которой – как это представляется старушонкам, и притом невежественным, – все происходит по воле рока... Избавленные Эпикуром [от этих страхов] и получившие свободу...»

[42] *Цицерон*, там же, гл. 25: «Тем же приемом пользуется он [Эпикур] и в своей полемике против диалектиков. Последние учили, что во всех разделительных суждениях, в которых ставится дилемма *или да, или нет*, – верно одно из двух. Испугавшись, как бы в случае допущения альтернативы вроде той, например, что *Эпикур либо будет жив завтра, либо нет*, не оказалось одно из двух неизбежным, – он целиком отверг обязательную силу этого “или да, или нет”».

[43] *Симплиций*, указ. соч., с. 351: «...но вот и Демокрит – там, где он требует по какому-нибудь принципу устанавливать различия между многообразными видами, – не говорит, как и на каком основании; потому и похоже на то, что он допускает их самопроизвольное и случайное зарождение».

*Симплиций*, указ. соч., с. 352: «И этот последний [Демокрит] ведь тоже признавал случай при созидании мира».

[44] Ср. *Евсевий*, указ. соч., XIV, с. [781]–782: «...и вот так-то попусту и беспочвенно мудрствуя, он [Демокрит], исходя из пустого начала и шаткого основания, не видя корня и общей *необходимости* природы вещей, почитал за величайшую мудрость уразумение слепых случайностей».

[45] *Симплиций*, указ. соч., с. 351: «Вот, например, если кто, почувствовав жажду, напьется холодной воды и станет здоров, то Демокрит, конечно, не скажет, что случай тому причиной, а [будет считать причиной] обуявшую его жажду».

*Там же*, с. 351: «Он [Демокрит], оказывается, тоже допускал случай при сотворении мира. А в явлениях более частичного характера он ни для одного из них не считает причиной случай, но относит эти явления на счет других причин, как, например, причиной находки клада [выставляет] рытье ямы или причиной роста оливкового дерева – его посадку».

Ср.: *Симплиций*, указ. соч., с. 351: «А в явлениях частичного характера он [Демокрит] ни для одного не признает случай причиной».

[46] *Евсевий*, указ. соч., XIV, с. 782: «Демокрит сам, как говорят, заявлял, что он предпочел бы [открытие] одной причинной связи персидскому престолу».

[47] *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», II, с. 261: «Эпикур не отвергает ни одного из этих мнений [философов о субстанции природы]\*, [придерживаясь] возможного».

*Псевдо-Плутарх*, указ. соч., с. 265: «Эпикур опять-таки утверждает, что все вышеприведенные мнения [о величине солнца] возможны».

*Там же*: «Эпикур [признает], что все вышеприведенные мнения возможны».

*Стобей*, «Эклоги физические», I, с. 54: «Эпикур не отвергает ни одного из этих мнений [относительно звезд], придерживаясь возможного».

[48] *Сенека*, «Вопросы природы», [VI], XX, с. 802, т. II: «Эпикур утверждает, что все эти причины могут существовать, и пытается дать еще ряд других; при этом он порицает тех, кто утверждает, что имеется лишь кака-нибудь одна из этих причин: ведь трудно ручаться за какую бы то ни было достоверность в таких вещах, о которых приходится, по необходимости, строить одни только предположения».

[49] Ср.: II часть, 5 гл.

*Диоген Лаэртский*, X, 88: «Однако должно подвергать наблюдению каждое [небесное] явление в том виде, как оно нам представляется и объяснять все, что связано с ним. Этому не будет противоречить многообразие происходящих [на земле] явлений... Ведь это может произойти всякими способами: ибо ни одно из явлений не свидетельствует о противном...»

[50] *Диоген Лаэртский*, X, 80: «Далее, нужно остерегаться предрас-судка, что исследование этих [небесных] явлений не точно и не тонко, поскольку оно приводит нас к атараксии и к блаженству».

#### IV. ОБЩЕЕ ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА

[1] Плутарх в своей биографии Мария [21, 7–8] дает отталкивающую историческую иллюстрацию того, как эта моралистическая манера уничтожает всякое теоретическое и практическое бескорыстие. Описав ужасную гибель кимвров, он повествует: трупов было такое множество, что массалиоты<sup>12</sup> могли удобрять ими свои виноградники. Затем наступили дожди, и это был самый обильный вином и плодами год. На какие же размышления наводит благородного историка трагическая гибель этого народа? Плутарх находит вполне моральным со стороны бога, что он дал погибнуть и сгнить целому большому благородному народу, лишь бы до-

\* Слова в скобках принадлежат Марксу и приведены в диссертации на немецком языке.

ставить обильный сбор плодов марсельским филистерам. Таким образом, даже превращение целого народа в навозную кучу дает желанный повод к тому, чтобы предаваться сладостным морализирующим мечтаниям!

[2] Также и по отношению к Гегелю ученики его проявляют только свое невежество, когда они то или иное определение его системы объясняют приспособлением и тому подобным, одним словом, объясняют *морально*. Они забывают, что еще совсем недавно они с восторгом повторяли все его односторонности, как это можно со всей очевидностью доказать им примерами из их собственных произведений.

Если они действительно были так поражены полученной в готовом виде наукой, что отдались ей с наивным некритическим доверием, то как бессовестно бросать учителю упрек в том, будто за высказываемыми им взглядами скрываются тайные намерения, упрекать в этом учителя, для которого наука не была чем-то полученным в готовом виде, а еще только создавалась, так что до самой ее отдаленной периферии пульсировала духовная кровь его собственного сердца. Напротив, они этим дают повод заподозрить их самих в том, что они прежде не относились серьезно к делу и что теперь они бьются против своего прежнего состояния, приписывая его Гегелю. Но они забывают при этом, что Гегель стоял в непосредственном, субстанциальном отношении к своей системе, они же – в рефлексивном.

Вполне мыслимо, что философ совершает ту или иную кажущуюся непоследовательность в силу того или иного приспособления; он может даже сознавать это. Но одного он не сознает, а именно что сама возможность подобного кажущегося приспособления имеет свои наиболее глубокие корни в недостаточности его принципа или в недостаточном понимании философом своего принципа. И если бы философ действительно приспособлялся, то дело его учеников – объяснить *из его внутреннего, существенного сознания* то, что *для него самого* имело форму *экзотерического сознания*. То, что является прогрессом совести, представляет, таким образом, вместе с тем прогресс знания. Тут не заподозривается личная совесть философа, а конструируется существенная форма его сознания; последняя приобретает определенное очертание и значение – и тем самым совершается выход за ее пределы.

Я, впрочем, рассматриваю это нефилософское направление значительной части гегелевской школы как явление, которое всегда будет сопровождать переход от дисциплины к свободе.

Таков психологический закон, что ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и, выступая как *воля* из царства теней Аменты, обращается против земной, существующей помимо него действительности. (Но в философском отношении важно резче отделить специфические черты этих сторон, т. к. из определенного способа этого превращения возможно обратное заключение к имманентной опреде-

ленности и всемирно-историческому характеру той или иной философии. Мы словно видим здесь ее *cuticulum vitae*\* в его наиболее сосредоточенном выражении, в его субъективной заостренности.) Однако сама *практика философии теоретична*. Именно *критика* определяет меру отдельного существования по его сущности, а меру особой действительности – по ее идее. Однако это *непосредственное осуществление* философии по своей внутренней сущности полно противоречий, и эта ее сущность формируется в явлении и налагает на него свою печать.

В то время как философия в качестве воли выступает против являющегося мира, система низводится до абстрактной целостности, т. е. она становится одной стороной мира, которой противостоит другая его сторона. Отношение философской системы к миру есть отношение рефлексии. Одушевленная стремлением осуществить себя, она вступает в напряженное отношение к остальному. Внутренняя самоудовлетворенность и замкнутость нарушены. То, что было внутренним светом, превращается в пожирающее пламя, обращенное наружу. Таким образом, в результате получается, что в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской, что ее осуществление есть вместе с тем ее потеря, что то, против чего она борется вне себя, есть ее собственный внутренний недостаток, что именно в борьбе она сама впадает в те ошибки, против которых она и борется, и что, лишь впадая в эти ошибки, она уничтожает их. То, что выступает против нее и против чего она борется, является всегда тем же, что и она сама, только с обратным знаком.

Такова одна сторона, если мы будем рассматривать дело *чисто объективно*, как непосредственное осуществление философии. Но оно имеет и *субъективную* сторону, что является лишь другой формой его. Это – *отношение* осуществляющейся *философской системы к ее духовным носителям*, к отдельным самосознаниям, в которых проявляется ее поступательное движение. Из самого этого отношения, которое в осуществлении философии противостоит миру, следует, что этим отдельным самосознаниям всегда присуще *обоюдоострое требование*: одно острое направлено против мира, другое – против самой философии. Ибо то, что в самом предмете выступает как превратное внутри самого себя отношение, в этих самосознаниях выступает как двоякое, противоречащее самому себе требование и действие. Освобождая мир от внефилософского состояния, они в то же время освобождают самих себя от философии, которая в качестве определенной системы держала их в оковах. Так как они сами находятся только в процессе развития и охвачены его непосредственной энергией, следовательно, не вышли еще в теоретическом отношении за пределы этой системы, то они испытывают лишь противоречие с пластическим равен-

\* Жизненный путь (*лат.*).

ством системы себе самой и не знают, что, обращаясь против нее, они осуществляют только ее отдельные моменты.

Наконец, эта двойственность философского самосознания выступает как два до крайности противоположных направления; одно из этих направлений мы в общем можем назвать *либеральной партией* – оно удерживает понятие и принцип философии; другое же направление сохраняет как главное определение *то, что не есть понятие*, – момент реальности. Это второе направление есть *позитивная философия*<sup>13</sup>. Действием первого направления является критика, следовательно, как раз обращение философии вовне; действием второго – попытка философствовать, следовательно – уход философии в себя, причем это второе направление полагает, что недостаток имманентен философии, тогда как первое направление понимает его как недостаток мира, который надо сделать философским. Каждая из этих партий делает именно то, что хочет делать другая и чего она сама делать не хочет. Но первая в своем внутреннем противоречии сознает свой принцип вообще и свою цель. Во второй проявляется превратность, так сказать, бессмысленность как таковая. По содержанию только либеральная партия, как партия понятия, может привести к реальному прогрессу, между тем как позитивная философия в состоянии привести только к таким требованиям и тенденциям, форма которых противоречит их значению.

То, следовательно, что является сначала превратным отношением и враждебным расколом между философией и миром, становится потом расколом отдельного философского самосознания внутри самого себя и, наконец, проявляется как внешнее разделение и раздвоение философии, как два противоположных философских направления.

Понятно, что, кроме того, появляется откуда-то еще масса второстепенных, назойливых, лишенных всякой индивидуальности фигур. Одни из них прячутся за спиной какого-нибудь философского великана прошлого; но вскоре из-под льявиной шкуры становится виден осел, жалкой пародией звучит плаксивый голос какого-нибудь новоиспеченного манекена в сравнении, например, с могучим, оглашавшим целые столетия голосом Аристотеля, непрощеным органом которого этот манекен себя сделал; это напоминает немного, который захотел бы заменить недостаток речи огромным рупором. Или же какой-нибудь вооруженный двойными очками лилипут, стоя на крохотной точке *posterius a\** великана, с удивлением возвещает миру, какой поразительно новый горизонт открывается с этой его точки зрения, и делает смешные усилия доказать, что не в бурных порывах сердца, а в той плотной, массивной основе, на которой он стоит, найдена точка Архимеда, *τοῦ στωῦ*, та точка опоры, на которой держится мир. Так появляются философы волос, ногтей, пальцев, экскрементов и тому подобные субъекты, которые должны

\* Зада.

представлять еще худшие места в мистическом мировом человеке Сведенборга. Однако по существу своему все эти сличия принадлежат обоим упомянутым направлениям, входя в них как в свою стихию. Что касается самих этих направлений, то я в другом месте вполне выясню их отношение частью друг к другу, частью к гегелевской философии, а также отдельные исторические моменты, в которых проявляется это развитие.

[3] *Диоген Лаэртский*, IX, 44: «...ничто не возникает из несуществующего и ничто не переходит в несуществующее» (Демокрит).

*Диоген Лаэртский*, X, 38: «Во-первых, ничто не возникает из несуществующего: ибо в таком случае все что угодно могло бы возникнуть из чего угодно...».

39: «И если бы то, что уничтожается, исчезало, превращаясь в ничто, то все вещи совершенно исчезли бы, так как то, во что они разрешались бы, было бы ничто. Но на самом деле вселенная всегда была такой, какова она теперь, и вечно останется такой же. Ведь нет ничего, во что она могла бы превратиться» (Эпикур).

[4] *Аристотель*, «Физика», I, 4: «Ведь если все, что возникает, по необходимости может возникать либо из существующего, либо из несуществующего, причем возникновение из несуществующего невозможно; это мнение разделяется абсолютно всеми...»

[5] *Фемистий*, «Схолии к Аристотелю» (собр. *Брандисом*), лист 42, с. 383: «Ведь подобно тому как “ничто” не имеет никакого отличительного признака, так точно и пустота. Ибо “пустое” есть нечто *несуществующее* и *отсутствие всего*, говорит он [Демокрит] и т. д.»

[6] *Аристотель*, «Метафизика», I, 4: «Левкипп и его сотоварищ Демокрит признают элементами полное и пустое, называя одно сущим, другое небытием, а именно: полное и плотное – сущим, а пустое и полное – небытием. Поэтому они и говорят, что бытие существует отнюдь не более, чем небытие, потому что и пустота существует так же, как и тело».

[7] *Симплиций*, указ. соч., с. 326: «И Демокрит признает [за первоначала] полное и пустое, из которых первое называет существующим, а второе – несуществующим».

*Фемистий*, указ. соч., с. 383: «Ибо “пустое” есть нечто несуществующее и отсутствие всего, говорит Демокрит».

[8] *Симплиций*, указ. соч., с. 488: «Демокрит полагает, что природу вечных начал образуют малые сущности в бесчисленном множестве; для них он отводит еще особое место, беспредельное по величине, причем он именует это место следующими названиями: пустота, ничто, беспредельность, а каждую из сущностей называет: нечто, плотное, сущее».

[9] Ср.: *Симплиций*, указ. соч., с. 514: «Единое и многое».

[10] *Диоген Лаэртский*, X, § 40: «Если бы не было того, что мы называем пустотой, пространством и неосязаемой природой...»

*Стобей*, «Эклоги физические», I, с. 39: «Эпикур попеременно пользуется всякими названиями – пустота, место, пространство».

[11] *Стобей*, «Эклоги физические», I, с. 27: «Называется же [такое тело] атомом не потому, что оно самое меньшее».

[12] *Симплиций*, указ. соч., с. 405: «Другие же, отрицающие делимость до бесконечности на том основании, что мы не можем делить до бесконечности и таким путем убедиться в [возможности] бесконечного деления, говорили, что тела состоят из неделимых и разлагаются на них. Разница только в том, что Левкипп и Демокрит признают причиной неделимости первотелец не только их непроницаемость, но также малость и отсутствие частей; Эпикур же, живший позже, отрицает, что они не имеют частей, и неделимость их обосновывает их непроницаемостью. Много раз подвергал разбору учение Демокрита и Левкиппа Аристотель, и, вероятно, под влиянием критических замечаний последнего, направленных против отрицания частей у первотелец, позднее выступивший Эпикур, сочувствуя учению Демокрита и Левкиппа о первотельцах, сохранил за ними, т. е. первотельцами, по крайней мере свойство непроницаемости...»

[13] *Аристотель*, «О возникновении и уничтожении», I, 2: «Что же касается худшей способности рассматривать общепризнанное, то тут виной всему недостаток опытного знания. Поэтому лица, более твердые в познании природы, и более способны выдвигать такие основные положения, которые далеко простирают свою объединяющую силу. А люди, не ориентированные в явлениях действительности в результате долгих размышлений, видят лишь немного и судят легкомысленнее. Из этого всякий может видеть, какая великая разница между мыслителями, исходящими из явлений природы, и мыслителями, исходящими из логических рассуждений. Ведь относительно существования неделимых величин некоторые утверждают, что даже треугольник как таковой многообразен. Напротив, Демокрит, надо полагать, пришел к своим убеждениям в результате самостоятельных выводов из данных природы».

[14] *Диоген Лаэртский*, IX, [гл.] 7, [разд.] 8 [§ 40]: «Аристоксен в своих «Исторических записках» передает, что Платон задумал было сжечь все сочинения Демокрита, какие только он смог собрать; но пифагорейцы Амикл и Клиний его удержали, так как это было бы бесполезно, ввиду того что эти книги имеются уже у многих. Действительно, Платон, упоминая почти всех древних мыслителей, ни разу не упоминает Демокрита даже там, где ему приходится по какому-нибудь вопросу возражать [Демокриту]. Очевидно, Платон понимал, что спорить пришлось бы с наиболее выдающимся из философов».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ  
О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ФИЗИКОЙ ДЕМОКРИТА И ФИЗИКОЙ  
ЭПИКУРА В ЧАСТНОСТЯХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ  
ОТКЛОНЕНИЕ АТОМА ОТ ПРЯМОЙ ЛИНИИ

[1] *Столбей*, «Эклоги физические», I, с. 33: «По Эпикуру... атомы движутся, то падая прямолинейно, то путем отклонения, а движение вверх – результат удара и отталкивания».

Ср.: *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6.

*Плутарх*, «О мнениях философов», с. 249.

*Столбей*, указ. соч., с. 40.

[2] *Цицерон*, «О природе богов», I, 26: «Что в физике Эпикура не от Демокрита? Ведь если он [Эпикур] и внес некоторые *изменения*, как, например, в только что упомянутом вопросе об *отклонении атомов*...»

[3] *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6: «...ведь он [Эпикур] утверждает, что эти неделимые и плотные тела несутся в силу своей тяжести вниз по прямой линии: это и есть, по его мнению, естественное движение всех тел. Затем тут же его, как *человека острого ума*, осенила мысль, что если бы все атомы двигались сверху вниз и, как я уже сказал, по прямой линии, то никогда ни один атом не пришел бы в соприкосновение с другим, – и он преподнес такого рода выдумку: он заявил, что атом чуть-чуть (меньше чего ничто не может быть) отклоняется. Отсюда-де возникают сплетения, сочетания и сцепления атомов между собой, и в результате образуется мир, все части мира и все, что в нем содержится».

[4] *Цицерон*, «О природе богов», I, 25: «Так как Эпикур понял, что если бы атомы вследствие своей собственной тяжести неслись вниз, то от нашей власти ничего бы не зависело, ибо движение атомов является определенным и необходимым, – то он, чтобы избежать необходимости, измыслил такое средство, до которого Демокрит, очевидно, не додумался. Эпикур говорит, что атом, хотя он и несется сверху вниз вследствие своего веса и тяжести, все же чуть-чуть отклоняется. Утверждать это постыднее, чем не уметь доказать то, чего он хочет».

Ср.: *Цицерон*, «О судьбе», X.

[5] *Бейль*, «Исторический и критический словарь. См. «Эпикур».

[6] *Шаубах*, «Об астрономических понятиях Эпикура» («Archiv für Philologie und Pädagogik» Зеебоде, Яна и Клоца, т. V, вып. IV, [Лейпциг, 1839], с. 549).

[7] *Лукреций*, «О природе вещей», II, 251 и сл.:

«Если ж движения все непрерывную цепь образуют  
И возникают одно из другого в известном порядке,  
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля?»

[8] *Аристотель*, «О душе», I, 4, 16–17: «Как на самом деле мыслить движение монады? Кем и как приводится она в движение, неделимая на части и лишенная отличительных признаков? Ведь если она способна приводить в движение и сама подвижна, то в таком случае она должна иметь отличительные признаки. *Кроме того, если говорят, что движение линии образует поверхность, а движение точки – линию, то в таком случае и движения монад будут линиями*».

[9] *Диоген Лаэртский*, X, 43: «Движутся атомы *постоянно*».

*Симплиций*, указ. соч., с. 424: «[Ученики] Эпикура признают *вечность* движения».

[10] *Лукреций*, «О природе вещей», II, 253 и сл.:

И коль не могут путем отклонения первоначала  
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,  
Дабы причина не шла за причиною испокон века...

[11] *Лукреций*, там же, II, 279 и сл.:

...в груди нашей скрыто

Нечто, что против нее восстает и бороться способно.

[12] *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6: «И все-таки он [Эпикур] не достигает того, ради чего он это выдумал; ибо если бы все атомы отклонялись, то никогда между ними не произошло бы никаких сцеплений; либо же одни атомы отклонялись бы, а другие были бы увлечены движением по прямой линии. Это все равно как если бы указать определенные места атомам – каким нестись прямо, каким вкось».

[13] *Лукреций*, указ. соч., [II], 293.

[14] *Цицерон*, «О судьбе», X: «Атом отклоняется на самое малое расстояние, которое Эпикур называет наименьшим».

[15] *Цицерон*, там же: «Беспричинность этого отклонения он [Эпикур] вынужден признать, если не прямо на словах, то по существу».

[16] *Плутарх*, «О происхождении души», VI (т. VI, с. 8, изд. стереотипное): «Они не признают за Эпикуром права допускать отклонение атома, хотя бы на волос, так как полагают, что он вводит беспричинное движение от несуществующей исходной точки».

[17] *Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6: «Да и само отклонение есть произвольная выдумка, – ведь он говорит, что *атом отклоняется без причины, а ничего нет для физика постыднее, как утверждать, что то или другое совершается без причины*, – и без всякого основания он [Эпикур] лишил атомы, вопреки собственным положениям, движения по прямой линии вниз, естественного для всего весомого».

[18] *Бейль*, указ. соч.

[19] *Августин*, «Письма», 56.

[20] *Диоген Лаэртский*, X, 128: «Ведь все наши действия направлены к одной этой цели, к тому, чтобы не испытывать страдания и страха».

[21] *Плутарх*, «О том, что, следуя Эпикуру, невозможно жить счастливо», с. 1091: «Существуют подобные же заявления и самого Эпикура, утверждающего, что “сущность добра состоит в том, чтобы избегать зла”».

[22] *Климент Александрийский*, «Ковры», II, с. 415: «Эпикур же полагает, что устранение страдания и есть наслаждение».

[23] *Сенека*, «О благодетелях», IV, с. 699: «Значит, божество не расточает милостей, но, далекое от всяких забот и не интересуясь нами, оно даже не смотрит на мир, добрые дела столь же мало трогают его, как и беззакония».

[24] *Цицерон*, «О природе богов», I, 24: «...ты, например, говорил, что в боге есть не тело, а квазитело, не кровь, но квазикровь».

[25] *Цицерон*, «О природе богов», I, 38: «...какую же пищу, какие напитки, какое разнообразие звуков и цветов, какие осязательные ощущения или же какие ароматы ты преподнесешь богам, чтобы доставить им наслаждение?..»

39: «...как же ты можешь требовать от людей почитания богов, если боги не только не почитают людей, но вообще ни о чем не заботятся, ничего не делают? Но, возражаешь ты, природа их так возвышенна и превосходит, что она сама по себе должна влечь мудреца к ее почитанию. – Да разве может быть что-нибудь возвышенное в природе существ, которые, замыкаясь в самоуслаждении, ничего никогда не намерены делать, ничего не делают и раньше также пребывали в бездействии?»

[26] *Плутарх*, «О том, что, следуя Эпикуру, невозможно жить счастливо», с. 1101: «Учение эпикурейцев уничтожает страх и суеверие, но не дает радости и благосклонности богов. Это учение ставит нас к богам в такое отношение, при котором нам нет от них ни беспокойства, ни радости, как от рыб Гирканского моря\*, от которых нам нельзя ожидать ни хорошего, ни плохого».

[27] *Аристотель*, «О небе», II, 12: «...то, что пребывает в наилучшем состоянии, не нуждается в действии, ибо оно само есть цель».

[28] *Лукреций*, «О природе вещей», II, 221 и сл.:

«Если ж [как капли дождя,] они вниз продолжали бы падать,

[Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,]

То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,

И ничего никогда породить не могла бы природа».

[29] *Лукреций*, «О природе вещей», II, 284 и сл.:

«И потому в семенах, помимо ударов и веса,

Должен ты также признать и другую причину движений,

Чем обусловлена в нас прирожденная эта способность.

...препятствует вес появлению всего от ударов,

\* Каспийского моря.– *Ред.*

Силою как бы извне; но чтоб ум не по внутренней только  
Необходимости все совершал и чтоб вынужден не был  
Только сносить и терпеть и пред ней побежденный склоняться, –  
Легкое служит к тому первичных начал отклоненье».

[30] *Аристотель*, «О небе», I, 7: «Если же вселенная не есть нечто сплошное, но, как учат Демокрит и Левкипп, тела отделены друг от друга пустотою, то движение их всех должно быть едино... Природа же их едина, например, как природа золота в каждом от него отломанном куске».

[31] *Аристотель*, «О небе», III, 2: «Поэтому Левкиппу и Демокриту, утверждающим, что первичные тела вечно движутся в беспредельной пустоте, следовало сказать, какого рода это движение и какое движение соответствует природе этих тел. Ибо если каждый из элементов принуждается к движению другим, то необходимо все же, чтобы каждый имел и естественное движение, по сравнению с которым другое движение является вынужденным. Но элемент, впервые вызвавший движение, должен был его вызвать не под действием насилия, а согласно своей природе. Иначе, если не окажется какого-либо естественного перводвигателя, причины будут все более отодвигаться в бесконечность: вечно будут вызывать насильственное движение те элементы, которые ранее сами насильственно были вызваны к движению».

[32] *Диоген Лаэртский*, X, 150: «По отношению к живым существам, которые не могут вступать в соглашение о том, чтобы взаимно не причинять и не терпеть вреда, не существует ни справедливого, ни несправедливого. То же самое надо сказать и о всех тех народах, которые не могли или не хотели вступать в договоры о том, чтобы взаимно не причинять и не терпеть вреда. Справедливость не есть нечто существующее само по себе, но она существует лишь во взаимном общении людей между собой, и она есть договор, заключаемый каждый раз в границах определенных стран относительно того, чтобы не причинять и не терпеть вреда».

[33]\*

## ГЛАВА ВТОРАЯ КАЧЕСТВА АТОМА

[1] *Диоген Лаэртский*, X, 54: «Ибо всякое свойство изменчиво, атомы же совершенно не изменяются».

*Лукреций*, «О природе вещей», II, 861 и сл.:

«Все это также должно совершенно быть чуждо началам,  
Если построить весь мир мы хотим на бессмертных основах,  
Чтобы он мог пребывать нерушимым во всем его целом».

\* Примечание [32] написано рукой Маркса. Примечание [33] написано не было.

[2] *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов» [I, с. 235–236]: «Эпикур... утверждал... что телам присущи такие три свойства: форма, величина и тяжесть. Демокрит признавал два: величину и форму; Эпикур прибавил к ним еще третье – тяжесть, ибо, как необходимо признать, тела движутся под действием тяжести».

Ср.: *Секст Эмпирик*, «Против математиков», с. 420.

[3] *Евсевий*, «Евангельское приготовление», XIV, с. 749.

[4] *Симплиций*, указ. соч., с. 362: «...он [Демокрит] полагал, что они [атомы] различаются по величине и по форме».

[5] *Филопон*, там же: «...он [Демокрит] определенно предполагает единую общую природу тела для всех видов сущего, а частями этого общего тела являются атомы, отличные друг от друга по величине и форме; ибо они не только имеют разную форму, но из них одни больше, другие же меньше».

[6] *Аристотель*, «О возникновении и уничтожении», I, 8: «...между тем он [Демокрит] признает, в зависимости от большего размера, и больший его [атома] вес».

[7] *Аристотель*, «О небе», I, 7: «Движение всех тел, согласно сказанному, по необходимости должно быть одно и то же... Таким образом, ни одно из тел не будет абсолютно легким, если все они обладают тяжестью; если же все будут обладать легкостью, тогда ни одно не будет тяжелым, и если бы отдельное тело имело вес или совершенную легкость, то оно было бы или на краю всего сущего, или в середине его...»

[8] *Риттер*, «История древней философии», ч. I, с. 568, прим. 2.

[9] *Аристотель*, «Метафизика», VII (VIII), 2: «Демокрит, по-видимому, полагал, что имеется три различия [атомов]. Ибо лежащее в основе тело – материя – одно и то же, а различается оно либо по “очертанию”, что означает форму, либо по “повороту”, что означает положение, либо же по “соприкосновению”, что означает порядок».

[10] *Аристотель*, указ. соч., I, 4: «Левкипп и его сотоварищ Демокрит считают элементами полное и пустое, называя одно сущим, другое небытием, а именно: полное и плотное – сущим, а пустое и разреженное – небытием. Поэтому они и говорят, что бытие существует отнюдь не более, чем небытие, потому что и пустота существует так же, как и тело; причиной же всего сущего является то и другое, как материя. И подобно тому как те, которые, утверждая единство основной субстанции, все остальное выводят из ее состояний, принимая разреженное и плотное за начала всех состояний, – таким же образом Левкипп и Демокрит считают различия атомов причинами всего остального. А этих различий они указывают три: форму, порядок и положение. Ибо бытие, по их словам, различается лишь “очертанием” [ῥοσμός], “соприкосновением” [διαφύη] и “поворотом” [τροπή]; причем “очертание” – это форма, “соприкосновение” – это порядок, а “по-

ворот” означает положение; например, А отличается от N формой, AN от NA – порядком, Z от N – положением».

[11] *Диоген Лаэртский*, X, 44: «...никакого качественного признака нет у атомов, кроме формы, величины и тяжести... Они не могут быть любой величины: по крайней мере, еще ни один атом не был предметом зрительного ощущения».

[12] *Диоген Лаэртский*, X, 56: «Наличие атомов любой величины вовсе не является необходимым условием для объяснения качественных различий: конечно, тогда имелись бы и атомы, доступные нашему зрению. Но в действительности этого не наблюдается и даже нельзя себе представить, каким образом могли бы атомы стать доступны зрению».

[13] *Диоген Лаэртский*, X, 55: «...нечего и думать о том, чтобы у атомов могла быть любая величина... Однако некоторые различия в их величине следует допустить».

[14] *Диоген Лаэртский*, X, 59: «Ведь мы показали, на основании приведенной аналогии, что атом имеет величину, но только малую, а наличие большой величины у атомов отвергли».

[15] Ср. *Диоген Лаэртский*, X, 58; *Стобей*, «Эклоги физические», I, с. 27.

[16] *Эпикур*, «Фрагменты» («О природе», II и XI) в сборнике, сост. Рози, изд. Орелли, с. 26.

[17] *Евсевий*, «Евангельское приготовление», XIV, с. 773 (изд. парижское): «Они впали между собой в такое разногласие, что один, например, [Эпикур] принял величину всех без исключения атомов самой малой и потому неощутимой, а другой, Демокрит, признал, что некоторые атомы могут быть и очень большой величины».

[18] *Стобей*, «Эклоги физические», I, 17: «Демокрит, например, говорит... что возможно существование атома величиной даже с мир». Ср.: *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», I, с. 235 и сл.

[19] *Аристотель*, «О возникновении и уничтожении», I, 8: «Они [атомы], за малостью своих размеров, невидимы».

[20] *Евсевий*, «Евангельское приготовление», XIV, с. 749: «Демокрит... признавал... за первоначала всех вещей неделимые, созерцаемые разумом тела». Ср.: *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», I, с. 235 и сл.

[21] *Диоген Лаэртский*, X, 54: «Вот и насчет атомов нужно решительно признать, что они не обладают никаким присущим всем явлениям качеством, кроме только формы, тяжести, величины и всего, что необходимо связано с наличием формы». Ср. § 44.

[22] *Диоген Лаэртский*, X, 42: «...к тому же атомы... представляют нечто неограниченное по разнообразию своих форм».

[23] *Диоген Лаэртский*, X, 42: «...однако же по своим разновидностям атомы вовсе не представляют совершенно беспредельное множество, а только неопределенное».

[24] *Лукреций*, II, 513 и сл.:

«...признать ты обязан,

Что разнородность фигур у материи также предельна».

*Евсевий*, «Евангельское подготовление», XIV, с. 349: «Эпикур признает количество форм атомов определенным, а не беспредельным». Ср.: *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», указ. место.

[25] *Диоген Лаэртский*, X, 42: «...атомов каждой из разновидностей в точном смысле слова бесконечное количество».

*Лукреций*, «О природе вещей», указ. место [II], 525 и сл.:

«...Ибо, хоть и положены грани Разнице в формах, должны похуже первоначала Или бесчисленны быть, иль материи вся совокупность Будет конечною, что невозможно, как я доказал уж».

[26] *Аристотель*, «О небе», III, 4: «Но ведь, конечно, вывод, как некоторые его формулируют, например, Левкипп и Демокрит, уроженец Абдер, лишен вероятности... И вдобавок к этому они еще утверждают, что ввиду того что тела различаются формами, а эти формы бесчисленны, то бесчисленны и простые тела. Но каково свойство и какова форма каждого элемента в отдельности, они никак не определили, но только приписали огню сферическую форму, воздух же и все прочее...»

*Филопон*, указ. место: «...они [атомы] имеют не только разную форму...»

[27] *Лукреций*, «О природе вещей», указ. место [II], 479 и сл.:

Первоначала вещей...

Лишь до известных границ разнородны бывают по формам.

Если бы не было так, то тогда непременно иные

Были бы должны семена достигать величин необъятных.

Ибо, при свойственных им одинаково малых размерах,

Не допускают они и значительной разницы в формах.

Если ж иные еще получить ты желаешь фигуры,

Части другие тебе прибавить придется...

И, таким образом, форм новизна приращение тела

Вслед за собою влечет; а поэтому нечего думать,

Будто вещей семена беспредельно различны по формам.

[28] Ср. прим. 25.

[29] *Диоген Лаэртский*, X, 44 и 54.

[30] *Бруккер*, «Руководство по истории философии», [1747], с. 224.

[31] *Лукреций*, «О природе вещей», I, 1052:

Тут одного берегись и не верь утверждению, Меммий,

Что устремляется все к какому-то центру вселенной.

[32] *Диоген Лаэртский*, X, 43: «...и движутся они [атомы] с равной скоростью ввиду того, что всем им, как легчайшему, так и тяжелейшему из них, пустота предоставляет одинаковый простор для вечного движения».

61: «Разумеется также, что атомы должны по необходимости обладать одинаковой скоростью, когда они несутся через пустоту при отсутствии какого бы то ни было сопротивления. Ведь раз ничто не будет оказывать сопротивления их движению, то тяжелые будут нести не с большей скоростью, чем малые и легкие, равно как и малые сравнительно с большими, если у первых на всем протяжении будет соответственный путь и вторым не будет встречаться никакого препятствия».

*Лукреций*, «О природе вещей», II, 235 и сл.:

Наоборот, никогда никакую нигде не способна

Вещь задержать пустота и явиться какой-то опорой,

В силу природы своей постоянно всему уступая.

Должно поэтому все, проносясь в пустоте без препятствий,

Равную скорость иметь, несмотря на различие в весе.

[33] Ср. гл. 3.

[34] *Фейербах*, «История новой философии». *Гассенди*, цит. соч., XXXIII, 7: «Эпикур, которому, быть может, этот эксперимент никогда и в голову не приходил, додумался, однако, трактуя об атомах, до такого вывода, до которого мы только недавно дошли путем опыта. Именно, в полном соответствии с реальным фактом одинаковой скорости движения тел при падении сверху вниз, несмотря на громадное различие их по своему весу и массе, Эпикур установил, что все атомы, хотя бы они по своей величине и весу представляли огромную разницу, тем не менее в своем движении имеют, один сравнительно с другим, одинаковую скорость».

### ГЛАВА ТРЕТЬЯ

#### НЕДЕЛИМЫЕ НАЧАЛА И НЕДЕЛИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ\*

[1] *Артемоха жевоѳ* [*Стобей*, «Эклоги физические», I, с. 306] отнюдь не значит: «не заполняют никакого пространства», но значит: «непричастны пустоте»; это все равно как в другом месте у *Диогена Лаэртского* сказано: «не имеют раздельности частей». Точно так же надо толковать это выражение и у *Плутарха*, «О мнениях философов», I, с. 236, и у *Симплиция*, с. 405.

[2] И этот вывод тоже неверен. То, что не может быть разделено в пространстве, вовсе не существует поэтому вне пространства и безотносительно к пространству.

[3] *Шаубах*, указ. соч., с. [549]–550.

[4] *Диоген Лаэртский*, X, 44.

[5] *Диоген Лаэртский*, X, 67: «Ничто нельзя мыслить само по себе бестелесным, за исключением пустоты».

\* Название главы дано Марксом по-гречески.

[6] *Диоген Лаэртский*, X, 39, 40 и 41.  
 [7] *Диоген Лаэртский*, VII, [гл.] I, [§ 134]: «Они [стоики] утверждают, что существует разница между первоначалами и элементами: первые вечны и нетленны, а элементы уничтожимы действием огня».  
 [8] *Аристотель*, «Метафизика», IV, 1 и 3.  
 [9] Ср.: указ. место.  
 [10] *Аристотель*, «Метафизика», указ. место, 3: «На таком же основании говорят и об элементах тел, называя так те предельные составные части, на которые разлагаются тела, в то время как сами эти предельные части уже не разделяются на другие, отличающиеся друг от друга по виду... Оттого-то все малое, простое и неразложимое называется элементом».  
 [11] *Аристотель*, «Метафизика», I, 4.  
 [12] *Диоген Лаэртский*, X, 54.  
*Плутарх*, «Колот», с. 1110: «Приведенные [положения Демокрита] в такой же степени неотделимы от положений Эпикура, как, по их [эпикурейцев] собственному высказыванию, форма и вес от атома».  
 [13] *Секст Эмпирик*, «Против математиков», с. 420.  
 [14] *Евсевий*, «Евангельское подготовление», XIV, с. 773: «Эпикур... признает атомы недоступными ощущению...». С. 749: «Имеют они» (т. е. атомы) «свои особые формы, созерцаемые умом».  
 [15] *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», I, с. 246: «Сам он» (т. е. Эпикур) «признал неуничтожимыми еще следующие четыре различного рода субстанции: атомы, пустоту, беспредельность и однородные частицы; последние и суть гомеомерии и элементы». С. 249: «Эпикур же учит, что тела не ограничены; первичные, в качестве простых, и прочие, как результат их сцепления, все имеют тяжесть».  
*Стобей*, «Эклоги физические», I, с. 52: «Метродор, наставник Эпикура, утверждает: первопричины – это атомы и элементы». С. 5: «Эпикур... считает неразрушимыми следующие четыре субстанции: атомы, пустоту, беспредельность и однородные частицы, которые называются также гомеомериями и элементами».  
 [16] Ср.: там же.  
*Цицерон*, «О высшем добре и зле», I, 6: «Затем следуют... атомы, пустота... сама бесконечность, которую они [Демокрит и Эпикур] называют беспредельностью».  
 [17] *Диоген Лаэртский*, X, 41: «Да и на самом деле вселенная бесконечна... И действительно, вселенная бесконечна как в силу множества тел в ней, так и в силу величины ее пустого пространства».  
 [18] *Плутарх*, «Против Колота», с. 1114: «Так вот что мы должны принять за начала для возникновения сущего – бесконечность и пустоту; но последняя бездейственна сама и недоступна воздействию, она бестелесна, а первая – хаотична, бессмысленна, неограниченна, сама себя разлагает

и приводит в расстройство, в силу того что из-за ее бесчисленности ею нельзя овладеть и ее нельзя ограничить».

[19] *Симплиций*, указ. соч., с. 488.

[20] *Псевдо-Плутарх*, «О мнениях философов», с. 239: «Метродор же говорит: "...что число миров беспредельно по своему множеству, это явствует из того, что беспредельно число первопричин... а первопричинами являются атомы или элементы"».

*Стобей*, «Эклоги физические», I, с. 52: «Метродор, наставник Эпикура, утверждает: первопричины – это атомы и элементы».

[21] *Лукреций*, «О природе вещей», I, 820 и сл.:

Те же начала собой образуют ведь небо и землю,  
 Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных.

*Диоген Лаэртский*, X, 39: «И действительно, вселенная всегда была такой, какова она теперь, и вечно останется такой же. Ибо нет ничего, во что она могла бы превратиться. Ведь, кроме вселенной, нет ничего, перейдя во что она могла бы совершить свое превращение... Вселенная есть тело...».

41: «Эти [образующие мир тела] неделимы и неизменны, если только все не должно распасться в небытие. Они имеют силу устоять при распадах сцеплений, оставаясь незатронутыми по своей природе, и исключают всякую возможность как-либо или во что-либо распасться».

[22] *Диоген Лаэртский*, X, 73: «...и все они [миры] в свою очередь распадаются, одни быстрее, другие медленнее; одни претерпевают эту гибель от одних причин, другие – от других».

74: «Итак, понятно также и утверждение его [Эпикура] о разрушимости миров в результате изменений в их частях».

*Лукреций*, V, 108 и сл.:

И не на деле уж лучше уверимся мы, а рассудком,  
 Что уничтожиться все с ужасающим грохотом может...

*Лукреций*, V, 373:

Смерти не замкнута дверь ни для свода небес, ни для солнца,  
 Ни для земли, ни для вод на равнинах глубокого моря, –  
 Настежь отверста она и зияет огромною пастью.

[23] *Симплиций*, указ. соч., с. 425.

[24] *Лукреций*, II, 796:

«...и что начала вещей никогда освещаться не могут...»

#### ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ВРЕМЯ

[1] *Аристотель*, «Физика», VIII, 1: «И потому Демокрит утверждает, что невозможно, чтобы вселенная имела начало: ибо время безначально».

[2] *Симплиций*, указ. соч., с. 426: «Действительно, Демокрит до такой степени был убежден в вечности времени, что, желая доказать безначальность вселенной, воспользовался признанием безначальности времени как очевидным доказательством».

[3] *Лукреций*, I, 459 и сл.:

Также и времени нет самого по себе...

И неизбежно признать, что никем ощущаться не может

Время само по себе, вне движения тел и покоя.

*Лукреций*, I, 479 и сл.:

[Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятия деяний]

Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,

И не имеют они никакого сродства с пустотою;

Но ты по праву скорей называть их явлениями можешь

Тела, а также и места, в котором все происходит.

*Секст Эмпирик*, «Против математиков», с. 420: Эпикур называет время акциденцией акциденций.

*Стобей*, «Эклоги физические», I, с. 11: «Эпикур (называет время) акциденцией, т. е. тем, что сопутствует движениям».

[4] *Диоген Лаэртский*, X, 72: «Далее должно обратить серьезное внимание и на следующее. Дело в том, что время нельзя исследовать так, как мы изучаем остальные вещи, заложенные в предмете, а именно связывая их с пролепсисами, имеющимися внутри нас самих, но следует рассмотреть ту очевидность, сообразно которой мы говорим о продолжительном или коротком времени, понимая это как нечто родственное с временем. И нет надобности вводить новые способы выражения, якобы лучшие, а следует пользоваться самыми обычными для обозначения времени словами. И не следует высказывать о нем, как это делают некоторые, что-нибудь другое, будто оно обладает особой сущностью, которая свойственна этому названию. Но необходимо только главным образом отдать отчет в том, каким образом мы связываем частные особенности с временем и как мы его измеряем».

X, 73: «Не нуждается также в доказательстве, а достаточно одного размышления, что мы связываем время с днями и ночами и с их частями, подобно тому как [связываем его] с нашими душевными переживаниями и отсутствием таковых, с состояниями движения и покоя, присоединяя мысленно ко всему этому, как своеобразный признак, то именно, что мы называем временем. Это он говорит также и во второй книге “О природе” и в “Большом извлечении”».

[5] *Лукреций*, «О природе вещей», указ. место.

*Секст Эмпирик*, «Против математиков», с. 420 и сл.: «Акциденция акциденций... Поэтому когда Эпикур говорит, что тело следует мыслить как соединение величины, формы, сопротивления и тяжести, то он принуждает представлять себе действительное тело из того, что не является телом...

Так что для того, чтобы существовало время, должны существовать акциденции, а для того, чтобы существовали эти акциденции, [должно существовать] нечто, лежащее в их основе; но такой основы наряду с ними нет, следовательно, не может быть и времени... Итак, раз все это есть время, а Эпикур признает, что акциденции этих явлений есть время, то, по Эпикуру, время будет само своей акциденцией». Ср.: *Стобей*, указ. соч.

[6] *Диоген Лаэртский*, X, 46: «Существуют также оттиски, подобные по внешнему виду твердым телам, но по своей тонкости превосходящие все доступное чувственному восприятию... Эти-то оттиски мы называем образами [ἑἰδῶλα]...».

X, 48: «Кроме того [следует допустить], что возникновение этих образов происходит с быстротою мысли... От поверхности тел происходит непрерывное истечение, неощутимое вследствие постоянно получаемого телами взамен восполнения. Это истечение сохраняет положение и порядок атомов соответствующего тела».

*Лукреций*, IV, 30 и сл.:

[Есть у вещей то], что мы за призраки их почитаем;

Тонкой подобно плевке от поверхности тел отделяясь,

В воздухе реют они, летая во всех направленьях.

*Лукреций*, IV, 52 и сл.:

Ибо и форму, и вид хранят отражения эти

Тел, из которых они, выделяясь, блуждают повсюду.

[7] *Диоген Лаэртский*, X, 49: «С другой стороны, следует так и считать, что, когда нечто привходит к нам от внешних предметов, мы видим и осмысливаем внешние формы. Ибо иначе предметы внешнего мира не могли бы впечатлеть своей собственной природы... Следовательно, мы видим по той причине, что в нас проникают от вещей некоторые отпечатки, имеющие одинаковые с ними цвет и форму в соответствующем соотношении; эти отпечатки проникают в глаза...». 50: «В силу последней причины [скорости движения] они порождают в нас представление одного непрерывного предмета и сохраняют соответствие с лежащим в основе их предметом...». 52: «Слуховое восприятие также возникает вследствие того, что какое-то веяние несется от предмета, издающего звук или шум, или стук, или производящего какое-либо другое слуховое ощущение. Это истечение рассеивается на однородные в своих частях массы, причем последние сохраняют некоторое соответствие между собой...». 53: «Также и относительно обоняния должно принять, что оно, как и слух, никогда не могло бы вызывать никакого ощущения, если бы не было некоторых частиц, истекающих от предметов и способных раздражать этот орган восприятия».

[8] *Лукреций*, «О природе вещей», II, 1139:

И справедливо должны погибать, таким образом, вещи,

Коль истончились они...

ГЛАВА ПЯТАЯ  
НЕБЕСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

[1] *Диоген Лаэртский*, II, 3, 10.

[2] *Аристотель*, «Метафизика», I, 5: «[Ксенофан говорит, что] единое есть бог».

[3] *Аристотель*, «О небе», I, 3: «Кажется, что понятие подтверждает явления, а явления – понятие. Так, все люди имеют представление о богах и отводят божественному горнее место; так поступают и варвары и эллины, вообще все те, кто верит в существование богов, связывая, очевидно, бессмертное с бессмертным; иначе и невозможно. Если, таким образом, божественное существует – как оно и есть на самом деле, – то и наше утверждение о субстанции небесных тел верно. Но это соответствует и чувственному восприятию, поскольку речь идет о человеческом убеждении. Ибо за все прошедшее время, по воспоминаниям, перешедшим от одних людей к другим, ничего, по-видимому, не изменилось ни во всем небе, ни в какой-либо из его частей. Даже название, по-видимому, передано нам древними, причем они имели в виду то же самое, что и мы. Ибо не однажды и не дважды, а бесконечное число раз доходили до нас, следует полагать, одни и те же представления. А так как первичное тело есть нечто отличное от земли и огня, воздуха и воды, то они называли горнее место эфиром [αἰθήρα] – от слов “вечно течь” [θεῖν ἄει], придав ему наименования вечное время».

[4] *Аристотель*, там же, II, 1: «Но небо и горнее место древние отвели богам, так как только оно бессмертно. А современное учение удостоверяет, что небо неразруσιμο, не имеет начала и к тому же непричастно ко всяким злоключениям смертных... И не только целесообразное было бы принять такое мнение о его [неба] вечности, но мы получили бы возможность делать соответственное заключение в согласии с откровением о божестве».

[5] *Аристотель*, «Метафизика», XI (XII), 8: «А что небо одно – это очевидно... До нас из глубокой древности дошло от предков, сохранившись в виде мифов более поздних поколений, представление о том, что небесные тела суть боги и что божественное начало объемлет всю природу. Остальное было прибавлено, в мифологической оболочке, для веры толпы, как полезное для законов и для жизни. Ибо толпа объявляет богов человекоподобными и похожими на некоторые другие живые существа и придумывает многое другое, связанное с этим и родственное ему. Если кто-нибудь отбросит все остальное и оставит только первое, веру в то, что первичные субстанции суть боги, то он должен считать, что это – божественное откровение и что с тех пор избретались и снова погибали всевозможные искусства и философские учения, указанные же мнения, как реликвии, дошли до настоящего времени».

[6] *Диоген Лаэртский*, X, 81: «Кроме всего этого, надо еще принять во внимание, что самое большое смятение человеческой души происходит

оттого, что люди считают небесные тела блаженными и неразрушимыми и приписывают им в то же время желания и действия, противоречащие этим свойствам, а также оттого, что они черпают страхи из мифов».

[7] *Диоген Лаэртский*, X, 76: «Что же касается небесных явлений, то необходимо считать, что движение, положение, затмение, восход, закат и тому подобные явления происходят вовсе не благодаря некоему существу, которое будто бы распоряжается ими, приводит их – или привело уже – в порядок и которое в то же время обладает полнотой блаженства, а вместе с тем и бессмертием».

X, 77: «Ибо поступки... не согласуются с блаженством, а происходят в силу слабости, страха и потребности, с которыми они большей частью связаны. Не следует также думать, что некоторые огнеподобные тела, обладающие блаженством, произвольно подвергают себя этим движениям... Если с этим не согласиться, то самое это противоречие вызовет величайшее смятение душ».

[8] *Аристотель*, «О небе», II, 1: «Поэтому не следует полагать, что, как рассказывается в древнем мифе, небо нуждается для своей опоры в некоем Атланте».

[9] *Диоген Лаэртский*, X, 85: «Итак, обдумай [Пифокл] хорошенько эти мои рассуждения и, стараясь хранить их в памяти, время от времени внимательно пробегай их вместе с прочими учениями, которые я изложил в “Малом извлечении” в письме к Геродоту».

[10] *Диоген Лаэртский*, X, 85: «Итак, прежде всего следует принять, что от познания небесных явлений, будут ли они рассматриваться в [более широкой] связи или сами по себе, не должно ожидать никакого иного результата, кроме атараксии и твердой уверенности, что является конечной целью и остального знания».

*Диоген Лаэртский*, X, 82: «Атараксия же есть результат освобождения от всего этого и неустанное памятование о вселенной в целом и о самых основных принципах».

[11] *Диоген Лаэртский*, X, 87: «Ведь наша жизнь нуждается не в мудрствовании и пустых гипотезах, а в том, чтобы мы жили безмятежно».

*Диоген Лаэртский*, X, 78: «Также следует считать, что задачей науки о природе является исследование причин главнейших явлений и что блаженство, испытываемое при изучении небесных явлений, имеет в этом свой источник».

*Диоген Лаэртский*, X, 79: «Что же касается изучения заката и восхода, положения и затмения светил и тому подобных явлений, то оно нисколько не способствует блаженству, получаемому от познания. Напротив, те, которые изучают эти явления, не зная ни природы того, что происходит, ни главных причин этого, находятся во власти страха. А если бы они научились предвидеть такие явления, они, может быть, испытали бы еще больший страх».

## Примечания

- 1 Намерение Маркса написать более обширную работу по истории эпикурейской, стоической и скептической философии не было осуществлено.
- 2 C.F. Köppen. "Friedrich der Grosse und seine Widersacher". Leipzig, 1840, S. 39. Эта книга посвящена Карлу Марксу.
- 3 Маркс цитирует здесь книгу Давида Юма "A treatise of human nature" («Трактат о человеческой природе») по немецкому переводному изданию "Über die menschliche Natur". Erster Band, Halle, 1790, S. 485.
- 4 Маркс цитирует отрывок из письма Эпикура к Менойкею по десятой книге Диогена Лаэртция, параграф 123; цитата, как и следующие цитаты из Эскила, приведена Марксом на греческом языке.
- 5 Хотя работа "De placitis philosophorum" («О мнениях философов») и приписывается Плутарху, он, по всей вероятности, не является ее автором.
- 6 Гимнософистами греки называли индийских философов, строгих аскетов.
- 7 Рукопись упомянутых в содержании (см. стр. 203) отделов первой части диссертации «Общее принципиальное различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» и «Результат» не разыскана.
- 8 По всей вероятности, имеются в виду комментарии немецкого профессора философии Нюрнбергера и немецкого филолога Шнейдера к следующим изданиям: "Diogenes Laertius. De vitis, dogmatibus et apophtegmatibus liber decimus graece et latine separatim editus... a Carolo Nurnbergero". 1791 («Диоген Лаэртций. О жизни, мнениях и изречениях, книга десятая, изданная отдельно по-гречески и по-латыни Карлом Нюрнбергером», Нюрнберг, 1791) и "Epicuri physica et meteorologica duabus epistolis eiusdem comprehensa. Graeca ad finem librorum scriptorium et editorum emendavit atque interpretatus est Io. Gottl. Schneider", Lipsiae, 1813 («Физические и метеорологические мнения Эпикура, содержащиеся в его двух письмах. Греческий текст на основании рукописных и печатных книг исправил и истолковал Иог. Готтл. Шнейдер». Лейпциг, 1813).
- 9 Речь идет не об ученике Эпикура Метродоре из Лампсака, а об ученике Демокрита Метродоре из Хиоса, который в соответствующей выдержке из Стобея, приводимой в авторском примечании, неточно назван учителем Эпикура. Эта же выдержка приведена в шестой тетради по эпикурейской философии.
- 10 Приложение к работе, которое, согласно содержанию, должно было состоять из двух разделов (см. стр. 203), сохранилось в виде двух фрагментов: начала первого параграфа второго раздела и авторских примечаний ко всем трем параграфам первого раздела. Общее заглавие приложения, отсутствующее в первом фрагменте, воспроизводится здесь по содержанию. Текст этого фрагмента почти дословно совпадает с текстом из третьей тетради по истории эпикурейской философии и переписан рукой неизвестного на такой же бумаге, что и текст в тетради. На этом основании высказывалось мнение, что настоящий фрагмент не относится к докторской диссертации, а является частью не дошедшей до нас работы по античной философии, носящей, очевидно, черновой подготовительный характер. В то же время содержание фрагмента и приводимые в нем цитаты из сочинения Плутарха имеют тесную связь с сохранившимся текстом авторских примечаний к приложению. Окончательно решить вопрос о принадлежности фрагмента к той или иной

работе на основании имеющихся фактов пока не представляется возможным, поэтому он публикуется в составе докторской диссертации.

- 11 В рукописи авторских примечаний все цитаты приведены на языках оригинала – латинском и греческом. Цитаты из книги Диогена Лаэртция «Жизнь и учения людей, прославившихся в философии» даны Марксом в отличие от «Тетрадей по эпикурейской философии», где они заимствованы из комментированного издания Гассенди (Лион, 1649), по вышедшему в 1833 г. в Лейпциге в издательстве Таухница изданию, которое в некоторых местах значительно отличается от гассендиевского. Этим объясняется в ряде случаев расхождение в тех же самых цитатах, данных Марксом в примечаниях к диссертации и в «Тетрадах по эпикурейской философии». В тексте примечаний Маркса в отдельных необходимых случаях сделаны пояснительные редакционные вставки в квадратных скобках.
- 12 Массалиоты – жители города Массалии (позднее Марсель), основанного около 600 г. до н. э. в качестве греческой колонии выходцами из малоазийской Фокеи. Упоминаемое Марксом сражение римского полководца Мариа с германскими племенами кимвров, вторгшихся в Галлию и северную Италию, произошло в 101 г. до н. э. при Верцеллах.
- 13 Речь идет о борьбе двух направлений в немецкой философии конца 30-х – начала 40-х годов XIX века. «Либеральной партией» Маркса называет здесь младогегельянцев. К концу 30-х годов наиболее радикальные из них (Б. Бауэр, Л. Фейербах, А. Руге и др.) перешли на позиции атеизма, подвергли критике философию Гегеля слева и выступили с требованием буржуазных свобод. Реакцией на эту эволюцию младогегельянства явилось оформление так называемой «позитивной философии». «Позитивная философия» – религиозно-мистическое направление в философии, выступившее с критикой философии Гегеля справа (Х.Г. Вейсе, И.Г. Фихте-младший, А. Гюнтер, Ф. Баадер, поздний Шеллинг). «Позитивные философы» пытались подчинить философию религии, выступали против рационального познания и считали божественное откровение единственным источником «позитивного» знания. Всякую философию, объявлявшую своим источником рациональное познание, они считали «негативной».

**НАБРОСОК НОВОГО ПРЕДИСЛОВИЯ К РАБОТЕ  
«РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ДЕМОКРИТА  
И НАТУРФИЛОСОФИЕЙ ЭПИКУРА»**

Труд, который я предлагаю общественности, это старая работа, и она должна была найти свое место сперва в общем изложении эпикурейской, стоической и скептической философии\*, на осуществление которого я в настоящее время не могу рассчитывать из-за политических и философских занятий совсем другого рода\*\*.

Только теперь настало время, когда поймут системы эпикурейцев, стоиков и скептиков. Это – философы самосознания. Эти строки по меньшей мере покажут, как мало эта задача решена до сих пор.

*Написано К. Марксом  
в конце 1841 – начале 1842 г.  
Впервые опубликовано в  
Marx-Engels Gesamtausgabe,  
Erste Abteilung, Bd. 1, Hlbd. 2, 1929*

*Печатается по рукописи  
Перевод с немецкого  
На русском языке публикуется впервые*

---

\* В рукописи зачеркнуто: «Так как, однако, занятия политическими и философскими работами, представляющими более непосредственный интерес, не позволяют мне пока что завершить общее изложение этих философских систем, так как я не знаю, когда я вновь буду иметь случай вернуться к этой теме, я ограничиваюсь...»

\*\* В рукописи зачеркнуто: «Эпикурейская, стоическая, скептическая философии, философии самосознания, в одинаковой мере отвергались и прежними философами как неспекулятивные, и учеными школьными учителями, которые тоже пишут историю философии, как...»

**МАРКС – КАРЛУ ФРИДРИХУ БАХМАНУ В ИЕНУ**

Берлин, 6 апреля 1841 г.  
Шютценштрассе, 68

Ваше высокоблагородие!

Пересылая Вашему высокоблагородию свою диссертацию о «Различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» с целью получения докторской степени и прилагая к ней *litterae petitoriae*\*, *curriculum vitae*\*\* , выпускные свидетельства Боннского и Берлинского университетов, а также предусмотренный законом сбор в размере двенадцати фридрихсдоров, одновременно покорнейше Вас прошу, в случае если моя работа удовлетворит факультет, по возможности ускорить присуждение докторской степени. С одной стороны, я смогу пробыть в Берлине всего лишь несколько недель, а с другой – по не зависящим от меня обстоятельствам мне было бы желательно получить докторскую степень до отъезда.

Выпускные свидетельства я хотел бы получить обратно ввиду того, что они являются подлинными.

С высочайшим уважением весьма преданный Вашему высокоблагородию  
*Карл Генрих Маркс*

*Впервые опубликовано в сборнике:  
«Archiv für die Geschichte des  
Sozialismus und der Arbeiterbewegung»,  
Jg. 12, Leipzig, 1926*

*Печатается по рукописи  
Перевод с немецкого  
На русском языке публикуется впервые*

**МАРКС – ЛЮДВИГУ БЕРНХАРДУ ВОЛЬФУ В ИЕНУ**

Берлин, 7 апреля [1841 г.]  
Schützenstraße, 68

Высокопочтенный г-н профессор!

Приношу Вам сердечную благодарность за дружеское участие в выполнении моей просьбы и осмеливаюсь сообщить Вашему высокоблагородию, что я только что отправил свою диссертацию вместе с документами на философский факультет и прошу Ваше высокоблагородие, согласно Вашему любезному обещанию, соблаговолить ускорить мне пересылку диплома. Мне кажется, что я уже слишком злоупотребил Вашей добротой, чтобы осмелиться утруждать Вас еще просьбой переслать диссертацию непосредственно мне.

С уверением в моей глубочайшей благодарности и почтеннейшем уважении весьма преданный Вам

---

\* Заявление (*лат.*).

\*\* Автобиографию (*лат.*).

## СПИСОК ИМЕН

### А

**Августин Блаженный** (354–430) – христианский богослов и философ, проповедник религиозного мировоззрения.  
**Адельфи** – переводчик трудов К. Маркса на итальянский язык.  
**Адоратский, Владимир Викторович** (1878–1945) – с 1931 г. руководитель Института Маркса – Энгельса в Москве.  
**Адорно, Теодор** (1903–1969) – немецкий философ, социолог, композитор и музыковед.  
**Александр Македонский** (356–323 до н.э.) – знаменитый полководец и государственный деятель древнего мира.  
**Альтюссер, Луи** (1918–1990) – французский философ.  
**Амикл Гераклеяский** (IV в. до н.э.) – греческий геометр, друг и ученик Платона.  
**Ампер, Андре Мари** (1775–1836) – французский физик, математик, естествоиспытатель.  
**Анаксагор** (ок. 500–428 до н.э.) – греческий философ, математик и астроном, основоположник афинской философской школы.  
**Андрале да Кошта, Эдвард Невилл** (1887–1971) – английский физик, писатель и поэт.  
**Антисфен из Родоса** (455/45 – ок. 366 до н.э.) – греческий историк и философ, последователь Аристотеля.  
**Аполлодор из Афин** (ок. 180 – после 120 до н.э.) – греческий философ-эпикурец, автор биографии Эпикура.

**Аристотель** (284–322 до н.э.) – великий мыслитель древности; в философии колебался между материализмом и идеализмом.  
**Арминий** (17 до н.э. – 21 н.э.) – вождь древнегерманского племени херусков; в 9 г. нанес римлянам сокрушительное поражение в битве в Тевтобургском лесу.  
**Архестрат** (IV в. до н.э.) – греческий поэт, автор сатирической поэмы о гастрологии.  
**Асмус, Валентин Фердинандович** (1894–1975) – советский философ, историк философии, логик, литературовед.  
**Архимед** (ок. 287–212 до н.э.) – великий греческий математик и механик.  
**Атений** (кон. II – нач. III в.) греческий ритор и писатель.  
**Атромет** – отец Эсхина.  
**Афина** – греческая богиня.

### Б

**Бабёф, Грахх** (1760–1797) – французский социалист-утопист, руководитель движения «во имя равенства» в годы Директории.  
**Багатурян, Георгий Александрович** (1929–2020) – советский и российский философ, специалист по марксизму.  
**Бакунин, Михаил Александрович** (1814–1876) – русский революционер, один из теоретиков анархизма и народничества.  
**Банно** (I в.) – фарисей-аскет, учитель Иосифа Флавия.

**Барт, Ролан** (1915–1980) – французский философ, литературовед, эстетик, семиотик, представитель структурализма и постструктурализма.  
**Бауэр, Бруно** (1809–1882) – немецкий философ, последователь Гегеля.  
**Бауэр, Эдгар** (1820–1886) – немецкий политический философ, младогегельянец; брат Б. Бауэра.  
**Бахман, Карл Фридрих** (1785–1855) – немецкий философ, профессор Йенского университета.  
**Башляр, Гастон** (1884–1962) – французский философ и искусствовед.  
**Бейль, Пьер** (1647–1706) – французский философ-скептик, критик религиозного догматизма.  
**Бек, Август** (1785–1867) – немецкий филолог-классик, эллинист, основоположник греческой эпиграфики.  
**Бергсон, Анри** (1859–1941) – французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни.  
**Берли, Исая** (1909–1997) – русско-британский философ, переводчик русской литературы и философских трудов, один из основателей современной политической философии.  
**Бернайс, Якоб** (1824–1881) – немецкий филолог и писатель-философ.  
**Бернштейн, Эдуард** (1850–1932) – немецкий социал-демократ, публицист.  
**Бисмарк, Отто фон** (1815–1898) – немецкий политический деятель, первый канцлер Германской империи.  
**Богомолов, Алексей Сергеевич** (1927–1983) – советский историк философии.  
**Больцман, Людвиг** (1844–1906) – австрийский физик, основатель статистической механики и создатель молекулярно-кинетической теории.  
**Бор, Нильс** (1885–1962) – датский физик.  
**Боянсе, Пьер** (1900–1976) – французский филолог-классик.

**Брандис, Христиан Август** (1790–1867) – немецкий историк философии; принимал участие в издании сочинений Аристотеля.  
**Брентано, Клеменс** (1778–1842) – немецкий писатель, поэт-романтик, педагог.  
**Бруккер, Иоганн Якоб** (1696–1770) – немецкий историк философии.  
**Бруно, Джордано** (1548–1600) – итальянский философ-пантеист, поэт.  
**Бруббахер, Фриц** (1874–1945) – швейцарский врач, либеральный социалист, писатель.  
**Бутру, Эмиль** (1845–1921) – французский философ, представитель спиритуализма.  
**Бухарин, Николай Иванович** (1888–1938) – видный советский партийный и государственный деятель, затем лидер так называемой «правой оппозиции».  
**Бэкон, Фрэнсис, барон Верулам, виконт Сент-Олбан** (1561–1626) – английский философ, основоположник эмпиризма, государственный деятель.

### В

**Вагнер, Рихард** (1813–1883) – немецкий композитор.  
**Вазюлин, Виктор Алексеевич** (1932–2012) – советский и российский философ.  
**Вайль, Феликс** (1898–1975) – администратор Общества социальных исследований (ГДР).  
**Валерий Максим** (I в.) – древнеримский писатель, автор собрания исторических анекдотов.  
**Васильева, Татьяна Вадимовна** (1942–2002) – российский филолог-классик, философ, переводчик.  
**Вебер, Макс** (1864–1920) – немецкий философ, социолог, политэконом.  
**Вежбицкая, Анна** (р. 1938) – польский и австралийский лингвист.

**Веллей Патеркул, Гай** (ок. 100 до н.э.) – римский сенатор.  
**Велькер, Фридрих Готтлиб** (1784–1868) – немецкий филолог-классик, археолог.  
**Вестфален, Людвиг фон** (1770–1842) – отец Женни Маркс, тайный советник в Трире.  
**Винкельман, Иоганн Иоахим** (1717–1768) – немецкий историк искусства, основоположник научного изучения античного искусства и археологии.  
**Вителли, Джироламо** (1849–1935) – итальянский филолог-классик.  
**Вольф, Оскар Людвиг Бернхард** (1799–1851) – немецкий писатель и историк литературы, профессор Йенского университета с 1830 г., друг Генриха Гейне.

## Г

**Ганс, Эдуард** (1797–1839) – немецкий юрист.  
**Гарнирон, Пьер** (1926?–2007) – переводчик и издатель греческих философов, издатель Гегеля.  
**Гассенди, Пьер** (1592–1655) – французский философ, сторонник и пропагандист атомистического учения Эпикура, физик и математик.  
**Гегель, Георг Вильгельм Фридрих** (1770–1831) – крупнейший немецкий философ; наиболее всесторонне разработал идеалистическую диалектику.  
**Гейне, Генрих** (1797–1856) – крупнейший немецкий поэт-романтик.  
**Геккель, Эрнст Генрих** (1834–1919) – немецкий естествоиспытатель и философ.  
**Генрих, Михаэль** (р. 1957) – историк философии, политолог и математик.  
**Гераклит** (ок. 540 – ок. 480 до н.э.) – греческий философ, один из

основоположников диалектики, стихийный материалист.  
**Герман, Готфрид** (1772–1848) – немецкий филолог и педагог.  
**Гермес, Георг** (1775–1831) – немецкий католический богослов, философ, духовный писатель  
**Гермипп из Смирны** (2-я пол. III в. до н.э.) – греческий писатель, автор жизнеописаний древних философов.  
**Геродот** – современник и ученик Эпикура.  
**Геррен, Жан Батист** (1870–1942) – французский физик.  
**Гесиод** (VIII–VII вв. до н.э.) – греческий поэт.  
**Гёте, Иоганн Вольфганг** (1749–1832) – классик немецкой литературы, ученый, эллинист.  
**Гёттлинг, Карл Вильгельм** (1793–1869) – немецкий филолог-классик.  
**Гиппоклит** – современник и ученик Эпикура.  
**Глаукотия** – мать Эсхина.  
**Глюкнер, Герман** (1896–1979) – немецкий философ, исследователь Гегеля.  
**Гольбах, Поль Анри** (1723–1783) – французский философ, представитель механистического материализма, атеист, один из идеологов революционной буржуазии.  
**Гомер** – величайший эпический поэт Древней Греции.  
**Гримм, братья Якоб** (1785–1863) и **Вильгельм** (1786–1859) – немецкие языковеды и исследователи фольклора.  
**Грасси, Эрнесто** (1902–1992) – итальянский философ.  
**Грисхайм, Карл Густав фон** – ученик Гегеля.  
**Гросси, Эрнесто** (1902–1992) – итальянский философ.  
**Гроч, Клаус** – издатель Гегеля.  
**Грюйтер, Вальтер де** – современный немецкий издатель.

**Грюнберг, Карл** (1861–1940) – директор Института социальных исследований во Франкфурте.  
**Гумбольдт, Александр фон** (1769–1859) – немецкий натуралист, путешественник, последователь романтической философии, один из основателей географии как самостоятельной науки.

## Д

**Давыдов, Юрий Николаевич** (1929–2007) – советский и российский философ и социолог.  
**Дальтон, Джон** (1766–1844) – английский физик, химик и метеоролог.  
**Деметрий из Магнессии** (I в. до н.э.) – греческий писатель, автор компилятивных сочинений о древних мыслителях и философах.  
**Демокрит** (ок. 460 – ок. 379 до н.э.) – греческий философ-материалист, один из создателей атомистической теории.  
**Дёберейнер, Иоганн Вольфганг** (1780–1849) – немецкий химик.  
**Джустини, Вольфганг** (1901–1980) – итальянский славист, переводчик.  
**Дидо** – семья французских типографов, издателей и книготорговцев XVIII–XIX вв.  
**Дильс, Герман** (1848–1922) – немецкий филолог-классик, историк Античности.  
**Диоген Лаэртский\*** (предположительно II–III в. до н.э.) –

\* Все ссылки на Диогена Лаэртского даны по изданию: *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1986. – 571 с. (Серия «Философское наследие»).  
Редактор тома и автор вступительной статьи А.Ф. Лосев указывает: «Поскольку установившейся традиции русского написания имени этого античного имени нет, мы сохраняем различное написание». Этому принципа придерживается и настоящее издание. – *Ред.*

греческий историк философии, составитель обширной компиляции о древних философах.  
**Диоген из Эноанды** (II в. н.э.) – греческий философ, последователь Эпикура.  
**Диокл Магнезийский** (I в. до н.э.) – античный историк философии.  
**Дойчер, Исаак** (1907–1967) – польско-британский историк, публицист, биограф Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина.  
**Дреп, Иоганн Генрих** (1843–1922) – издатель, помогавший Социал-демократической партии Германии.  
**Дройзен, Иоганн Густав** (1808–1884) – немецкий историк, исследователь эллинизма.  
**Друкер, Петер Фердинанд** (1909–2005) – американский учёный австрийского происхождения, экономист, публицист, ведущий теоретик менеджмента.  
**Дютан, Луи** (1730–1812) – французский филолог и историк, издатель сочинений Лейбница.

## Е

**Еврипид** (ок. 480–406 до н.э.) – греческий драматург, младший из трех великих трагиков.  
**Евсевий** (ок. 264 – ок. 340) – христианский богослов из Кесарии, автор сочинений по истории церкви.

## З

**Зеебод, Иоахим Дитрих Готфрид** (1792–1868) – филолог, преподаватель и библиотекарь, один из издателей «Archiv für Philologie und Pädagogik».  
**Зенон Элейский** (V в. до н.э.) – греческий философ, представитель метафизического материализма и субъективной диалектики понятий.

## И

**Ильенков, Эвальд Васильевич** (1924–1979) – советский философ, психолог, педагог.  
**Иосиф Флавий** (ок. 37 – ок. 100) – древнееврейский историк и военачальник.

## Й

**Йешке, Вальтер** – немецкий исследователь и издатель трудов Гегеля.

## К

**Казобон, Исаак де** (1559–1614) – швейцарский филолог.  
**Казобон, Эмерик де** – сын И. де Казобона.  
**Каллистрат** (III–IV вв.) – греческий писатель, софист, комментатор греческих поэтов.  
**Кампе И.Ф.К.** – ученик Гегеля.  
**Кант, Иммануил** (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкого идеализма.  
**Кантимори, Делио** (1904–1966) – итальянский историк и политик.  
**Канфора, Лучалио** – современный итальянский исследователь трудов К. Маркса.  
**Карнеад** (214–129 до н.э.) – греческий философ, основатель «Новой» (Третьей) Академии, представитель академического скептицизма.  
**Карр, Эдвард Халлетт** (1892–1982) – британский историк, политолог, дипломат, журналист.  
**Каутский, Карл** (1854–1938) – немецкий экономист, историк, публицист, социал-демократ.  
**Кёлер, Дитмар** – современный немецкий философ.  
**Кёппен, Карл Фридрих Альберт** (1822–1898) – немецкий философ, последователь Гегеля.  
**Клеант** (331–232 до н.э.) – греческий философ-стоик, преемник Зенона

Китийского в качестве главы стоической школы.  
**Климент Александрийский, Тит Флавий** (ок. 150 – ок. 215) – христианский богослов, философ-идеалист.  
**Клиний** (IV в. до н.э.) – философ-пифагорец. Согласно Диогену Лаэртскому, он и Амикл из Гераклеи отговорили Платона от сожжения трудов Демокрита.  
**Клоц, Ренгольд** (1807–1870) – филолог, один из издателей «Archiv für Philologie und Pädagogik».  
**Кодиньола, Эрнесто** – переводчик Гегеля на итальянский язык.  
**Кондилис, Панайотис** (1943–1998) – греческий философ, историк философии.  
**Конфуций** (551–479 до н.э.) – великий учёный и мыслитель Древнего Китая.  
**Корнелий Непот** (ок. 100 – ок. 25 до н.э.) – римский историк и биограф.  
**Корню, Огюст** (1888–1981) – французский философ-марксист, историк философии, социалист, коммунист.  
**Котта** – семейство, владевшее старейшим немецким издательством (осн. В 1639 в Тюбингене).  
**Котта, Гай Аврелий** (ок. 120 – ок. 73 до н.э.) – римский оратор и политический деятель, консул в 74 г. до н.э.  
**Коши, Огюстен Луи** (1789–1857) – французский математик и механик.  
**Краузе Дж.П.** (XVIII в.) – венский издатель книги Диогена Лаэртского.  
**Кроче, Бенедетто** (1866–1952) – итальянский философ, критик, атеист. Представитель неогегельянства.  
**Ксенократ Халкидонский** (396–314 до н.э.) – греческий философ, ученик Платона.  
**Ксенофан из Колофона** (ок. 580 – ок. 470 до н.э.) – греческий философ и поэт, представитель метафизического

материализма, основатель элейской школы.  
**Ксепландер, Гуильельмус** (1532–1576) – издатель и переводчик произведений Плутарха и других греческих писателей на латинский язык.  
**Кучински, Томас** (р. 1944) – руководитель Высшей школы Берлинской академии наук (ликвидирована после объединения Германии).  
**Кяги, Пауль** – немецкий исследователь исторического материализма.

## Л

**Лактанций, Луций Цецилий Фирмиан** (ок. 240/250 – ок. 325) – христианский ритор.  
**Ламбен, Дени** (1520–1572) – французский филолог-классик, славившийся эрудицией.  
**Ламетри, Жюльен Офре де** (1709–1751) – французский врач, философ-материалист.  
**Ланге, Эрхард** – немецкий историк философии.  
**Лалин, Николай Иванович** (1931–2021) – советский и российский философ, социолог.  
**Ларусс, Пьер** (1817–1875) – французский филолог, педагог, языковед, основатель издательства, впоследствии крупнейшего в Европе, создатель Большого универсального словаря XIX века.  
**Лассаль, Фердинанд** (1825–1864) – немецкий философ, публицист, социалист.  
**Лассон, Георг** (1862–1932) – немецкий теолог, философ-неогегельянец.  
**Лафарг, Поль** (1842–1911) – французский экономист, публицист, социалист, видный теоретик марксизма. Муж дочери К. Маркса Лауры (1845–1911).

**Лахман, Карл Конрад Фридрих** (1793–1851) – немецкий филолог-классик.  
**Левин, Норман** – британский исследователь трудов К. Маркса.  
**Левкипп** (V в. до н.э.) – греческий философ-материалист, учитель Демокрита, родоначальник атомистической теории.  
**Лейбниц, Готфрид Вильгельм** (1640–1716) – немецкий математик, философ-идеалист.  
**Ленау, Николаус** (1802–1850) – австрийский поэт-романтик.  
**Ленин, Владимир Ильич** (1870–1924).  
**Леонтей из Лампсака** (прибл. III в. до н.э.) – греческий философ, ученик Эпикура.  
**Лепский, Владимир Евгеньевич** (р. 1944) – советский и российский психолог.  
**Либкнехт, Вильгельм** (1826–1900) – немецкий революционер и политик.  
**Либкнехт, Карл** – один из руководителей немецкой революционной социал-демократии, входил в число основателей Коммунистической партии Германии. Теоретик марксизма.  
**Ливергуд, Норман Дэвид** (р. 1933) – американский философ, преподаватель.  
**Лисифан** (Навсифап, IV в. до н.э.) – греческий философ, последователь Демокрита.  
**Локк, Джон** (1632–1704) – английский философ, педагог, политический мыслитель, представитель эмпиризма и либерализма.  
**Лосев, Алексей Федорович** (1893–1988) – российский и советский философ, антиковед, филолог-классик, переводчик.  
**Луcretий Кар, Тит** (ок. 99 – ок. 55 до н.э.) – римский философ и поэт, материалист, атеист.  
**Люден, Генрих** (1778–1847) – немецкий историк.

**Люксембург, Роза** (1871–1919) – одна из руководителей немецкой революционной социал-демократии, входила в число основателей Коммунистической партии Германии. Теоретик марксизма.

## М

**Мабли, Габриэль Бонно де** (1709–1785) – французский социальный философ, представитель утопического социализма.

**Майоров, Геннадий Георгиевич** (р. 1941) – советский и российский философ, историк философии.

**Маклеллан, Дэвид** (р. 1940) – британский исследователь марксизма.

**Максвелл, Джеймс Клерк** (1831–1879) – английский физик, создатель классической электродинамики.

**Манро, Хью Эндриу Джонстон** (1819–1885) – британский филолог-классик, педагог и научный писатель.

**Марий, Гай** (ок. 156–86 до н.э.) – римский полководец и государственный деятель.

**Маркс, Генрих** (1777–1838) – отец К. Маркса, адвокат, советник юстиции в Трире.

**Маркс, Жени** (урожд. фон Вестфален, 1814–1881) – жена К. Маркса.

**Маркузе, Герберт** (1898–1979) – немецкий философ, социолог, культуролог.

**Марта, Бенжамен Констан** (1820–1895) – французский философ и историк античной морали.

**Маршак, Самуил Яковлевич** (1887–1964) – русский советский поэт, переводчик.

**Мёбиус, Фридрих Отто Карл** (р. 1928) – немецкий историк искусства и архитектуры.

**Медведев, Рой Александрович** (р. 1925) – советский и российский

публицист, писатель, автор многих историко-политических биографий.

**Мезо, Пьер де** (ок. 1666 или 1673–1745) – французский критик и историк; общался с крупными философами конца XVII – 1-й половины XVIII в. и издавал их труды.

**Мейер, Юрген-Бона** (1829–1897) – немецкий философ, деятель образования.

**Мелеагр из Гадары** (ок. 130 – ок. 70/60 до н.э.) – греческий поэт, составитель первой антологии эпиграмм, известной как «Корона Мелеагра».

**Менаж, Жиль** (1613–1692) – французский филолог.

**Менде, Георг** (1910–1983) – немецкий коммунист, проректор Йенского университета, директор Института философии.

**Меринг, Франц** (1846–1919) – немецкий философ-марксист, биограф К. Маркса, историк, публицист и политик.

**Меркер, Николао** (1931–2016) – итальянский философ, исследователь марксизма.

**Метродор из Лампсака** (ок. 331–278 до н.э.) – греческий философ, ученик Эпикура.

**Мишле, Карл Людвиг** (1801–1893) – немецкий философ-гегельянец.

**Моммзен, Теодор** (1817–1903) – немецкий историк, филолог-классик, юрист.

**Мопертюи, Пьер Луи де** (1698–1759) – французский математик, естествоиспытатель, физик, геодезист.

**Мусто, Марчелло** (р. 1976) – итальянский исследователь марксизма и социалистической мысли.

**Мюленбрух, Христиан-Фридрих-Симон** (1785–1843) – немецкий юрист-цивилист.

**Мюллер, Герхард** – немецкий историк античной материалистической философии.

## Н

**Неокл** (IV в. до н.э.) – отец Эпикура.

**Нибур, Бартольд Георг** (1776–1831) – немецкий историк Античности.

**Низан, Поль** (1905–1940) – французский философ и писатель, коммунист.

**Николай** – неустановленное лицо, упоминаемое Диогеном Лаэртским.

**Ниппель, Вильфрид** – исследователь диссертации К. Маркса.

**Ницше, Фридрих** (1844–1900) – немецкий философ. Писал в жанре художественно-философской прозы, проповедовал эстетический имморализм, утверждал «сверхчеловека».

**Ньютон, Исаак** (1643–1727) – английский физик, механик, астроном.

**Нюрнбергер, Иоганн Баптист Карл** (1762–1807) – профессор философии и математики в Дортмунде.

## О

**Овидий Назон, Публий** (43 до н.э. – 17 н.э.) – древнеримский поэт.

**Орелли, Иоганн Каспер** (1787–1849) – швейцарский филолог-классик.

**Оттокар, Николай Петрович** (1884–1957) – русский и итальянский историк-медиевист.

## П

**Парменид из Элен** (кон. VI – нач. V в. до н.э.) – греческий философ, представитель метафизического материализма.

**Паскуали, Джорджо** (1885–1952) – итальянский филолог-классик.

**Перрен, Жан Батист** (1870–1942) – французский физик, нобелевский лауреат (1926).

**Петровский, Федор Александрович** (1890–1978) – российский и советский филолог-классик, педагог, переводчик античных авторов.

**Пийон, Франсуа** (1830–1913) – французский философ.

**Пифокл** – современник и ученик Эпикура.

**Плантен, Кристофор** (XVI в.) – голландский печатник.

**Платон** (ок. 427 – ок. 347) – греческий философ-идеалист.

**Плотин** (205–270) – греческий философ-идеалист, основатель неоплатонизма.

**Плутарх** (ок. 46 – ок. 127) – греческий писатель-моралист, философ.

**Полистрат** – современник и ученик Эпикура.

**Поллок, Фриц** (1894–1970) – первый руководитель издательства, созданного для выпуска собрания сочинений Маркса и Энгельса в Лейпциге.

**Посидоний из Апамен** (ок. 135 – ок. 51 до н.э.) – греческий философ-стоик.

**Праксифан** (IV в. до н.э.) – греческий философ, грамматик, последователь Аристотеля.

**Преллер, Людвиг** (1809–1861) – немецкий филолог и знаток классических древностей.

**Прокл Диадох** (421–485) – греческий философ-неоплатоник, руководитель Платоновской Академии.

**Проперций, Секст** (ок. 50 – после 15 до н.э.) – римский элегический поэт.

## Р

**Раджоньери, Эрнесто** (1926–1975) – итальянский историк.

**Ранке, Леопольд фон** (1795–1886) – официальный историограф Пруссии.

**Рау, Леопольд** (1847–1880) – немецкий скульптор классического направления.

**Реймарус, Герман Самуил** (1694–1768) – немецкий историк и филолог, гебраист, представитель деизма.

**Рейнхольд, Эрнст** (1793–1855) – профессор логики и метафизики в Йенском университете.

**Рижский, Моисей Иосифович** (1911–2008) – советский и российский историк и переводчик-антиковед.

**Риттер, Генрих** (1791–1869) – немецкий историк философии; придерживался религиозно-идеалистических взглядов.

**Ровольт, Эрнст Герман Генрих** (1887–1960) – немецкий издатель.

**Розенберг, Артур** (1889–1943) – немецкий марксистский историк и политик.

**Розини, Карло Мариа** (1748–1836) – итальянский историк и археолог, комментатор и издатель Эпикура.

**Рокмор, Том** (р. 1942) – американский философ, исследователь наследия К. Маркса.

**Ру, Жак** (1752–1794) – французский священник и деятель Великой французской революции, лидер крайне левой фракции «бешеных».

**Рубин, Исаак Ильич** (1896–1937) – советский экономист, историк экономической мысли, преподаватель марксизма; работал в Институте Маркса – Энгельса.

**Руге, Арнольд** (1802–1880) – немецкий прозаик и философ; некоторое время сотрудничал с К. Марксом, дружил с Л. Фейербахом.

**Рутенберг, Адольф** (1808–1869) – немецкий философ, последователь Гегеля, близкий друг К. Маркса.

**Рюбель, Максимилиан** (1905–1996) – марксистский историк и теоретик либертарного коммунизма.

**Рязанов, Давид Борисович** (1870–1938) – деятель российского революционного и профсоюзного движения, историк, библиограф, архивист. Основатель и первый директор Московского института Маркса и Энгельса.

**С**

**Сабетти, Альфредо** – итальянский биограф К. Маркса.

**Савиньи, Фридрих Карл фон** (1779–1861) – немецкий правовед, юрист, историк.

**Салем, Жан** (1952–2018) – французский философ.

**Самбук, Иоганн** (Янош Жамбоки, 1531–1584) – венгерский врач, картограф, филолог-латинист, философ, поэт.

**Санна, Джованни** – переводчик Гегеля на итальянский язык.

**Сатир** (III – II в. до н.э.) – греческий писатель.

**Сведенборг, Эмануэль** (1688–1772) – шведский философ-мистик.

**Сегал, Александр Петрович** (р. 1957) – российский журналист и философ.

**Секст Эмпирик** (II в.) – греческий философ-скептик.

**Сенека, Луций Анней** (ок. 4 до н.э. – 65 н.э.) – римский философ, видный представитель стоицизма.

**Сент-Круа, Джеффри де** (1910–2000) – британский историк-марксист.

**Симплиций** (VI в.) – греческий философ-неоплатоник, комментатор Аристотеля.

**Сократ** (ок. 469 – ок. 399 до н.э.) – греческий философ-идеалист.

**Сотион из Александрии** (III в. до н.э.) – греческий философ, автор сочинения по истории философии, приверженец Аристотеля.

**Спиноза, Бенедикт** (1632–1677) – нидерландский философ-рационалист.

**Сталин, Иосиф Виссарионович** (1878–1953).

**Стедман Джонс, Гарет** (р. 1942) – британский историк, исследователь европейской политической мысли XIX века.

**Стильпон Мегарский** (360–280 до н.э.) – греческий философ, последователь Сократа.

**Стобей, Иоанн** (прибл. V в.) – греческий писатель, составитель

обширной компиляции из сочинений древних авторов.

**Страда, Витторио** (1929–2018) – итальянский литературовед, переводчик-славист, историк русской литературы и общественной мысли.

**Суварин, Борис** (1895–1984) – французский политический деятель, писатель. Поддерживал позиции Л.Д. Троцкого.

**Т**

**Тауберт, Инге** (1928–2009) – немецкий историк марксистской философии.

**Таухниц** – семья немецких печатников и издателей.

**Тахо-Годи, Аза Алибековна** (р. 1922) – советский и российский филолог-классик, переводчик, философ.

**Теофраст** (ок. 385–288/285 до н.э.) – греческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки. Ученик Аристотеля.

**Требацкий** – римский юрист, современник Цицерона, последователь эпикуреизма.

**Тренделенбург, Адольф** (1802–1872) – немецкий философ-идеалист, автор комментариев к сочинениям Аристотеля.

**Троцкий, Лев Давидович** (1879–1940) – один из лидеров Октябрьской революции в России, впоследствии политический оппонент Сталина.

**Турато, Фабио** – современный итальянский историк культуры.

**Ф**

**Фабрициус, Иоганн Альберт** (1668–1736) – немецкий исследователь классической литературы и библиограф.

**Фалес Милетский** (VI в. до н.э.) – греческий философ и математик.

**Фаррингтон, Бенджамин** (1891–1974) – британо-ирландский филолог-классик, марксист.

**Фейербах, Людвиг Андреас** (1804–1872) – немецкий философ-материалист.

**Фемистий** (IV в.) – греческий философ, комментатор Аристотеля.

**Фемистокл** (524–459 до н.э.) – афинский государственный деятель и полководец, стоявший у истоков афинской демократии.

**Фердинанд I** (1503–1564) – император Священной Римской империи с 1556 г.

**Ферли Д.Дж.** – историк античной философии.

**Филодем из Гадары** (100/110–35/40 до н.э.) – греческий философ, последователь Эпикура.

**Филопон** (иначе Иоанн Грамматик, ок. 490–570) – греческий философ и богослов.

**Фихте, Иоганн Готтлиб** (1762–1814) – немецкий философ.

**Форлендер, Карл** (1860–1928) – немецкий философ, представитель Марбургской школы неокантианства, биограф К. Маркса, социал-демократ.

**Фридрих II Великий** (1712–1786) – король Пруссии с 1740 г.

**Фриз, Якоб Фридрих** (1773–1843) – немецкий философ-неокантианец.

**Фромм, Эрих** (1900–1980) – немецкий философ, социальный психолог, психоаналитик.

**Фурье, Шарль** (1772–1837) – французский философ, социолог, представитель утопического социализма, автор термина «феминизм».

**Х**

**Херестрата** – мать Эпикура.

**Херинг, Георг Вильгельм Генрих** (псевд. Виллибальд Алексис, 1798–1871) – основоположник немецкого исторического романа.

**Хикс, Роберт Дрю** (1850–1929) – британский филолог-классик.

**Хиллман, Гюнтер** – функционер Коммунистической партии Германии (ФРГ).

**Хобсбаум, Эрик** (1917–2012) – британский историк-марксист.

**Хоркхаймер, Макс** (1895–1973) – немецкий философ, социолог, один из основателей Франкфуртской школы.

**Хото, Генрих Густав** (1802–1871) – немецкий историк искусства и философ-эстетик гегелевской школы.

**Хоффмайстер, Иоганнес** – ученик и издатель Гегеля.

**Хрисипп** (ок. 280 – ок. 205 до н.э.) – греческий философ, видный представитель стоицизма.

**Хубе, Ромуальд** (1803–1890) – польский историк, правовед.

**Хюбнер, Генрих Густав** – издатель трудов античных философов.

## Ц

**Целлер, Эдуард** (1814–1908) – немецкий историк философии, протестантский богослов и философ.

**Цеткин, Клара** (1857–1933) – деятель немецкого и международного коммунистического и рабочего движения.

**Цицерон, Марк Туллий** (106–43 до н.э.) – выдающийся римский оратор и государственный деятель, философ-эклектик.

## Ч

**Чинголи, Марио** – итальянский философ, исследователь трудов Гегеля, Маркса, Энгельса.

## Ш

**Шаубах, Иоганн Конрад** (1764–1849) – немецкий астроном, автор исследований по истории античной астрономии.

**Шварц, Эдуард** (1858–1940) – немецкий лингвист, историк.

**Шеллинг, Фридрих Вильгельм** (1775–1854) – немецкий философ-идеалист.

**Шёмани, Георг Фридрих** (1793–1879) – немецкий филолог.

**Шмидт, Эрнст Гюнтер** (1929–1999) – немецкий филолог-классик.

**Шнейдер, Иоганн Готтлоб** (1750–1822) – немецкий филолог, автор исследований по истории античного естествознания.

**Шометт, Пьер Гаспар** (1763–1794) – деятель Великой французской революции, прокурор-синдик Парижской коммуны 1792 г., один из основателей «культы разума».

**Шрёдингер, Эрвин** (1887–1961) – австрийский физик, один из создателей квантовой механики.

**Шульце, Фридрих Готтлоб** (1795–1860) – немецкий экономист.

## Э

**Эбер, Жак-Рене** (1757–1794) – французский журналист, деятель Великой французской революции, крайне левый среди якобинцев.

**Эвелинг, Элеонора** (1855–1898) – дочь К. Маркса.

**Эвридик** (кон. IV – нач. III в. до н.э.) – греческий философ, ученик скептика Пиррона.

**Эйнауди, Джулио** (1912–1999) – итальянский издатель.

**Эйнштейн, Альберт** (1879–1955) – американский, немецкий и швейцарский физик, один из основателей современной теоретической физики.

**Эйхгорн, Иоганн Альбрехт Фридрих** (1779–1856) – министр по делам религии, образования и здравоохранения Пруссии.

**Эйхлер, Мартин** – современный исследователь философского наследия К. Маркса.

**Эйхштадт, Генрих Карл Абрахам** (1772–1848) – немецкий филолог-латинист.

**Эко, Умберто** (1932–2016) – специалист по семиотике и средневековой эстетике, теоретик культуры, публицист.

**Эмпедокл** (490–430 до н.э.) – греческий философ, врач, государственный деятель, жрец. Его труды написаны в форме поэм.

**Эпикур** (ок. 341 – ок. 270 до н.э.) – греческий философ-материалист, атеист.

**Эпихарм** (ок. 540 – ок. 450 до н.э.) – греческий комедиограф.

**Эрну, Альфред** (1879–1973) – французский филолог-латинист.

**Эсхил** (525–456) – греческий драматург, автор классических трагедий.

**Эсхин из Сфетта** (Сократик, 425–360 до н.э.) – греческий философ.

**Этьенн, Анри** (1460/1470–1520) – парижский печатник.

## Ю

**Юм, Давид** (1797–1847) – английский философ, субъективный идеалист, агностик, историк и экономист.

## Я

**Якобиц, Карл Готфрид** (1807–1887) – немецкий педагог, филолог-классик.

**Ян, Иоганн Христиан** (1797–1846) – немецкий филолог.

## ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

**Аполлон (Феб)** – в греческой мифологии бог света, искусств и пророчеств.

**Атлант** – в греческой мифологии титан, державший на своих плечах небесный свод.

**Геракл (Геркулес)** – популярнейший герой греческой мифологии, известный атлетической мощью и богатырскими подвигами.

**Гермес** – в греческой мифологии бог пастбищ и стад, дорог, торговли, гимнастики и красноречия, сын Зевса и Майи.

**Данаиды** – в греческой мифологии дочери царя Даная, в наказание за убийство своих мужей осужденные вечно наполнять водой бездонную бочку.

**Зевс** – верховный бог в греческой мифологии, сын бога Крона.

**Иисус Христос** – основатель христианства.

**Лорелея** – сирена из немецкой романтической легенды; о ней писали Г. Гейне и К. Брентано.

**Молох** – бог солнца в религии Древней Финикии и Карфагена. Поклонение ему сопровождалось человеческими жертвоприношениями; впоследствии его имя стало нарицательным для обозначения свирепой всепоглощающей силы.

**Павел** – согласно Библии, автор «Деяний апостолов» и ряда посланий, входящих в Новый Завет.

**Прометей** – в греческой мифологии один из титанов, богорец и защитник людей.

**Цербер** – в греческой мифологии трехглавый пес, охранявший выход из подземного царства.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Маркс Карл**

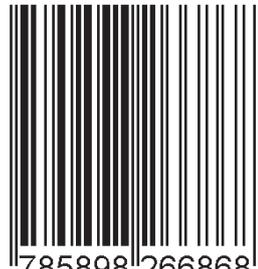
Различие между натурфилософией Демокрита  
и натурфилософией Эпикура

Директор издательства *Б.В. Орешин*  
Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Формат 60×90/16  
Печать офсетная. Бумага офсетная.  
Объем 18,5 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»  
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9  
Тел. 8-499-245-53-95  
<https://progresstradition.ru>

ISBN 9785898266868



9 785898 266868

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»  
(Типография «Наука»)  
121099, Москва, Шубинский пер., 6